Працы Беларускага дзяржаўнага універсітэта ў Мінску

1927 N 14-15

Беларуская Сацыялістычная Савецкая Рэспубліка
Белорусская Социалистическая Советская Республика

ПРАЦЫ
Беларускага Дзяржаўнага Унівэрсытэту ў Менску.

ТРУДЫ
Белорусского Государственного Университета в г. Минске.

LES ANNALES
de l'Université de la Blanche-Ruthénie.

1. ФАКУЛЬТЭТ ПРАВА І ГАСПАДАРКІ.

1927 г.

№ 14-15

Выданьне Праўленьня Б. Д. У.
Менск—1927

ОГЛАВЛЕНИЕ

1927 г. № 14-15.

ПРАЦЫ

Беларускага Дзяржаўнага Унiвэрсытэту ў Менску.

ТРУДЫ

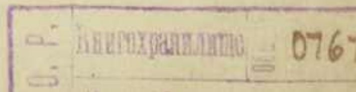
Белорусского Государственного Университета в г. Минске.

LES ANNALES

de l'Université de la Blanche-Ruthénie.

1. ФАКУЛЬТЭТ ПРАВА І ГАСПАДАРКІ.

Выданьне Праўленьня Б. Д. У.
Менск—1927



Главлитбел № 25781. (Тираж 700 экз.)

Минск, 2 типлит БГИ № 2053.

С. Я. Вольфсон.

Этическое миросозерцание Спинозы.

Настоящий доклад, посвященный памяти Баруха Спинозы, и имеющий предметом характеристику одной из сторон философского наследия гениального мыслителя, я хочу начать с небольшого пояснения общего характера.

У некоторых из присутствующих может возникнуть вопрос: „Почему мы, рожденный и вспоенный революцией университет, празднуем сегодня 250-ую годовщину смерти Спинозы? Почему мы, диалектические материалисты, ведущие научную работу под знаменем ортодоксального марксизма, считаем юбилей Спинозы и своим праздником?"

На этот вопрос я отвечаю. Так мы поступаем не только потому, что „homo sum et nihil humanum mihi alienum est". „Мы люди и потому ничто человеческое нам не чуждо". Нет, мы Спинозу чтим не только как титана мысли, не только как прекрасный образец человеческого ума, как величавое проявление могучего человеческого интеллекта, как „homo sapientissimus". Для нас его юбилейная дата—праздник и потому, что Спиноза был одним из величайших революционеров мысли, которых знает человеческая история, одним из благороднейших борцов за раскрепощенную от пут мертвящей традиции, косности и потусторонних устремлений науку.

Освободительное движение, знаменующее собой перелом от господствующего миросозерцания средневековья к мышлению нового времени, идеологическая революция, пережитая европейским человечеством на грани средних и новых веков, нашла в лице Спинозы одного из своих наиболее великих выразителей.

Спиноза разрушил идею мировой целесообразности, этот важнейший опорный пункт средневековой идеологии, и низложил религиозный миф, в подчинении которому находилась научная мысль его времени.

Спиноза выступил врагом всяческих трансцендентных устремлений, довлевших над современной ему философией. В противовес этим устремлениям Спиноза развил натуралистическое, проникнутое принципом строжайшей механической закономерности и причинной обусловленности явлений, миропонимание. Он и включил человека в единую систему мира—природы и подчинил его, человека, железному детерминистическому закону. Он преодолел декартов дуализм, которому противопоставил систему натуралистического монизма. На те проблемы, которые стояли пред философией его эпохи, Спиноза дал ответы материалистические в той мере, которую позволяли социальные условия и естественно-научные знания этой эпохи. И потому непосред-

ственный предшественник современного материализма Людвиг Фейербах счел себя вправе—и этого права мы не имеем основания оспаривать у него—назвать Спинозу „Мойсеем новейших свободных мыслителей и материалистов“...

Я не хочу, однако, чтобы это замечание вступительного порядка могло быть понято в том смысле, что сказанными словами я безоговорочно отношу Спинозу к числу последовательных материалистических философов. Я считал бы такого рода попытку упрощенческим и вульгаризующим марксизм приемом. По вопросу о материализме Спинозы, я полагаю, нельзя голосовать: „за“ или „против“. Здесь нужен тщательный и всесторонний диалектический анализ. Мне думается, что марксизм может показать, более того, он уже показал, что зачисление Спинозы в философы идеализма, веками осуществлявшееся идеалистическими историками философии, представляет собою вопиющий, антинаучный, противоречащий действительности факт. Однако, в ответ многочисленным, сознательным и бессознательным фальсификаторам спинозова учения, мы не должны прибегать к безоговорочному зачислению Спинозы в последовательные материалисты. Наша задача, учитывая те элементы идеализма, которые содержатся в системе Спинозы и которые обуславливают собою ее некоторую внутреннюю противоречивость, выявить в то же время, что *в основе своей*, освобожденная от теологической оболочки, система Спинозы материалистична. Преобладание в нем материалистических элементов дает нам право отнести спинозизм к числу материалистических по своей сущности систем, дает нам право признать Баруха Спинозу одним из своих, пусть отдаленных, идеологических предшественников. Мы с гордостью можем сказать, что в той великой материалистической цепи, которую веками ковали лучшие умы человечества, начиная Демокритом и Эпикуром,—через Бекона, Гольбаха, Фейербаха,—вплоть до Маркса-Энгельса, Плеханова-Ленина,—что в этой цепи есть и звено, принадлежащее Баруху Спинозе, славному и мужественному революционеру мысли.

Этим об‘ясняется, что мы не только отмечаем, но и *празднуем* его юбилейную дату.

После этого предварительного замечания позвольте перейти непосредственно к теме доклада.

Тема эта: „Этическое миросозерцание Спинозы“.

Что мы называем этическим миросозерцанием какого-либо мыслителя? Совокупность тех правил поведения, которые этот мыслитель предлагает общественному вниманию в качестве системы нравственных норм, долженствующих регулировать межлюдские отношения. Этическое миросозерцание мыслителя—само собой понятно—всегда представляет часть его обще-философского миросозерцания.

Это относится ко всякому философу, и Спиноза не представляет в этом отношении какого-либо исключения. Относительно Спинозы можно лишь подчеркнуть, что этическая система представляла собою основную и центральную часть всей его философии. Труд, обессмертивший Спинозу, не даром носит название „Этики“ и не даром Спиноза обще-философские главы этого труда—его первые две части—рассматривает, как имеющие вспомогательный и подсобный характер по отношению к его этическим высказываниям.

Точно также его „Теолого-политический трактат“ и „Трактат об усовершенствовании разума“ имеют основной целью помочь человечеству разработкой системы его поведения и благополучия. Целевая установка всех философских рассуждений Спинозы—изучить и

осмыслить то, что „может вести нас, как рукою к познанию человеческой души и ее высочайшего блаженства“ [1]).

Отправным пунктом этических высказываний Спинозы послужило его глубочайшее убеждение, что человек не представляет собою чего-то или кого-то, стоящего вне природы и свободного от подчинения ее универсальным законам. Он выступил разрушителем антропоцентрической фикции и жестоко критиковал тех ее приверженцев, которые „представляют себе человека в природе, как бы государство в государстве. Ибо они думают, что человек скорее возмущает порядок природы, чем следует ему, что он имеет в своих действиях неограниченную свободу и определяется только сам собою и ничем иным“ [2]).

Спиноза же знал, что человек подчинен законам, царствующим во всей вселенной, что мировая закономерность руководит человеком, его поведением и судьбой, что рассматривать человека вне этой закономерности значит создавать недостойные исследователя иллюзии. „Ибо человек,—заявлял Спиноза“ в „Политическом трактате“—будь он мудрец или невежда, служит частью природы; ведь человек, побуждаемый разумом-ли или даже желанием, делает все сообразно законам и правилам природы, т. е. по праву природы“ [3]).

Если я назвал выше Спинозу революционером мысли, то одному из наиболее смелых взлетов его революционной мысли мы обязаны уничтожением той грани, которую традиционная наука спинозовой эпохи проводила меж человеком и всем остальным животным миром. Спиноза стер эту грань: „......Мы не признаем никакой разницы (ни) между человеком и остальными природными существами...“ [4]).

И Спиноза по всей линии своих рассуждений о человеке подчиняет его высочайшему праву природы: „Невозможно, чтобы человек не был частью природы, и чтобы он не мог претерпевать никаких изменений кроме тех, которые могут быть поняты из одной его природы, и которых он составляет полную причину“ [5]).

Модус вечных аттрибутов, человек представляет собою частицу всеохватывающей природы, постичь которую можно лишь изучив и исследовав ее принципы и законы. И лишь по пути этого исследования лежит возможность понять человека со всеми его аффектами и действиями. С бесстрашием подлинного мудреца обратился Спиноза к внутреннему миру человека, который современная ему философия окутывала многочисленными покрывалами мистического, потустороннего, теологического, и смелой рукой революционера снял эти покрывала. Он об‘явил душу „automatum spirituale“—„душевным механизмом“ и этот механизм начал исследовать как любую из вещей.

„. . . . . аффекты ненависти, гнева, зависти и прочие, рассматриваемые сами в себе, вытекают с такой же необходимостью из силы природы, как и остальные отдельные вещи; и поэтому они указывают на известные причины, при помощи которых они могут быть поняты, и имеют известные свойства, столь же достойные нашего познания, как и свойства всякой другой вещи, одним созерцанием которой мы наслаждаемся. Итак, я буду исследовать природу и силу аффектов по тому же методу, какого я держался в предшествующих частях... и человеческие действия и стремления буду рассматривать так, как если

---

1) Этика. Предисловие ко второй части.
2) Этика, часть третья. Предисловие.
3) Tract polit. II, 5.
4) Tract theologo polit. XVI, 5.
5) Этика, часть четвертая. Пол. IV.

бы дело шло о линиях, плоскостях или о телах"[1]). Эти знаменитые слова из предисловия к третьей части „Этики" образуют собою то методологическое кредо, отправляясь от которого Спиноза и развернул свою этическую систему. Не плакать, не смеяться, а познавать!..

Эта система раньше всего должна быть охарактеризована с точки зрения пронизывающего ее детерминизма. Признание Спинозой того, что „воля не может быть названа свободной причиной, но только необходимою", было фактом решающим для всех его этических построений. Бесконечная цепь причинной обусловленности определяет наши желания и поступки. Ученый не может уподобляться ребенку, думающему, что он свободно желает молока, или пьянице, думающему, что он по своему собственному желанию говорит о том, что трезвый хранит в молчании. Спиноза делает гигантские усилия для того, чтобы разрушить предрассудки свободной воли и самопроизвольного действования человека. Сознавая свои желания и стремления, не задумываясь о причинах, обуславливающих эти самые желания и стремления, человек творит иллюзию своей свободно-проявляющейся воли. Между тем, „в душе нет неограниченной или свободной воли, но душа к желанию того или другого определяется какою-нибудь причиною, которая, в свою очередь, определяется другою причиною, а эта—опять другою,—и так в бесконечность"[2]).

Лишь утвердив принцип детерминизма, Спиноза смог приступить к реализации своего методологического кредо, подойдя к человеческому поведению с тем же научным критерием, как если бы речь шла о линиях и плоскостях.

К разрешению этической проблемы Спиноза подошел с тем методом, который он считал единым и единственно-научным, т. е. исследуя нравственность „посредством общих законов и правил природы". А в природе—знал Спиноза—нет *должного*: ей известно лишь *необходимое*. И Спиноза кладет краеугольным камнем своей этической системы принцип естественной *необходимости*, направляет свое исследование нравственности по руслу всеобщей неизбежности. Тем, что Спиноза вовлек нравственность в орбиту натуралистического исследования, он оказал огромную услугу философской мысли последующих эпох. Мораль трансцендентности, ведущая начало от Платона, и то выступавшая под прикрытием „божьего веления", то апеллировавшая к „внутреннему голосу" человека, была поколеблена Спинозой в ее самых основаниях. Кант сделал попытку воскресить эту мораль, окружив ее ореолом внепространственной и вневременной максимы категорического императива, и если эпигоны кантианства на протяжении века пытались канонизировать это понимание нравственного, то научная, материалистическая мысль последующих веков в своей борьбе с моралью, идущей от божественного творца, внутреннего голоса и абстрактного долженствования, не раз пользовалась оружием из спинозова арсенала... Наука о нравственности, если только она подлинная наука, а не псевдонаучная поповщина, должна не поучать, не наставлять, не твердить о долженствовании, а исследовать, изучать и осмысливать. Ее сфера—не *должное*, а *сущее*. И потому Спиноза был беспощаден к тем философствующим пасторам и пастороподобным философам, которые не устают донимать человечество своими этическими проповедями. Если любимым правилом Спинозы было не осмеивать, не презирать, а понимать, то в отношении этой породы морализирующих, но

---

[1]) Этика. Предисловие ко второй части.
[2]) Этика, часть вторая. Пол. LVIII.

морали не изучающих философов, Спиноза нарушил свое правило. Он их не только понимал, но и осмеивал и презирал. Это о них он писал в „Политическом трактате“: „Они берут людей не такими, каковы они есть, а какими хотят их иметь. Отсюда и происходит, что они по большей части писали вместо этики сатиру“... Спиноза говорил, что эти морализирующие философы подносили человечеству вместо жизненно-нужных ему сведений жалкую и утонченную химеру. Он же сам хотел брать человечество и брал его таким, как оно есть. Философ-монист, бравший мир, как единое и всеохватывающее целое, Спиноза и в своем трактовании этической проблемы оставался монистом. В качестве такового, он не вырывал пропасти между сущим и должным, между естественно необходимым и желательным, между фактом и нормой, между действительным и нравственным, между реальностью и идеалом. А эта пропасть—налицо в системе любого философа, творящего „вместо этики сатиру“ и подносящего человечеству свои спекулятивные химеры. И величайшей научной заслугой Спинозы является то, в чем идеалистические критики Спинозы усматривают его философское грехопадение, именно то, что Спиноза не признал никакого „категорического императива“, отказался принять идею абсолютного блага и этим отвергнул возможность построить то „царство целей“..., в котором эти критики видят об‘ект философской этики[1]).

Для Платона добродетель была „благообразием души“; нравственное им сводилось к возвышению души до чистого созерцания. Аристотель утверждал, что в проявлении добродетели заключается высшее благо человека. Спиноза об‘явил, что „добродетель есть ни что иное, как деятельность, согласная с законом собственной природы“, что „поскольку какая-нибудь вещь согласна с нашей природой, постольку она необходимо есть добро“...[2])

Спиноза дефетишизировал мораль, превратив ее из окутанного туманом мистической тайны и телеологических измышлений фетиша в об‘ект научного исследования. Дефетишизировав мораль, Спиноза выступил, как основоположник научной этики. „Спиноза видел в морали только науку, хотя и более возвышенную чем прочие науки, но той же природы и метода, как и последние“, говорит один из интерпретаторов этического учения Спинозы. „Если наука в его глазах имеет цену лишь постольку, поскольку она способствует обоснованию морали, то и мораль, в свою очередь, имеет цену только когда пользуется результатами других наук. Наука—только для морали; мораль—только для науки“[3]).

Приведенные слова совершенно справедливы. Тем более, что Спиноза не только *декларировал* сближение этики с наукой, но и стал *исследовать* происхождение нравственности на основе тех научных данных, которыми он располагал и которые смогла представить в его распоряжение современная наука. Плодотворный результат этих исследований уже сказался в ответе, который Спиноза дал по вопросу о генезисе морали. Вслед за родственным ему в этом отношении Томасом Гоббсом, Спиноза начал выводить мораль из чувства самосохранения. Но в то время, когда Гоббс не мог вокруг этого принципа развернуть этической системы, Спиноза свою систему построил именно на этом основании.

---

[1]) См. С. Ф. Кечекьян. Этическое миросозерцание Спинозы. Издание „Путь“ М. 1914 г. Стр. 102.

[2]) Этика, часть четвертая. Пол. XXXI.

[3]) Рене Вормс. Мораль Спинозы. Перевод с французского Л. Л. Богушевского СПБ. 1905 г. Стр. 31.

Предпосылкой этической системы Спинозы послужило утверждение, что „каждая вещь, насколько от нее зависит, стремится сохранить свое существование“, [1]) что любая вещь „сопротивляется всему тому, что может уничтожить ее существование“ [2]). Человек, как и всякая вещь подчинен стремлению suum esse conservandi. Стремление сохранять свое существование вытекает из самой природы человека, оно является следствием универсального естественного закона. „Так как разум не требует ничего против природы“,—рассуждал Спиноза,—„то он, стало быть, требует, чтобы каждый любил самого себя, искал своей пользы, того что для него действительно полезно, и стремился бы ко всему тому, что действительно ведет человека к большему совершенству, и вообще, чтобы каждый стремился, насколько может, сохранить свое существование [3]).

Отсюда Спиноза и приходил к выводу, что „основание добродетели есть само стремление сохранить собственное существование, и что счастье состоит в том, что человек может сохранять свое существование“ [4]). На основе этого вывода Спиноза и развил свое понимание нравственной силы--virtus, как человеческой мощи, которая определяется только сущностью человека т. е. „которая определяется одним усилием, по которому человек стремится сохранить свое существование“ [5]).

Стремление к сохранению своей сущности, борьба за свое существование является в глазах Спинозы безапелляционным правом человека, опирающимся на верховный и всеобщий закон природы suum esse conservare. И лишь исходя из этого закона, можно исследовать человеческую нравственность, о ней рассуждать, устанавливать этические принципы. „Все что делает человек для сохранения своего существования“,—читаем мы в „Политическом трактате“,—„он делает по высшему праву природы“. Эта уверенность дала Спинозе возможность сказать в „Этике“, что „чем более каждый ищет своей пользы, т. е. старается и может сохранить свое существование, тем более он одарен нравственной силой“ [6]) и провести знак равенства между понятиями „действовать вполне по добродетели“ и „сохранять свое существование на основании искания своей собственной пользы“ [7]).

Спиноза провозгласил, что „каждый существует по высшему праву природы“, и это признание послужило ему достаточным основанием для того, чтобы санкционировать все человеческие поступки, вытекающие из необходимости человеческой природы, для того, чтобы признать, что все наши рассуждения о добре и зле совершаются в соответствии с этим самым высшим правом природы и что, наконец, это право предоставляет каждому по своим понятиям заботиться о своей пользе, защищать себя, сохранять то, что любишь, и разрушать то, что ненавидишь.

Самосохранение—руководящий стимул всех человеческих поступков, детерминирующий все наши представления о счастьи и несчастьи, добре и зле. И поэтому: „Нельзя представить себе ни одной добродетели, которая предшествовала бы этой (именно стремлению сохра-

---

[1]) Этика, часть третья. Пол. VI.
[2]) Доказательство того же положения.
[3]) Этика, часть четвертая. Положение XVIII. Схолия.
[4]) Ibidem.
[5]) Этика, часть четвертая. Положение XX, док.
[6]) Этика, часть четвертая. Пол. XX.
[7]) Этика, часть четвертая. Пол. XXIV.

нить свое существование)“ [1]. „Под добром я разумею то, о чем мы наверное знаем, что оно полезно нам“ [2].

Легко понять, что выведение Спинозой добродетели из чувства самосохранения должно было вызвать и вызвало возмущение всех тех, для кого добродетель является абстрактной, трансцендентного порядка категорией. Сколько, в самом деле, было проявлено благородного пафоса, потрачено священного негодования и пролито обличительных чернил по этому поводу!.. Историки философии и философские критики, бесчисленные интерпретаторы Спинозы—все те, о которых сам Спиноза заметил, что по их мнению стремление к пользе есть основание нечестия,—бросали слова гнева и лили слезы сожаления по поводу того, что Спиноза дал философскую санкцию животному эгоизму человека и прикрыл именем нравственности аморализм. „Полная этическая бессодержательность“, „моральная индифферентность“, „оправдание людей на безнравственных основаниях“, „учение о безнравственности“—вот чем является по мнению небезизвестного немецкого ученого Фридриха Диттеса Спинозова этика. Диттес не один — диттесов много. . Мы не говорим уже о временах, когда по—известному слову Лессинга—Спинозу третировали как дохлую собаку. Но и до последнего времени жрецы идеализма говорят о нем примерно так, как наш русский исследователь Спинозы Кечекьян, назвавший спинозову мораль „убогой“ и клеймивший „иммрализм“ его „грубо-материалистической“, „жестоко-эгоистической“ системы. И лишь из их числа, более расположенные к Спинозе пытались спасти его репутацию, утешая на манер Рене Вормса себя и других тем, что „стремление к личному интересу, о котором трактует Спиноза, не есть грубый и животный интерес Гоббса и Ля-Метри, но это интерес чисто метафизический“ [3].

Пытаясь в целях „реабилитации“ противопоставить „метафизический“ интерес Спинозы „животному“ интересу Гоббса и Ля-Метри, Вормс оказал плохую услугу и Спинозе, и науке. Связь, имеющаяся между этическими воззрениями английских материалистов XVII века и системы Спинозы,—с одной стороны, между этическими миросозерцанием Спинозы и взглядами французских материалистов дореволюционной эпохи,—с другой—явственна и может быть легко уловлена всяким внимательным исследователем. То,—„одного поля ягоды“—„ягоды“ созревшие в социальной атмосфере наиболее экономически развитых стран Западной Европы эпохи перехода от феодализма к капитализму и явившиеся ответом на одни и те же общественные запросы. И те и другие системы были и будут одинаковы аморальными и эгоистическими,—„грубо-материалистическими“ в глазах тех, кто, подобно Кечекьяну, думает, что „этика уводит нас из нашего мира в другой мир для того, чтобы мы вернулись в него обогащенные стальным оружием принципов целеполагания“ [4]. Но в действительности это „стальное оружие“—лишь ржавая рухлядь, которой носятся инвалиды от идеалистической философии, а этика не уводит нас из нашего мира в другой, несуществующий: она исследует человеческое поведение и регулирует человеческие отношения в этом едином и единственном мире.

Для эпигонов идеализма дефетишизированная этика перестает быть этикой—она становится аморализмом, об'является олицетворением животного себялюбия. Для нас дефетишизированная этика есть единственно научная и потому единственно возможная.

---

[1] Этика, часть четвертая. Пол. XXII.
[2] Этика, часть четвертая. Определения.
[3] Рене Вормс. Мораль Спинозы СПБ. 1905 г. Стр. 173.
С. Ф. Кечекьян. Op. cit. Стр. 91.

В деле же дефетишизировани этики у Спинозы имеются несомненные и крупные заслуги. Дефетишизируя этику, Спиноза не сбился на вульгарное отождествление эгоистической полезности с добром. Эта проблема решалась им диалектически. Не абстрактные категории, а конкретная истина!.. Абсолютного добра, как и абсолютного зла, для Спинозы не существует. „Всякое действие"—пишет он в письме к Блейнбергу,—„хорошо постольку, поскольку содержит в себе реальности"... В предисловии же к четвертой части „Этики" он говорит: „Что же касается добра и зла, то они не обозначают также ничего положительного в вещах, рассматриваемых сами в себе... одна и та же вещь в одно и то же время может быть и хорошею и дурною и даже безразличною; например, музыка для меланхолика хороша, а для человека, находящегося в слезах, дурна; для глухого же ни хороша, ни дурна"...

Приведенные слова свидетельствуют о диалектической трактовке Спинозой основных категорий нравственности. (За эту трактовку Спинозу нередко клеймили „этическим релятивистом").

Диалектический подход к проблеме нравственности обнаружил всю свою плодотворность в той труднейшей задаче, которую Спинозе предстояло решить. Выводя нравственность из стремления человека к самосохранению, Спиноза должен был в то же время об'яснить поведение человека, как общественного животного, нравственность которого зиждется на ограничении этого самого стремления. И своим ответом на этот вопрос Спиноза частично предвосхитил наши современные взгляды на происхождение нравственности.

Мы знаем, что инстинкт самосохранения, присущий каждому животному, в процессе общения животного с себе подобными порождает инстинкт социальный. Мы утверждаем, что поскольку индивидуум не может существовать изолированно, а вынужден—во имя самосохранения—общаться с себе подобными,—всякое животное приучается ограничивать свое себялюбивое начало во имя интереса коллектива. У него создаются условные связи на почве обмена услугами и сотрудничества с членами своего сообщества. Таким образом инстинкт самосохранения диалектически ведет к образованию инстинкта социального.

Как я уже говорил, у Спинозы мы встречаем предвосхищение постановки этого вопроса современной наукой.

В самом деле, выводя нравственность из стремления к полезности, Спиноза сознавал, что наибольшую пользу человек почерпает из общения с себе подобными. Homini nihil homine utilius. „Человек есть бог для человека", говорит Спиноза в одном месте. Но взаимное общение людей станет невозможным, если каждый будет безгранично проявлять свое себялюбивое начало. Таким образом во имя максимально полезного общения между собой люди вынуждены ограничивать и обуздывать свое „Я" с его чувством самосохранения. Каждый *эгоистически* заинтересован в общении с себе подобными, но процесс этого общения ведет к тому, что момент *эгоистической* пользы начинает уступать место моменту пользы *общественной*, благо *личное* подчиняется благу *общему*—communicabile sui.

„... для человека ничего не может быть полезнее другого человека"—рассуждает Спиноза—„ничего лучшего, говорю я, люди не могут желать для сохранения своего существования, как то, чтобы все соглашались во всем, чтобы души и тела всех составляли как бы одну душу и одно тело, и чтобы все вместе, насколько могут, стремились сохранить свое существование и все вместе искали для себя общей

пользы [1]). Животное общественное, человек свое стремление к полезному осуществляет на *общественной* основе, ибо „из сообщества людей проистекает больше выгод, чем невыгод“ [2]).

Естественное право человека—поступать руководствуясь своей максимальной пользою, но это право должно быть подвергнуто ограничениям, вследствие того, что люди нуждаются во взаимной помощи „..... чтобы люди могли жить согласно и оказывать друг другу помощь, необходимо, чтобы они поступились своим естественным правом и дали друг другу взаимное уверение, что они не будут делать ничего, что может обратиться во вред другому“[3]).

Подверженные страстям-аффектам, ставящим их часто во враждебные отношения друг к другу, люди, однако, могут побеждать эти аффекты взаимной враждебности путем более сильных и противоположных аффектов. Так „каждый удерживается от нанесения вреда боязнью большего вреда“[4]). На этой основе, по мнению Спинозы, и утверждается общество (societas), „если только оно присвоит себе принадлежащее каждому в отдельности право мстить за себя и судить о том, что добро и что зло“...[5]). Таким образом возникает признанное данным обществом представление о добре и зле.

И здесь мы можем отметить у Спинозы некоторое приближение к нашим представлениям о нравственности, как о совокупности правил поведения, устанавливаемых на основе даваемых данным общественным коллективом оценок „хорошего“ и „плохого“.

Этическая система Спинозы есть система социальная, проникнутая началом общественности, и до сих пор, на расстоянии двух с половиной веков, не потеряли своего глубокого смысла прекрасные слова Спинозы, направленные против тех, кто хочет бежать от человечества—против аскетов, мизантропов, мистиков: „Итак, пусть сатирики смеются, сколько хотят, над человеческими делами, пусть богословы питают отвращение к этим делам, пусть меланхолики восхваляют насколько хватит сил простую деревенскую жизнь, пусть презирают людей и восхваляют животных; однако же они по опыту знают, что люди при взаимной помощи гораздо легче могут достать себе все, в чем они нуждаются, и только соединенными силами могут избегать опасностей, повсюду угрожающих им...“[6]). Этика Спинозы—этика земная, человеческая, социальная и в этом ее неизмеримое преимущество пред всеми метафизически-спекулятивными системами, начиная предтечами Платона и кончая эпигонами Канта.

Я не могу согласиться с отражающим весьма распространенное мнение замечанием Фридриха Иодля, указавшим, что Спиноза игнорировал при построении своей этики социальные наклонности человека и придавал влиянию общественности на нашу нравственность второстепенное значение.

Можно говорить лишь о том, что у Спинозы было недостаточное понимание социальности, как моралеобразующего фактора, что он, апеллируя к разуму личности, не отдавал себе ясного отчета в процессе трансформации эгоистического инстинкта в социальный. И в этом ничего удивительного нет. Правда, Кропоткин вспоминает, что „Этика“ Спинозы вышла в то время, когда европейская история прошла уже

---

[1]) Этика, часть четвертая. Пол. XVIII. Схолия.
[2]) Этика, часть четвертая. Пол. XXXV. Схолия.
[3]) Этика, часть четвертая. Пол. XXXVII. Схолия II.
[4]) Ibidem.
[5]) Ibidem.
[6]) Этика, часть четвертая. Пол. XXXV. Схолия.

через две революции, имевших широкий социальный характер: реформационного периода и английскую. Но ведь нельзя же забывать, что в эпоху Спинозы наука об обществе не существовала еще даже в зародыше, естественные познания человечества были весьма ограничены, течение классовой борьбы было скрыто от глаз исследователя. При таких условиях трудно пред‘являть философу требования правильного учета социального фактора в деле образования такой идеологии, как нравственность.

Отмечая, как мы это уж делали, что этика Спинозы является по существу социальной, мы можем лишь признать, что ее социальности наносит ущерб то обстоятельство, что требование активности, которое Спиноза пред‘являет человеку, направляется им по руслу индивидуалистическому, а не социальному.

Заговорив об активности, следует раньше всего показать, что этот элемент *содержится* в спинозовой этической системе, а потом уж сказать, какой характер ему Спиноза придает. Так, поступить необходимо, потому что ходячее мнение приписывает спинозовой этике проповедь пассивности, квиетизма, бездейственности, твердит, что Спиноза— это „великий голос, зовущий к успокоению, к миру“, как выражается А. В. Луначарский[1]).

Многочисленные идеалистические критики Спинозы выводят из устанавливаемого им закона всеохватывающей необходимости присущий, якобы, Спинозе фатализм. В действительности же спинозов детерминизм ничего общего с фатализмом не имеет. Спиноза счастливо сочетал понятия необходимости и свободы, показав, что эти понятия надо диалектически сочетать одно с другим, а не заниматься их метафизическим противопоставлением друг другу.

Данное им решение проблемы „свобода—необходимость“ является одной из самых выдающихся философских заслуг Спинозы.

Итак, требует ли Спиноза от человека активности или проповедует пассивность?

„Никто не может желать быть счастливым, хорошо действовать и хорошо жить, кто вместе с тем не желал бы быть, действовать и жить, т. е. действительно существовать“, говорит Спиноза[2]). Он идентифицирует понятия „быть счастливым“, „действовать“ и „существовать“. Лишь тот, кто действует, действительно существует, в действовании заключается счастье. Все, что мешает действованию—зло. „Мы называем злом то, что бывает причиною печали, т. е., что стесняет или уменьшает нашу способность к деятельности“[3]).

Надо ли с точки зрения Спинозы мириться со злом, перед ним смиряться и капитулировать? Никоим образом. „Все то в природе вещей, что мы считаем злом, или что может препятствовать нашему существованию и нашему пользованию разумной жизнью, мы можем устранять тем способом, который кажется нам вернейшим“[4]). Для того, однако, чтобы иметь правильное представление о характере требуемой Спинозой активности, следует помнить, что *основным об‘ектом этой активности является преодоление нашего рабства,* под которым Спиноза понимал „человеческое бессилие в деле умерения и сдерживания аффектов“. Свободен человек поскольку им не владеют аффекты, и потому он должен противодействовать этим его порабощающим страстям и хотениям. В эту сторону и должна быть направ-

[1]) А. В. Луначарский. От Спинозы до Маркса. М. 1925 г. Стр. 20.
[2]) Этика, часть четвертая. Пол. XXI.
[3]) Этика, часть четвертая. Пол. XXX.
[4]) Этика, часть четвертая. Прилож. Гл. VIII.

лена наша активность. Посредством разума должен человек обуздывать и умерять свои аффекты. Тем самым он приближается к образцу человеческой природы. А человек совершен или несовершен в зависимости от того, насколько ему удалось это приближение осуществить.

Как мы видим, требуемая Спинозой активность направляется им по индивидуалистическому руслу. Почему так произошло, почему так поступил философ, этическая система которого является по существу системой социальной?

Мне думается, что предположение, сделанное на этот счет П. А. Кропоткиным, является не безосновательным. Кропоткин предполагает, что „этот недостаток об'ясняется тем, что в семнадцатом веке, когда происходили массовые избиения во имя „истинной веры", первой насущной задачей этики было отделить нравственность от всякой примеси христианской добродетели, и, сделав это, Спиноза может быть не решался навлечь на себя еще большие громы защитой *общественной* справедливости, т. е. защитой коммунистических идей, выставленных в эту пору религиозными движениями. Надо было, прежде всего восстановить право *личного независимого автономного разума*"...[1]).

Это право Спиноза старался этически санкционировать в противовес его уничтожавшей богословской этике.

Говоря об этике Спинозы, следует особо подчеркнуть, что она является системой *эвдемонистической*,—освящающей стремление человека к счастью и на этой основе воздвигающей ряд нравственных принципов.

Богословская этика сулила человеку *потустороннее* счастье *за посюстороннее* воздержание, блаженство на небесах за страдание на земле. Она платила за *осуществленную* нравственность *грядущим* блаженство. Спиноза дал человеческому счастью натуралистическую санкцию, он отождествил совершенную нравственность и полное блаженство. Это явствует уже из некоторых его основных определений. „Под радостью я буду... разуметь... страсть, посредством которой душа переходит к большему совершенству; а под печалью страсть, посредством которой она переходит к меньшему совершенству".[2]) „Под добром я разумею всякого рода радость и потом все что ведет к ней и в особенности то, что удовлетворяет всякому желанию, каково бы оно не было. Под злом же я разумею всякого рода печаль, и в особенности то, что обманывает наши желания" [3]). „Радость есть переход человека от меньшего к большему совершенству. [4]) „Печаль есть переход человека от большего к меньшему совершенству" [5]). Печаль является в глазах Спинозы началом, противодействующим стремлению человека сохранять свое существование и парализующим человеческую деятельность. Таким образом печаль вступает в конфликт с высочайшим правом природы, радость же находится с этим правом в полном соответствии. Вывод, к которому Спиноза приходил и который он санкционировал непреложным авторитетом природы: „Мы стараемся содействовать тому, чтобы сделать все то, что мы воображаем способствующим радости; то же, что мы воображаем противодействующим ей или способствующим печали, мы стараемся устранить или разрушить. Этика Спинозы представляет собою полярную противоположность аскетическому идеалу христианской этики, здоровую

---

[1]) П. А. Кропоткин. Этика. М. 1922. Т. 1. Стр. 122.
[2]) Этика. Часть третья. Пол XI. Схолия.
[3]) Этика, часть третья. Пол. XXXIX. Схолия.
[4]) Этика, часть третья. Определения аффектов. II и III.
[5]) Этика, часть третья. Пол. XXVIII.

реакцию на культ мученичества, уродства, самоистязания, умерщвления плоти, бегства от мирской скверны, убиения радости. И каким живительным контрастом по отношению к господствующим этическим воззрениям его эпохи, об'являвшим всякую человеческую радость, всякое здоровое проявление человеческой природы, идущими от царства сатаны-- относившими их к civitas diaboli,—как, я говорю, гордо и прекрасно прозвучали на этом фоне слова гениального шлифовщика оптических стекол,--исхудалого, согбенного, маленького еврея, боровшегося за высочайшее право природы—право человека на радость!... „Веселость не может иметь излишества, но всегда есть добро, а напротив меланхолия всегда зло [1]). „Разве только мрачное и печальное суеверие может запрещать веселиться", говорил Спиноза. „Ибо почему же,—вопрошал он,—более прилично утолять голод и жажду, чем прогонять меланхолию?"... Он провозглашал, что „никакое божество и никто не может об'являть добродетелью слезы и горе людское"... Каким здоровым укором по днесь звучат эти слова по адресу тех, кто на подобие русского поэта безвременья твердит:

Побеждайте радость, Все, в чем только радость--
Умерщвляйте смех!... Суета и грех!...

Спиноза возмущался тем, что мрачное суеверие принижает человека, он считал оскорблением человеческой природы то смирение, которое являлось одним из устоев современной ему этики. „Смирение, —говорил Спиноза,—есть печаль, происходящая от того, что человек созерцает свое бессилие". „Смирение (униженность) не есть добродетель или не происходит от разума" [2]).

Для характеристики этического миросозерцания Спинозы следует отметить еще одну черту, подтверждающую то, что мы говорили выше: этика Спинозы—человеческая, земная. И потому она протестует против устремления в трансцендентность, против того, чтобы мысль человеческая уносилась в загробный мир, против того, чтобы тайна смерти держала в плену человеческий мозг. Спинозой по этому поводу сказаны следующие замечательные слова „Человек свободный, т. е. живущий только по предписанию разума, не руководится страхом смерти, но прямо желает добра, т. е. желает жить, действовать и сохранять свое существование на основании искания собственной пользы, и потому он ни о чем так мало не думает, как о смерти, но его мудрость есть размышление о жизни"... [3]) А тем, кто говорил о суетности мира, Спиноза указывал, что именно они наиболее—жадны к земной славе. [4]) Любопытно, что даже эти недвусмысленные слова сделались об'ектом искажения со стороны идеалистических интерпретаторов Спинозы. Так, для примера, Рене Вормс, который—мы уже это отмечали—покушался вызволить Спинозу из подозрительной кампании Гоббса-Ля-Метри, в другом месте пытался породнить Спинозу с Христом и Платоном. Касаясь отношения Спинозы к жизни и смерти, Вормс доказывал, что „идея Спинозы ничем не отличается от идей христианства и платонизма, но только выражена другими словами... Если Платон превозносит размышление о смерти, а Спиноза—размышление о жизни, то потому что каждый из них имеет в виду одно и то же: вечность" [5]). Такого рода заявление представляет собой самое грубое искажение мыслей Спинозы и направлено против

---

1) Этика, часть четвертая. Пол. LII.
2) Этика, часть четвертая. Пол. III.
3) Этика, часть четвертая. Пол. XVII. Док.
4) См. Этику, часть пятая. Пол. X. Схолия.
5) Рене Вормс. Op. cit. Стр. 67.

всего смысла его этического учения. Его несостоятельность делается очевидной при одном упоминании о том, что мир Платоном был дуализирован, а для Спинозы—он един. Этика Платона—от небес, этика Спинозы—от земли.

Мы старались показать несостоятельность некоторых положений, выставляемых идеалистическими интерпретаторами Спинозы касательно его этического миросозерцания. Но есть среди этих положений и такие, которые нами вполне приемлются. Когда Фридрих Диттес говорит о Спинозе, что „никакая нравственная норма не имеет для него безусловной и постоянной ценности", что „для нравственной нормы, которая витает над человеческим родом, для вечных обязательств, к которым он подлежит для морального миропорядка—у него нет воззрения и категории"[1]), когда Кечекьян указывает, что „последовательно и бесстрашно он уничтожает все обычные моральные предпосылки"[2]), то под этими словами мы охотно подписываемся. Мы повторяем их, но с той лишь разницей, что произнесенное как хулу и упрек мы произносим, как признание глубокой научности и большого исторического значения этических взглядов Спинозы. Повторяя их, мы говорим, что Спиноза превратил этику из фетиша в об'ект научного исследования.

К своей „Этике" Спиноза дал прекрасный комментарий. Этот комментарий—его жизнь. Пуще всего ценил он свободу человеческого разума и превыше всего ставил независимость научного исследования.

Спиноза стоял на грани двух эпох. Только уходило в прошлое мрачное, аскетическое, подавлявшее личность средневековье, и лишь зачиналась новая полоса человеческой истории, развязывавшая производительные силы, вступавшие в единоборство с природой, открывшая новые умственные горизонты, поднимавшая новые социальные пласты.

На этике этих двух эпох Спиноза показал, что значит быть революционером мысли и независимым научным исследователем.

Силы старого мира не раз пытались взять Спинозу в плен. Но ни одной из них не удалось одеть на него идеологического ярма.

Когда еврейская община предавала Спинозу за нечисть и безбожие анафеме, запрещая подходить ближе чем на четыре локтя к проклятому еретику, а христианский магистрат высылал его из Амстердама, Спиноза оставался также невозмутим и непоколебим, как в те минуты, когда подосланный синагогой изувер бросился на него с кинжалом или когда его ученик Альберт Бург, отрекшись от учителя, об'явил Спинозу жалким человечком, надутым дьявольской славой и именем Христа требовал от него отказа от „кичливой и ослепленной его философии"...

Когда штаб принца Конде предлагал Спинозе пенсию за согласие посвятить одно из своих сочинений королю Людовику, он отверг это предложение столь же решительно, как год спустя отказался от предложенной ему кафедры философии в Гейдельбергском университете—он не хотел связывать своей мысли.

Таким Спиноза оставался неизменно, подкрепляя каждым жизненным шагом созданный им этический идеал. И заканчивая характеристику этого идеала, я хочу еще сказать:

---

[1]) Фр. Диттес. Op. cit. Стр. 4.
[2] С. Ф. Кочекьян. Op. cit. Стр.152.

— Спиноза боролся за свободу человеческого разума и независимость научной мысли. Он возлагал при этом надежды на мудрость индивидуума.

— Мы теперь знаем, что то и другое достижимо лишь в определенных общественных условиях. Общество классовой борьбы, общество эксплоатации и барыша, этих условий создать не может.

Они будут созданы обществом освобожденного труда и социальной гармонии. Лишь в этом обществе смирятся аффекты, ведущие к человеческому рабству и победит разум, рождающий человеческую свободу...

Б. Быховский.

Психофизическая проблема в учении Спинозы [1].

Огромная литература о Спинозе, многолистные монографии и бесчисленные статьи, всесторонне изучающие каждую идею, каждое противоречие, каждое слово великого мыслителя, не только (а может быть, и не столько) способствуют лучшему пониманию его учения, сколько затемняют его, скрывая от глаз Спинозу „в себе“, вместо восприятия учения в его истинном свете, представляют его многократно преломленным сквозь разнообразнейшие призмы философских воззрений последующих веков. Спиноз теперь столько же, сколько и течений в философии. Спиноза преподносится то теологизированным, то кантианизированным, то переряженным в интуитивистический наряд. Даже нашей, марксистской литературе о Спинозе (такой, увы, еще скудной) не чужды попытки „неадэкватного“ истолкования спинозизма: модернизации его в стиле ультрасовременного логизма, или же, такова господствующая тенденция, выпячивания *сверх меры* материалистичности учения Спинозы в ущерб правильному пониманию соотношения материалистических элементов учения и противоречащих им метафизических, рационалистических и схоластических тенденций.

Великой заслугой основоположников марксизма было обнаружение идейного родства современного материализма с великим мыслителем *XVII* века, вскрытие в его системе ярких зарниц материалистической мысли и противопоставление их жалкому реакционному эпигонству философских современников Маркса и Плеханова. Но в произведениях первого поколения марксистов, вследствие необходимости выполнить указанную задачу, недостаточно разработана проблема *различия* между современным материализмом и спинозизмом, проблема, намеченная уже Дидро, отличавшим старых спинозистов от новых [2], что было „не совсем ясно“ для Плеханова в 98-м году [3]. Эта задача вполне уместна и осуществима в переживаемый период уточнения и отшлифовки нашего мировоззрения [4].

В предлагаемой статье я не имею в виду взяться за эту задачу. Моя цель гораздо скромнее—наметить основные различия применительно только к психофизической проблеме. Статья, таким образом, не претендует на историко-философское освещение вопроса, она оста-

---

[1]) Настоящая статья представляет собою главу из подготовляемой автором работы: „Материализм и психофизическая проблема“.

[2]) ст. „Spinosiste“ в XV т. „Encyclopédie ou Dictionnaire raisonné etc“.

[3]) „Бернштейн и материализм“. Подробному разбору взглядов Плеханова на учение Спинозы посвящена моя работа „Был ли Спиноза материалистом“ („Полымя“ № 3, Минск, 1927 г.).

[4]) Основные вехи решения ее намечены в ст. Л. И. Аксельрод (Ортодокс) в № 7 „Красной Нови“ (Москва, 1925 г.).

вляет вне рассмотрения гносеологические воззрения Спинозы и его методологию. Но моя задача еще ограниченнее; я не намереваюсь рассмотреть и психологические воззрения Спинозы в целом. Я не касаюсь ни его детерминизма, ни учения об аффектах, ни взгляда на ассоциации. Реальность психики и ее взаимоотношения с телом, с материей—вот проблема, которой я приглашаю читателя заняться в настоящей статье.

В общих чертах картезианская концепция психо-физической связи сводилась, как известно, к следующим основным моментам. Духовное радикально отрывается от телесного. Различие их субстанционально и, следовательно, каждое из этих начал не нуждается в другом для своего существования. Более того, из субстанционального различения мышления и протяжения следует их абсолютная несоизмеримость, так как субстанции не могут, по природе своей, иметь *ни одного* общего свойства, кроме трансцендентной генетической общности в боге. Такой постановкой вопроса не только допускается самостоятельное существование протяженных и мыслящих вещей отдельно друг от друга, но и a priori исключается всякая возможность какой-либо взаимосвязи и взаимодействия между ними, если не прибегать, вопреки принятому методу, к asistentiam dei. Установив свои метафизические основоположения, Декарт, в полном соответствии с ними, изучает на протяжении всей своей физики и космогонии законы существования и эволюции протяженной субстанции, совершенно не нуждаясь в субстанции мыслящей. Таким образом, утвердивши две субстанции, Декарт оставляет почивать в бозе одну из них, а сам исследует исключительно протяжение, начиная с частиц первоматерии, обтачивающих свои углы, и вплоть до высших животных, этих совершенных механизмов, включительно. Духовная субстанция появляется как об‘ект конкретного изучения лишь в человеке, да и то, в этом своем единственном проявлении, она, в отличие от протяженной субстанции, существует не изолированно, а в тесной взаимосвязи со своим антиподом. В том единственном случае, где мышление имеет место не как бесконечная субстанция (нужно бы сказать: бесконечная абстракция), а в своих конечных (модальных) проявлениях, она оказывается совмещенной с протяженностью, с которой она *принципиально* не совместима. Декарту ничего не остается, как изменить в этом тупике своим исходным основоположениям, притом изменить недостойным этого выдающегося мыслителя образом: сводя к минимуму протяженность протяженного и непротяженность непротяженного, как известная анекдотическая девица, оправдывавшая появление у себя ребенка тем, что он, дескать, совсем маленький. У Декарта был еще один только выход,—отказ от основоположений учения—от субстанционального различения обоих начал. Но для этого надо было перестать быть Декартом. Для этого надо было стать Спинозой.

Спиноза, как известно, не стал на путь снятия проблемы взаимоотношения духа и тела посредством отрицания одного из начал. Такое снятие возможно в двух диаметрально противоположных направлениях. Это будет—либо отрицание абсолютной специфичности материи, растворение ее в духе, как это имело место в идеалистическом учении Мальбранша, либо, наоборот, отождествление духовного с материальным, путем вульгарно материалистического сведéния психики к протяжению, как это делали некоторые позднейшие материалисты. Спиноза не пошел ни по тому, ни по другому пути. Он отмежевывается от вульгарного материализма, от сведения духа к материи. „Под идеями

я разумею не образы, получающиеся в глубине глаза и, если угодно, внутри мозга, а представления мышления" [1]). „Но от этих предрассудков может легко отделаться всякий, кто обратит внимание на природу мышления, которое никоим образом не заключает в себе понятия протяжения; он ясно поймет из этого, что идея (составляя модус мышления) не состоит ни в образе какой-либо вещи, ни в словах, ибо сущность слов и образов составляется из одних только телесных движений, никоим образом не заключающих в себе понятия мышления" [2]). Спиноза оставил в силе картезианское различение протяжения и мышления во всей их специфичности и взаимной несводимости, и попытался найти решение проблемы, *несмотря на это различение и в условиях его*. „Ни тело не может определить души к мышлению, ни душа тела к движению или к покою или к чему-нибудь другому (если есть что-нибудь такое) [3]). Два различные аттрибута не могут обусловить какую-либо *общность* между вещами протяженными и мыслящими. Модусы обоих аттрибутов сами по себе не могут быть в какой-либо связи друг с другом и совершенно не способны обусловить единство вещи. Таким образом, разобщенность аттрибутов остается в силе и, *сами по себе*, они, как и Декартовские субстанции, несоизмеримы и непроницаемы друг для друга.

Признавая два самостоятельных аттрибута, Спиноза пытается разрешить проблему тем, что они являются *двумя* аттрибутами *одной и той же* субстанции. Благодаря этому установление связи переносится на *носителя* обоих этих различных начал—на субстанцию, воплощающую и осуществляющую единство обоих несводимых друг на друга начал. „Из этого явствует, что, хотя и могут быть представлены два аттрибута, реально различные, т. е. один без помощи другого, однако из этого мы не можем заключить, что они составляют два существа или две различные субстанции. Ибо природе субстанции свойственно, чтобы каждый из ее аттрибутов представлялся сам по себе, так как все аттрибуты, которые она имеет, всегда вместе были в ней, и один из них не мог быть произведен другим; но каждый из них выражает реальность или бытие субстанции" [4]). Итак, если у Декарта за различием аттрибутов следует их реальное разобщение, т. е. представление о существовании каждого из них самостоятельно, отдельно, в отсутствии другого, у Спинозы это различение аттрибутов не сопровождается их *реальной самостоятельностью*. Напротив, никогда один из двух различных аттрибутов не существует без другого; оба, во всем своем различии и несоизмеримости, не имеют самостоятельного существования, а представляют единство, в котором наличие одного из аттрибутов предполагает и наличие другого. Здесь мы имеем формальную связь, связь по существованию, точнее,—необходимое единство существования. Займемся выяснением того, какова суть этого единства, каким образом субстанция оказывается его носителем и какого рода единство обуславливается ею.

Все вещи двусторонни, всякое единство двойственно, в каждом реальном явлении имеют место коррелятивные—протяженные и мыс-

---

[1]) „Этика" ч. II схолия теор. 48.

[2]) Ibid., схол. теор. 49.

[3]) Ibid ч. III т. 2. Впрочем, и это любопытно для уяснения эволюции от картезианства к спинозизму, в своем раннем произведении, в „Кратком Трактате о боге, человеке и его счастьи" еще имеет место повторение в смягченной форме картезианского взаимодействия. Душа может изменять *направление* телесных движений, а тело—вызывать посредством движения органов восприятие его движений.

[4]) Ibid. ч. I сх. теор. 10.

лящие—проявления единой и единственной субстанции. При этом следует решительно отбросить взгляд, будто понятие субстанции, этого субстрата единства, адэкватно нашему понятию материи. Это явствует не только из всего разделения природы на два совершенно различных аттрибута, один из которых характеризуется *отсутствием протяженности*, но и из прямых замечаний Спинозы.

Так в „Богословско-Политическом Трактате“ он замечает, что „я разумею под природой не одну материю и ее состояние, но, кроме материи, и иное бесконечное“ [1]). Также и в письме к Ольденбургу: „Если некоторые читатели полагают, что „Теолого-Политический Трактат“ исходит из мысли о тождестве бога и природы (причем под природой подразумевается какая-то масса или вещественная материя), то они совершенно заблуждаются“ [2]). Ошибки в этом вопросе следуют из различения делаемого между материей и протяжением. Протяжение, говорят, не идентично материи, а является лишь *одним* из ее свойств. На этом основании отказываются видеть *в одном* из аттрибутов воплощение материи, и отождествляют отношение протяжения к субстанции с отношением протяжения к материи. Но все это рассуждение является продуктом ниноскопии. Для Спинозы (и в этом вопросе он был вполне сыном своего времени и единомышленником Декарта) как раз и характерно *геометрически—механическое понимание материи*, отождествление материального с протяженным. Для механистов материя есть протяженное, ее изменения—механические движения, перемена места. Материя понимается не как физическое, а как геометрическое тело, не как corpus, а как solide. Достаточно вчитаться во все те отделы, где Спиноза говорит о телах, чтобы не осталось никакого сомнения в таком (абстрактно-механическом) понимании материи Спинозой. Для него все в материи кроме протяженности, формы и движения—имагинация, воображение, заблуждение, которому нет места в истинной философии. Вот почему *отождествление протяженного и материального* при рассмотрении спинозизма—обязательно. Спиноза отождествляет материю с аттрибутом протяжения.

В действительности, субстанциональное единство выражается у Спинозы не в материальности обоих аттрибутов, а в *тождестве порядка и связи* в обоих аттрибутах. „Порядок и связь идей тот же, что и порядок и связь вещей, и, наоборот, порядок и связь вещей тот же, что и порядок и связь идей. Поэтому, как порядок и связь вещей в душе совершается по порядку и связи впечатлений тела, так и, наоборот, порядок и связь впечатлений тела совершается сообразно тому, как располагаются и связываются в душе мысли и идеи вещей,—что и требовалось доказать“ [3]). Здесь, применительно к порядку и связи, т. е. к закономерности, следует говорить не о единстве, а о тождестве. Единая и единственная вселенская закономерность проявляется в параллельных изменениях состояний аттрибутов протяженности и мышления. „В природе нет ничего, что можно было бы приписать ее несовершенству; ибо она всегда и везде одна и та же, и ее сила и способность действия всегда одинакова; т. е. законы и правила природы, по которым все совершается и изменяется из одних форм в другие, всегда и везде одни и те же, и поэтому существует только один способ понять природу всяких вещей, именно посредством общих законов и правил природы“ [4]). Об‘ективная закономерность—стержень

---

[1]) Гл. VI § 10 примечание
[2]) Письмо за № 21 от ноября-декабря 1675 г.
[3]) „Этика“, ч. V т. 1.
[4]) Ibid., предисловие к ч. III.

единства природы. „Если бы в природе случилось что-нибудь такое, что противоречило бы ее всеобщим законам, то это также противоречило бы и разуму и природе божественной; или если бы кто утверждал, что бог делает что-нибудь вопреки законам природы, тот вынужден был бы в то же время утверждать, что бог делает вопреки своей природе. Нелепее этого ничего нет. Это же самое легко можно было бы показать из того, что могущество природы действительно есть само божественное могущество и сила, божественное же могущество есть самая что ни на есть (ipsissima) сущность бога[1]). Интеллектуальная любовь к богу (amor dei intellectualis), этот полумистический—полурационалистический финальный аккорд великой философской симфонии Спинозы, есть ведь ни что иное, как погружение в познание этой всепроникающей вселенской закономерности.

Приведенное понимание субстанции и ее аттрибутов, как двустороннего проявления закономерности, сугубо необходимо отличать от неокантианских лжеистолкований Спинозы. Водораздел обоих толкований расположен по линии признания *об'ективности* (не в спинозовском, а в нашем смысле) субстанции и ее аттрибутов. В отношении субстанции, causae sui, предшествующей всяким вещам, по отношению к которой разум лишь модус—всякое сомнение в ее об'ективном (формальном по терминологии Спинозы) и независимом от разума существовании нелепо. „Под субстанцией я разумею то, что существует в себе и представляется само по себе, т. е. то, представление чего не нуждается в представлении другой вещи, из которого оно должно было бы образоваться" [2]). Что же касается аттрибутов, которые пытались истолковать не как формальный субстрат всех конечных вещей, а как два способа *нашего представления* реальности, ограничусь из ряда других возможных доказательств несоответствия этой концепции букве и духу учения Спинозы лишь одной цитатой:" ...*Вне разума* не существует ничего, кроме субстанций и их состояний. Итак, вне разума нет ничего другого, чем бы многие вещи могли различаться между собой, кроме субстанций или, *что то же* (по определению 4) их аттрибутов и их состояний,—что и требовалось доказать" [3]).

Здесь мы подошли к другому вопросу, уяснение которого необходимо, чтобы оградить себя от чрезмерного преувеличения идеалистических элементов спинозизма. Я имею в виду вопрос о взаимоотношении между субстанцией и ее аттрибутами. Совершенно чуждо учению Спинозы представление закономерности, как некоей отвлеченной сущности, духовного творческого начала или primum agens'a. Закономерность неотрывна от своих проявлений и существует в них. Субстанция ничто вне своих аттрибутов, и аттрибуты, представляемые вне субстанции—nonsens. Для Спинозы мир—закономерное в себе всеединство аттрибутов. Закономерность имманентна вещам, и вне протяженности и мышления субстанция не существует и не может быть представлена. Природа для Спинозы не совокупность инертных вещей, одушевляемых трансцендентным по отношению к ним фактором, порядок и необходимая связь не привносится другим началом, а необходимо существует в самых вещах. Мир представляется как имманентно-закономерное параллелистическое единство. Спиноза иногда

---

[1]) „Теолого-Политический Трактат" гл. VI, § 9. Или в „Этике": „Могущество бога есть сама его (ipsa ipsius) сущность" (ч. I т. 34). При этом следует помнить, что могущество и закономерность Спинозой употребляются как идентичные понятия: „Ее (природы) сила и могущество действия, т. е. законы и правила природы" (ч. III предисловие).
[2]) Jbid. ч. I, опред. 3.
[3]) Ibid доказат. теор. 4. Курсив мой.

выражается: „субстанция или совокупность аттрибутов"; различение субстанции как закономерности и аттрибутов, в коих она проявляется —является условным и абстрактным, так же, как абстракцией является и представление одного аттрибута отдельно от другого. Уже в первом диалоге в „Tractatus Brevis" Спиноза пишет: „Всеединое есть целое, ибо оно есть причина всех вещей не внешняя, а имманентная причина, которая все в себя включает, потому что она все создает в себе. Так разум есть одновременно и совокупность, и причина всех своих мыслей". В „Этике" же этому положению посвящена четкая теорема 18 части 1-ой, гласящая: „Бог есть причина всех вещей, имманентная, а не извне действующая (transiens)". Вселенная, таким образом, представляет собой „триединство" двух аттрибутов и имманентной им закономерности.

Таковы, в общих чертах, исходные принципы учения Спинозы о двойственном единстве материального и духовного—параллелистический монизм.

Каждый из аттрибутов—согласно определению 6 и теореме 11 части I—выражает вечную и бесконечную сущность. Вечность и бесконечность относится к cogitatio так же как и к extensio. Нет, с точки зрения Спинозы, никаких оснований приписывать большую реальность и совершенство одному из аттрибутов по сравнению с другим. Из самого определения их явствует независимость аттрибутов друг от друга. Таким образом, протяженное и мыслящее начало (согласно нашей терминологии—материальное и духовное) являются вполне равными между собой, и к их соотношению ни в коем случае не могут быть применимы категории первичности и вторичности. Спинозизм не признает примата материи, так же, как и примата духа. Последний отнюдь не является по отношению к первому свойством или качеством. Аттрибуты имеют равную значимость в реальном процессе природы. Спиноза считает нужным отмежеваться от возможного лжеистолкования мышления и его модусов—идей, как пассивного придатка, эпифеномена, тени подобного спутника протяженных вещей. Он отмечает активность, реальную значимость модусов мышления: „Я говорю понятие, а не восприятие, так как слово восприятие как будто указывает на пассивное отношение души к об'екту. Напротив, слово понятие, как кажется, выражает *действие души*[1]). В другом месте он критикует тех, которые „смотрят на идеи, как на немые фигуры на картине, и, будучи одержимы этим предрассудком, не видят, что всякая идея в силу того, что она, идея, заключает в себе утверждение или отрицание"[2]).

Если от указанных онтологических основоположений непосредственно перейти к методологическим выводам, то никаких преимуществ и превосходств метод познания закономерности природы под аттрибутом протяжения не представляет по сравнению с изучением той же закономерности под аттрибутом мышления. Оба метода одинаково полноправны для истинного воспроизведения в познании реальной закономерности. Параллелистический монизм не заключает аргументов (а наоборот исключает их) в пользу *привилегированного* положения об'ективно материалистического метода познания в применении к двусторонним в своих проявлениях закономерностям природы.

Спиноза вводит в свое учение элемент, который исключительно ярко демонстрирует отличие того *типа связи*, который установлен

[1]) Ibid., ч. I об'яснение к опред. 3. Курс. оригинала.

[2]) Ibid. схолия теор. 49. Или: „Идея есть не что-то немое на подобие рисунка на доске, а модус мышления, саморазумение". (Ib. сх., т. 43).

между обоими аттрибутами, и типом, определяемым как „свойство". Я имею в виду бесконечные модусы, примером которых Спиноза приводит „в мышлении—абсолютно бесконечный разум, в протяженности же—движение и покой"[1]). Здесь, при прочих равных условиях, имеется отношение модальности, а не равнозначимости. Движение и покой суть универсальные модусы протяжения, необходимые свойства, характеризующие всякое конечное состояние протяжения. То же относится и к отношению между cogitatio и intellectus absolute infinitus (о котором подробнее ниже). Если бы cogitatio было бесконечным *модусом* extensionis, каким по отношению к нему является motus et quies и каким по отношению к самому cogitatio является intellectus absolute infinitus, то можно и должно было бы говорить о психо-физическом учении Спинозы как о *материалистическом* монизме механического типа, но так как эти отношения (между extensio и cogitatio) не таковы, как видно из предыдущего, то учение Спинозы дает тип связи обоих начал, могущий быть определенным, как *параллелистический* монизм.

Все сказанное до сих пор о психо-физической проблеме у Спинозы относилось к взаимоотношению *бесконечного* мышления к бесконечному же протяжению, а не к конечным вещам и конкретным психическим явлениям в ограниченных организмах. Последнее, правда, непосредственно следует из сказанного о бесконечном, так как конечное является лишь состоянием бесконечного; но здесь важно отметить два момента: во-первых то, что переход от бесконечного мышления к конечному вызывает в учении Спинозы непреодолимые трудности, и, во-вторых, что, в отличие от современной нам психологии, признающей лишь конечные психические процессы, у Спинозы последние обволакиваются бесконечным мышлением. Бесконечное мышление не есть лишь абстракция от конечного; оно, напротив, является исходным началом, из которого Спиноза more geometrico, должен *вывести* конечное, эта бесконечность носит черты *абсолютной* бесконечности. Это понятие является, несомненно, рудиментом схоластического мышления, рудиментом, который предстояло преодолеть и отбросить материализму, воспринявшему некоторые элементы психо-физического учения Спинозы. В подразделении на natura naturans и natura naturata и в противопоставлении их как бесконечного и конечного, при признании более совершенным и реальным бесконечного,—схоластическими являются не только термины, но и самая постановка вопроса. Спиноза не мог диалектически устранить пропасть между имманентностью бога вещам и противоречием конечного и бесконечного, не смог материалистически признать примат конкретного, конечного единства природы вне и без которого нет и natura naturans в ее бесконечности. Это было в свое время отмечено Г. В. Плехановым, сочувственно излагавшим взгляд Фейербаха по этому вопросу. „Главный недостаток спинозизма он (Фейербах Б. Б.) видит в том, что „*чувственная* антитеологическая сущность природы принимает у него вид *отвлеченного метафизического* существа". Спиноза устранил дуализм бога и природы, так как об'явил действия природы действиями бога. Но именно потому, что действия природы являются в его глазах действиями бога, бог остается каким-то отдельным от природы существом, лежащим в ее основе. Бог представляется суб'ектом, природа—предикатом. Философия, окончательно освободившаяся от богословских преданий, должна устранить этот важный недостаток правильной по своему су-

[1]) Письмо от 29—VII 1675 г. к Шуллеру (за № 66).

честву философии Спинозы. „Долой это противоречие—восклицает Фейербах—не Deus sive Natura, но aut Deus, aut Natura есть природа истины“[1]).

Сказанное об учении Спинозы в целом, в полной мере относится и к психологической части его учения. Бесконечное мышление, как оно дано у Спинозы, принимает вид „отвлеченного метафизического существа“ наряду с „чувственной“ психической реальностью. „Что же касается духа человеческого, то и его я считаю частью природы, ибо полагаю, что *есть также в природе бесконечная способность мышления,* которая поскольку бесконечна, objective в себе содержит всю природу и коей мысли развертываются таким же образом, как сама природа, ее идеатум. Далее полагаю, что дух человеческий есть та же способность, но *не поскольку она перцепирует всю природу,* а конечна, именно, поскольку она перцепирует лишь человеческое тело. И вот почему я утверждаю, что *дух человеческий есть часть некоторого бесконечного интеллекта*“[2]). Делаемое Спинозой различение между аттрибутом мышления и *бесконечным* его *модусом*—интеллектом нисколько не устраняет антиномии между бесконечностью мышления и конечностью его модусов. Если комментировать intellectus infinitus индуктивистски, как связь, совокупность, всех конечных модусов мышления—это приведет лишь к еще большему отрыву аттрибута мышления от его модусов, расторгнет имманентность. Если же интерпретировать intellectus infinitus как бесконечность *интеллектуальных элементов* мышления, в отличие от желания, любви и т. д., то и в таком случае антиномия, очевидно, не ослабляется.

К чему сводится рассматриваемая антимония бесконечного мышления и его модусов? „Все, что вытекает из абсолютной природы какого-либо аттрибута бога, должно обладать вечным и бесконечным существованием, иными словами через посредство этого аттрибута все это вечно и бесконечно“[3]). „Все, что вытекает из какого-либо аттрибута, поскольку этот аттрибут находится в состоянии такой модификации, существование которой через посредство этого аттрибута необходимо и бесконечно, все это также должно обладать существованием и вечным и бесконечным“[4]). „Мышление, поскольку оно предполагается составляющим аттрибут бога, по своей природе необходимо бесконечно (по теореме 11)“[5]). „Идея бога в аттрибуте мышления или что-либо иное, необходимо вытекающее из абсолютной природы какого-либо аттрибута бога, не может иметь ограниченного продолжения; оно вечно через посредство этого аттрибута“[6]). Но, согласно Спинозе, *все* вытекает из абсолютной природы бога, все модусы суть лишь состояния *бесконечных аттрибутов* бога, а вне субстанции и ее состояний нет ничего. „Вещь, которая определена к какому-либо действию, необходимо определена, таким образом, богом, а не определенная богом сама себя определить к действию не может“[7]). „Модус существует в чем-либо ином, через что и должен быть представляем (по определению 5), т. е. (по теореме 15) он существует в одном только боге и только через него и может быть представляем“[8]). Итак,

[1]) „Основные вопросы марксизма“ гл. II.
[2]) Письмо к Ольденбургу от 20--XI—1665 г.
[3]) „Этика“ ч. I т. 21.
[4]) Jbid. т. 22.
[5]) Доказ. т. 21.
[6]) Jbidem
[7]) Теор. 26.
[8]) Доказ. т. 23.

все выводимое из божественной природы, выражаемой в двух аттрибутах, необходимо бесконечно; с другой стороны—вне выводимого из божественной природы нет ничего; следовательно—ничего конечного и ограниченного нет и быть не может, если верны основоположения Спинозы. Ведь „все единичное, иными словами, всякая конечная и ограниченная вещь может существовать и определяться к действию только в том случае, если она определяется к существованию и действию какой-либо другой причиной, также конечной и ограниченной по своему существованию. Эта причина, в свою очередь, также может существовать и определяться к действию только в том случае, если она определяется к существованию и действию третьей причиной—также конечной и ограниченной по своему существованию и так до бесконечности“ [1]). Таким образом, определение конечных вещей вращается в пределах исключительно конечного. Для об'яснения существования конечного необходимо существование конечного же „и так до бесконечности“. Спиноза не в состоянии перебросить мост между замкнутым в себе бытием бесконечного и замкнутым в себе существованием конечного. Ибо первая конечная вещь, долженствующая, путем ограничения сделать возможным существование второй конечной вещи, не может быть выведена из бесконечных аттрибутов субстанции. „Конечным оно (мышление—Б. Б.) может быть представляемо только в том случае, если оно ограничивается самим же мышлением (по определению 2)“ [2]). Возникновение же ограничивающего (т. е. конечного же) мышления является для Спинозы неразрешимой задачей. Приводимое в доказательстве теоремы 28 части 1-ой решение не может быть принято всерьез, так как представляет собою явное petitio principii, так как об'яснением служит как раз то, что и нуждается в об'яснении, т. е. возможность конечных модификаций, имеющих ограниченное существование. Ссылка на бесконечность числа ограниченных причин представляет лишь наивное отодвигание вопроса, но отнюдь не попытку разрешения его. Абсолютная бесконечность мышления оказывается „злою бесконечностью“, остатки схоластики мстят за себя, делая неосуществимым рациональный переход к конечному мышлению. Такова до конца остающаяся в учении Спинозы антимония, сказывающаяся в его пресловутом „quatenus“, антиномия, порожденная принятым им методом *рационалистической дедукции*. Последующая философия должна была *снять эту оболочку абсолютной бесконечности с плодотворной идеи психофизической корреспондентности.*

Здесь уместно будет вкратце сопоставить психо-физическое воззрение Спинозы с эмпирической гипотезой психо-физического параллелизма у современных психологов. Казалось бы, современные психологи-параллелисты осуществляют задачу элиминирования от метафизического мышления, сохраняя все здоровое из спинозовского учения. Однако, дело обстоит вовсе не так. Ведь элиминировать от бесконечности—процедура вовсе не тождественная диалектическому разрешению антиномии конечного и бесконечного. Психопараллелистическая эмпирия—ползучая эмпирия, не дающая средств подняться над ограниченностью единичного к синтезу всеобщего. Отмечая спинозовское обоснование параллелизма, они не заменяют его иным, более истинным, ограничиваясь рассмотрением конечного *вне мировой связи*. У Спинозы психо-физический параллелизм ведь *держится* на его учении об аттрибутах и без него повисает в воздухе, превращаясь в жалкую

[1]) Теор. 28.
[2]) Доказ. т. 21.

агностическую гипотезу. И, если нас не в состоянии удовлетворить спинозовское об'яснение соотношения физического и психического, то тем менее нас способен удовлетворить *отказ от всякого об'яснения* этого соотношения. Верно только то, что эмпирический параллелизм *не является материалистическим монизмом.* В рамках данной статьи ограничусь этим кратким замечанием.

Возвратимся к теме. К каким логическим подследствиям может привести спинозистское понятие абсолютного мышления, показывает рассуждение об intellectus infinitus в финальной части „Этики". Исходя из определения души как идеи тела, необходимо, руководствуясь параллелистическим принципом, придти к заключению, что душа существует лишь до тех пор, пока существует тело et vice versa. Бестелесная душа, идея без идеатума—недопустимая нелепость. Но... „человеческая душа не может совершенно уничтожиться вместе с телом, но от нее остается нечто вечное"[1]). Доказывается это тем, что, несмотря на то, что существование души определено тем же сроком, которым определяется и существование тела, идеей которого она является, „однако, так как (по предыдущей теореме) тем не менее существует нечто, что представляется с некоторой вечной необходимостью через самую сущность бога, то это нечто, относящееся к сущности души, будет необходимо вечно"[2]). Здесь, очевидно, Спиноза отнюдь не возвращается к картезианскому допущению самостоятельного бестелесного существования духовного начала, а лишь последовательно развивает свою антиномию бесконечного и конечного. Душа, как конечный модус мышления, перестает существовать, но в то же время и сохраняется... под формой вечности. Вопрос о существовании конкретной вещи подменяется вопросом о существовании аттрибута мышления и его двусмысленного бесконечного модуса—интеллекта. То, что бесконечное мышление продолжает существовать в себе и других конечных модусах, не подлежало сомнению, так же, как составляющее форму вечности, прекратившего существование тела протяжение и движение сохраняются в „боге". Нет оснований придавать мистическое значение заявлению Спинозы о сохранении души под формой вечности, оно является лишь повторением уже известной нам тенденции к гипостазированию лежащих в основе спинозистской дедукции начал. С одной стороны—„первое, что составляет действительное бытие человеческой души, есть идея определенной вещи, существующей в действительности (актуально)"[3]), с другой—„человеческая душа есть часть бесконечного разума бога"[4]). Спиноза *провозглащает* синтез конечного и бесконечного, имманентность бога природе в ее конечных проявлениях, но не может *осуществить* его.

Переходя к вещам конечным, следует прежде всего отметить, что, приняв параллелизм аттрибутов субстанции и применяя дедуктивно-рационалистический метод, Спиноза необходимо должен признать параллелизм и во всех, без исключения, конечных вещах. Так как все вещи суть состояния двухаттрибутной субстанции, то для Спинозы не может быть никаких оснований отрицать модусы мышления в каких бы то ни было вещах. С этой точки зрения вещами и протяженными и мыслящими необходимо должны являться не только все животные и растения, но и моря, скалы и вообще все вещи. Допустить хотя бы

---

[1]) Jbid. ч. V т. 23.
[2]) Jbid. доказательство.
[3]) Jb. ч. II док. т. 11.
[4]) Jbid. королларип.

одну немыслящую или непротяженную вещь,—значит пробить в учении неисправимую брешь; разрыв в одном пункте подрывает все монистическое учение. „Все, что было нами изложено до сих пор, имеет лишь общее значение и относится к человеку не более, чем к другим индивидуумам, которые, хотя и в различных степенях, однако же все одушевлены... Все сказанное нами об идее человеческого тела необходимо должно быть приложено и к идее всякой другой вещи"[1]). Спинозизм необходимо приводит к панпсихизму или гилозоизму. На основе спинозизма невозможно обосновать иных психологических воззрений. Всякие психологические воззрения, ограничивающие рассматриваемую двусторонность какими-либо пределами (например, *особо-организованной* материей) необходимо вступают в конфликт со спинозизмом и нуждаются в ином философском обосновании. Здесь делу не поможет делаемое Спинозой указание на то, что идеи различаются по своему совершенству и реальности так же, как различаются и тела,—все же каждый атом, каждая песчинка одушевлены, в той или иной степени, их существование есть одновременно столь же реальное существование и их идей. Соответствует ли такое воззрение действительности или нет—оно вполне оправдывается внутреннею логикой учения Спинозы. Кроме того, оно избавляет от необходимости уяснять генезис духа, так как последний, при этой концепции, с полным основанием является causa sui.

Как представляется Спинозе форма связи духа с телом и отдельных духов (идей) между собой? Природа есть об'ективная биморфная закономерность. Порядок, в форме причинной связи, проникает и детерминирует все модусы, как состояния субстанции. Причинная связь—всеобщая форма связи и взаимодействия вещей. Вещи и их существование—звенья в бесконечной каузальной цепи. Так обстоит дело применительно к отношениям между *вещами*, между модусами, рассматриваемыми, как модусы субстанции. Но причинная связь исключается из отношения аттрибутов *между собой*, как между двумя вещами, так и в самой вещи. В начале статьи мы отметили различение между мышлением и протяжением, принимаемое Спинозой и исключающее их взаимодействие в какой бы то ни было форме. В отношении модусов мышления и протяжения эта непроницаемость, разумеется, сохраняется. Ни тело не может оказать воздействия на душу, ни душа на тело. Причинная зависимость между модусами разных аттрибутов исключается в какой бы то ни было форме и мере. Следовательно, ни одна из проводимых схем (в которых стрелка обозначает направление от причины к действию, а скобка—единство вещи) невозможна:

$$\binom{Т_1}{Д_1} \searrow \binom{Т_2}{Д_2} \quad \text{или} \quad \binom{Т_1}{Д_1} \nearrow \binom{Т_2}{Д_2} \quad \text{или} \quad \binom{Т \longrightarrow Д}{Д \longleftarrow Т} \; \text{(или)}$$

Вещь в целом, в своей двухаттрибутности, воздействует также на вещь в целом, рассматриваемую как модус двусторонней субстанции, так как „модус протяжения и идея этого модуса суть одна и та же вещь, но только выраженная двумя способами"[2]). При этом едином воздействии вещи на вещь сохраняется *параллельное причинное воздействие* в пределах соответствующих аттрибутов. Это значит, что модус протяжения в *А* является причиной по отношению к модусу протяжения *В параллельно* причинному воздействию модуса мышления *А* на модус мышления *В*. „Формальное бытие идей имеет своей

[1]) Jb. схол. т. 13.
[2]) Jbid. сх. т. 7.

причиной бога, только поскольку он рассматривается как вещь мыслящая, а не поскольку он выражается каким-либо другим аттрибутом; т. е., как идеи аттрибутов бога, так и идеи отдельных вещей имеют своей производящей причиной не об'екты свои или воспринимаемую вещь, а самого бога, поскольку он есть вещь мыслящая" [1]. „Об'екты идей вытекают и выводятся из своих аттрибутов таким же образом и в той же самой необходимости, в какой идеи вытекают, как мы показали, из аттрибута мышления" [2]. Такова форма связи идей, характеризующаяся: 1) отсутствием взаимодействия с телами, 2) внутриаттрибутной причинностью, 3) параллельностью причинной связи в обоих аттрибутах модуса, так как связь и порядок идей тождественен с порядком и связью тел. Из последнего следует, что схемы:

$$\left(\begin{matrix} Т_1 \\ Д_1 \end{matrix}\right) \longrightarrow \left(\begin{matrix} Т_2 \\ Д_2 \end{matrix}\right) \text{ или } \left(\begin{matrix} Т_1 \\ Д_1 \end{matrix}\right) \longrightarrow \left(\begin{matrix} Т_2 \\ Д_2 \end{matrix}\right)$$

где сохраняется внутриаттрибутная причинность, но нет *постоянного и необходимого* параллелизма—для спинозизма неприемлема. „Будем ли мы представлять природу под аттрибутом мышления, или под каким-либо иным аттрибутом,—мы во всех случаях найдем один и тот же порядок, иными словами, одну и ту же связь причин, т. е. что те же самые вещи следуют друг за другом" [3]. Таким образом, форма связи физических и психических процессов, как ее понимал Спиноза, должна быть выражена следующей схемой:

$$\left(\begin{matrix} Т^1 \longrightarrow \\ Д^1 \longrightarrow \end{matrix}\right) \left(\begin{matrix} Т^2 \\ Д^2 \end{matrix}\right) \begin{matrix} \ldots\ldots \\ \ldots\ldots \end{matrix}$$

где Т и Д—корреспонденты, а модусы 1 относятся к модусам 2, как причина к действию. „Формальное бытие идеи круга может быть понято лишь через другой модус мышления, как через свою ближайшую причину, это, в свою очередь, через третий и так до бесконечности, так что, если вещи рассматриваются как модусы мышления, то и порядок всей природы или связь причин мы должны выражать лишь посредством аттрибута мышления. Если же они рассматриваются как модусы протяжения, то и порядок всей природы должно выражать лишь посредством аттрибута протяжения" [4].

Определение принятого Спинозой типа связи может быть выражено понятием „со-данность" или „со-бытие", или, еще лучше,—„единобытие". Если дан *один из элементов*, то необходимо должен быть дан и другой. Ни взаимодействия, *ни первичности* одного из элементов означенная связь не предполагает, а устанавливает лишь неразрывность сосуществования. Такое отношение вполне последовательно выводится из рассмотренной выше равнозначимости и равнореальности аттрибутов. Нет суб'екта без об'екта, *нет и об'екта без суб'екта*. Панпсихизм и внутриаттрибутная причинность обусловливают *психическую непрерывность*. Итак, человек—единобытие души и тела. Ни тело, ни душа—не являются первичными. Тело не мыслит, а душа—не свойство тела или части тела (так же, как и тело не является свойством души). *Единство* души и тела,—их со-данность—модус имманентной им закономерности.

Наше понимание параллелистического монизма Спинозы было бы неполным и недостаточным, если бы мы не остановились на его уче-

---

1) Jbid. т 5.
2) Корол. т. 6.
3) Схол. т. 7.
4) Ibidem.

нии о духе, как идее тела. Спиноза явственно различает два возможных аспекта духа: дух, рассматриваемый с точки зрения его содержания, и дух, как особую форму бытия, независимо от его содержания. В самом деле, дух, с одной стороны, является некоторой реальностью, модусом бесконечного мышления, модусом, отличающимся своими специфическими (по сравнению с телами) особенностями, первой из которых является его свойство „об'ективировать" (об'ективный—здесь и дальше я употребляю в смысле Спинозы,—как представляемый), отражать в себе сущность, данную в телах „формально". Протяжение и его модусы не имеют этого свойства, для них специфично не „об'ективирование", а движение. Тело не определяет духа к существованию; существование духа зависимо лишь от мышления и равнореально существованию тела, но, с другой стороны, эта реальность, этот независимый, в своем существовании, модус мышления об'ективирует „нечто", и этим нечто является тело. „Все, что имеет место в об'екте идеи, составляющей человеческую душу,—все это должно быть воспринимаемо человеческой душой, иными словами в душе необходимо будет существовать идея этого: т. е., если об'ектом идеи составляющей человеческую душу, будет тело, то в этом теле не может иметь места ничего, что не воспринималось бы душою" [1]. „Об'ектом идеи, составляющей человеческую душу, служит тело, иными словами, известный модус протяжения, существующий в действительности (актуально) и ничего более" [2]. Таким образом, тело, не будучи причиной или носителем духа, как некоторой формальной сущности, является его об'ектом. Так море, отражающее в своих водах лунный свет, вовсе не находится от него в зависимости, в смысле существования и способности отражать. Устновив приведенное соотношение между телами, как об'ектами, и духами, Спиноза последовательно переходит к рассмотрению природы тел. В ряде лемм и постулатов и вытекающих из них теорем второй части „Этики" Спиноза изучает идеи *исходя* из свойств тел. Этот отдел написан в явственно материалистических тонах. Но что из этого следует? Значит ли это, что, переходя от общих оснований своей системы к конкретным вещам, Спиноза становится недвусмысленно и полностью на материалистическую позицию? Отнюдь нет. То, что дано в телах формально, дано в духе об'ективно; *в этом смысле* можно говорить о первичности тела по отношению к идее, так как говорить о первичности идей по отношению к их идеалам значит перейти в другую крайность--отрицать самостоятельность тел по отношению к духу, т. е. превратить протяжение в модус мышления. Но эта первичность тел—первичность об'екта, которая ничего не говорит о том, каков дух *формально.* А ведь весь вопрос именно в этом: каковы отношения между духом, как формальной реальностью и телом, как формальной реальностью, что из них первично, а что вторично? И в этом, решающем, вопросе Спиноза, не скатываясь к идеализму, не становится и на материалистическую позицию, а придерживается, как достаточно раз'яснено, параллелистического монизма. Хотя тело и является об'ектом данной определенной идеи, но *причиной* его может быть лишь другая *идея.* Если что-либо изменяет тело А, то идею этого изменения вызывает не тело А, а *идея*, принадлежащая к *вещи* В, *тело*, принадлежащее к которой вызывает *параллельно* изменение *тела* А. Выражаясь привычной для нас терминологией, позицию Спинозы можно формулировать так: *бытие* суб'екта независимо

---

[1]) Jbid. т. 12.
[2]) Теор. 13.

от об'екта; суб'ект—не свойство, а со-данность об'екта: об'ект определяет суб'ект лишь в отношении содержания, а не существования [1]).

Если идеи содержат „об'ективно" сущность тел, то логично спросить о том, нет ли такой формальной реальности, которая содержала бы „об'ективно" сущность душ? Адэкватная, полная идея тела—истинный ключ к познанию тел; адэкватная *идея идеи* была бы истинным ключем к познанию идей, содержа об'ективно сущность их. Здесь мы переходим к учению Спинозы об idea mentis.

„Человеческая душа воспринимает не только состояния тела, но также и идеи этих состояний" [2]). „Душа познает себя лишь постольку, поскольку она воспринимает идеи состояний тела" [3]). Вторая из приведенных теорем совершенно бесспорно вытекает из всего предыдущего понимания души. Самосознание, сознание души, как формальной реальности, невозможно вне восприятия душой идей состояния тела, так как в этом восприятии выражается сущность души (душа—идея тела), и душа, отвлеченная от „об'ективирования" тела, также непредставляема, как протяженность, отвлеченная от движения и покоя. Трудности связаны с истолкованием первой из приведенных теорем. Если душа воспринимает также и самое себя, т. е. идеи, то она не есть „идея тела", а „идея вещи" [4]), образуя идею *обоих элементов* вещи: и тела, и идеи. Это во-первых. Далее. Идея идеи и идея тела есть тождество, „вытекая с одной и той же необходимостью *из одной и той же способности мышления,* так как в действительности идея души, т. е. идея идеи есть не что иное, как форма идеи, поскольку она рассматривается, как *модус мышления безотносительно к об'екту*" [5]). „Поэтому идея души и сама душа составляют одну и ту же вещь, представляемую *под одним и тем же аттрибутом,* именно аттрибутом мышления" [6]). Здесь высказывается мысль о том, что самосознание души присуще самой душе наравне с сознанием тела. Так как всякая идея—модус мышления, то и идея идеи принадлежит к аттрибуту мышления, т. е. самой идее. Идея есть идея *вещи*. Далее, „идея души соединена с душой точно так же, как сама душа соединена с телом". Но ведь душа соединена с телом *не как тождество,* не как модус, рассматриваемый под *одним аттрибутом,* а как единство модусов, рассматриваемых в двух аттрибутах. Значит, идея души соединена с душой не „точно так же", как сама душа с телом, а здесь иной, тип связи? Безусловно, отождествление обоих типов связи здесь имеет в виду связь „об'ектную", а не формальную (экзистенциальную). Идея души относится к душе, *как к своему об'екту* точно так же, как сама душа к телу, но соединение идеи души с душой, рассматриваемое формально, отлично от такового отношения души и тела.

Впрочем, у Спинозы намечается и иное решение, связанное с его понятием бесчисленных аттрибутов субстанции. Из бесконечности бога следует бесконечное число его аттрибутов. „Нет ничего яснее того, что существо абсолютно бесконечное необходимо должно быть определяемо... как существо, состоящее из бесконечно многих аттрибутов, из которых каждый выражает некоторую вечную и бесконечную сущ-

[1]) Ср. с этим слова Плеханова о точке зрения Л. Фейербаха: „Об'ект для меня есть не только ощущаемый предмет, но также основание, необходимое условие моего ощущения" (Г. В. Плеханов. Сочинения т. XVIII стр. 189).

[2]) Теорема 22.

[3]) Теор. 23.

[4]) „Об'ектами идеи, составляющей человеческую душу, служит *тело, иными словами, известный модус протяжения,* существующий в действительности (актуально), *и ничего более* (т. 13. Курс. мой).

[5]) Схолия т. 21. Курс. мой.

[6]) Ibidem.

ность“ [1]). Перед Спинозой должна была встать дилемма: либо ограничить число аттрибутов бога двумя, что противоречит определению бога, как бесконечного, либо признать число аттрибутов бесконечным, признавая свое незнание иных аттрибутов, помимо двух. Спиноза избрал второе, как это видно из вскользь употребляемых в „Этике“ выражений и особенно из его переписки. Однако, агностицизм по отношению к множественности аттрибутов является чуждым духу учения Спинозы. „Человеческая душа имеет адэкватное познание вечной и бесконечной сущности бога“. Это побуждало Спинозу принять иное решение вопроса. На это решение указал В. Виндельбанд. Мы видели, что Спиноза отождествил отношение идеи духа к духу с отношением тела и духа и указал ограничительный смысл этого уподобления. Но есть иной путь. Путь безоговорочного признания этой аналогии. Идя по этому пути, неизбежно притти к пониманию идеи духа, как модуса особого третьего аттрибута „об‘ективирующего“ модусы второго аттрибута, подобно тому, как мышление (второй аттрибут) образует идеи первого. Это решение удовлетворяет требованию бесконечности аттрибутов, так как таким же образом возможно образование идей высших порядков. „Ибо раз кто-нибудь что-либо знает, он тем самым знает, что он это знает и вместе с тем знает, что он знает, что он это знает, и так до бесконечности“ [2]). При таком понимании, идея первого порядка будет идеей тела (а не вещи), а идеей вещи будет идея, как модус третьего аттрибута, так как идея тела=идее, как формальная сущность плюс тело, данное об‘ективно. При этом толковании термин самосознание не вполне пригоден. Вещь становится параллельным существованием не двух, а бесчисленных аттрибутов „возрастающей степени духовности“. Материалистическое разрешение этой проблемы было бы, повидимому, противоположным. Оно, вместо увеличения числа аттрибутов, уничтожило бы и первые два, превратив и *мышление* в *модус* материи. Это было бы путем от параллелистического к *материалистическому* монизму. Это было бы признанием, что esse=corpus esse.

---

[1]) Схол. т 10.
[2]) Теор. 47.

Проф. М. Грёдингер.

Вокруг вопроса об общих началах землепользования и землеустройства.

В силу пункта „Н“ статьи 1 конституции Союза ССР, перечисляющей предметы ведения верховных органов власти, компетенции этих органов,—кроме целого ряда других предметов, не останавливающих на себе в настоящем очерке нашего внимания,—принадлежит „установление общих начал землеустройства и землепользования, а равно пользования недрами, лесами и водами на всей территории Союза Советских Социалистических Республик“.

Из этого пункта приведенной статьи с совершенной очевидностью вытекает, что в области законодательной нормировки землепользования и землеустройства в компетенцию Союза входит только преподание общих принципов, от которых ни одна союзная республика отступить не может. Детализация же регулирования земельных отношений, зависящая от тех или иных специфически местных условий и особенностей, не идущая в разрез с общими началами землеустройства и землепользования, и вообще регулирование тех отношений, которые ни в малой степени не затрагивают основ *общесоюзного* строительства, не составляют и не должны составлять задачи законодательства СССР не только потому, что это формально не согласуется с конституцией, но и по существу не могло бы дать удовлетворительных результатов.

Сообразно этому можно было бы довольствоваться констатированием положения, что всесоюзная власть призвана только к выработке общих принципов земельного законодательства и что этим исчерпывается все влияние ее на земельное право советских республик. Но мысль эта как-будто не вяжется с другими, не возбуждающими сомнений, положениями конституции Союза ССР. Так, 1) на основании пункта „о“ статьи 1 конституции ведению верховных органов власти Союза подлежит еще „общесоюзное законодательство о межреспубликанских переселениях и установление переселенческого фонда“, а 2) на основании пунктов „з“, „и“ и „к“ той же статьи в компетенцию Союза входит установление основ и общего плана всего народного хозяйства Союза, определение отраслей промышленности и промышленных предприятий, имеющих общесоюзное значение, заключение концессионных договоров, как общесоюзных, так и от имени отдельных союзных республик; руководство транспортом и почтово-телеграфным делом; организация и руководство вооруженными силами Союза.

Что для осуществления целого ряда задач, связанных с хозяйством и управлением в перечисленных отраслях, использование земельной площади в той или иной мере представляется необходимым, само собой разумеется. А из этого положения с неумолимой после-

довательностью вытекает, что выделение земельных участков для указанных целей составляет обязанность общесоюзной власти.

Однако, этот вывод может вызвать некоторое недоумение в виду того неоспоримого факта, что наша общесоюзная конституция, собственно говоря, непосредственных прав на землю Союзу не предоставляет. Казалось бы,—рассуждают вполне логически,—выделять определенную часть земельной площади для известного назначения означает ничто иное как проявить в отношении земли право распоряжения, принадлежащее, как таковое, естественно, тому государству, которое является суб'ектом права собственности на данную территорию.

Чью же собственность составляет земля в Советском Союзе?

На этот кардинальный вопрос могли бы быть даны два ответа: носителем права собственности на землю признается либо Союз ССР, либо—в пределах ее территории—каждая отдельная союзная республика. Оба эти ответа друг друга исключают: если верен первый, неправилен второй. Проблема эта настолько актуальна, настолько практически и теоретически важна и интересна, что не следует от нее открещиваться, прячась, на подобие страуса, за неопределенное, расплывчатое, навеянное эс-эровской программой, представление о народном достоянии, будто-бы устраняющее всякие затруднения, связанные с вопросом о принадлежности территории,—хотя Гражданский Кодекс в одном месте (ст. 21) еще отдал дань именно этому воззрению [1]).

Для определения содержания и об'ема основных начал землепользования и землеустройства затронутый вопрос имеет решающее значение. Приступим, поэтому, прежде всего, к *его* ближайшему рассмотрению.

В силу ст. 6 конституции Союза ССР территория союзных республик не может быть изменяема без их согласия, а равно для ограничения или отмены права свободного выхода из Союза требуется согласие всех республик, входящих в его состав. На основании же ст, 64 „в пределах территории каждой союзной республики верховным органом власти последней является с'езд советов республики". С другой стороны, как видно из ст. 43 той же конституции, территорию имеет также Союз СССР, каковое положение соответствует основной цели об'единения советских республик в одно союзное государство, способное обеспечить и внешнюю безопасность, и внутреннее хозяйственное преуспеяние, и свободу национального развития народов,—как это подчеркнуто в Декларации об образовании Союза.

Отсюда явствует, что в то время, как территория Украины подчинена властвованию УССР, белорусская территория—БССР и т. д., территории всех шести, входящих в Союз, союзных республик образуют еще единое целое, на которое, в предусмотренных конституцией отношениях, простирается властвование верховных органов Союза. А так как согласно ст. 7 конституции для граждан союзных республик устанавливается единое союзное гражданство, то единство Союза и проявляется в общесоюзном суверенитете, единстве территории и населения. Рефлексом этого суверенитета является государственное властвование над общей территорией, пределы которого определительно указаны в конституции и не могут быть, помимо С'езда Советов СССР, расширяемы. Поэтому и нельзя согласиться с мнением

[1]) Не будем останавливаться на мнении тех, кто вопрос, кому принадлежит право собственности на землю, вообще считает бессодержательным. Это мнение получило достойную отповедь в статье т. Павлова („Земля—ничья, земля—божья") в журнале „Революция права", книга 2—1927 г.

т. Рейхеля, который в первой части своих интересных очерков конституционных взаимоотношений советских республик (стр. 52) утверждает, что союз в процессе работы сам определяет пределы своей компетенции. Такое положение, абсолютно выраженное, неопределенно и неточно, особенно, когда речь идет об отступлении от основных начал конституции, что и подчеркнуто в Отчете Центрального Исполнительного Комитета СССР за 1925 г. Конечно, нельзя отрицать, что единство хозяйственной жизни и стремления к социалистическому строительству обусловливают собой ясно обозначающуюся тенденцию к некоторому расширению общесоюзной компетенции; усматривать в этом централистические уклоны не приходится. Но нормальный путь к раздвиганию установленных рамок предуказан самой конституцией (ст. 2), и сойти с него, без риска согрешить против революционной законности, мы не сможем.

Союз ССР является государством sui generis, долженствующим быть об'ясняемым только из самого себя, государством, которое можно было бы назвать „единорозным государством“, поскольку в нем мы имеем перед собой, с одной стороны, единый суверенитет, а с другой, отдельные, обособленные суверенные власти—союзные республики, составляющие одно целое, неразрывность которого поддерживается не буквой закона, а солидарностью стремлений и сознанием возможности обеспечения за ними полного торжества в жизни лишь при условии заступничества всех членов Союза за одного и каждого за всех.

Из факта, что границей, где государственное властвование Союза находит свой предел, являются территории союзных республик, некоторые склонны сделать вывод, что Союз есть „верховный собственник“ всех земель, расположенных на территориях последних. Но этот неожиданный прыжок в область унаследованных от средневековья и утративших всякий практический смысл правовоззрений не только ничего не раз'ясняет, но вносит полный разлад в созданные советским строем отношения. В самом деле, если обратиться к действующим в наших республиках Земельным и Гражданским Кодексам, то станет очевидным, что собственником земель, входящих в состав территории каждой из них, признается исключительно данная республика. Это подтверждается, в частности, как ст. 2 Земельных Кодексов, так и ст. 53 Г. К., устанавливающей, что земля может быть исключительно собственностью государства и, естественно, имеющей в виду то государство, в Гражданском Кодексе которого это правило изложено. В изданном ЦИК БССР в 1925 г. проекте конституции БССР этот принцип получил вполне определенное и четкое выражение. В ст. 5 проекта мы читаем: „весь земельный и лесной фонд“, „в чьем бы ведении и пользовании он ни находился, считается общегосударственным достоянием БССР“. В утвержденной в апреле 1927 г. конституции это положение не так ярко выражено.

Но, быть может, целесообразно будет, по совету т. Антонова-Саратовского (см. его статью, помещ. в журнале „Советское Строительство СССР“, кн. 2 за 1926 г., стр. 39), допустить одновременное существование права собственности на землю и Союза, и отдельных союзных республик? Этот взгляд повторяется также в недавно разосланном проекте союзного КЗП об основах гражданского права. Но едва-ли можно согласиться с ним. Ибо и такая конструкция не упрощает дело, а скорее его осложняет.

К тому же и нет нужды к ней прибегнуть, если помнить, что распорядительная власть Союза в отношении земельного фонда яв-

ляется лишь одним из проявлений той суммы полномочий, которые Союзу переданы входящими в его состав союзными республиками. Совершенно так же и изменение внешних границ вверено Союзу, как представителю союзных республик (Конституция, ст. 1, п.п. „а“ и „б“).

Однако, не следует забывать, что передача осуществления права не равносильна передаче самого права. Возможность же возникновения на этой почве коллизий даже трудно себе представить, и нет опасений полагать, как этого боится т. Громан („Советское Строительство СССР“, там-же, стр. 15), что может наступить момент, когда Союз не в состоянии будет осуществлять своих обязанностей в отношении колонизационного фонда, если, допустим, вся годная для этой цели земельная площадь окажется отдельными республиками для других надобностей использованной. При обширности нашей территории и действии правил об из‘ятии земель в силу государственной необходимости это практически невероятно.

Существует, впрочем, еще третье мнение, поборники которого в корне отрицают всякую собственность на землю, следовательно, и собственность государства на нее. Не даром выдвигают они по этому поводу излюбленный термин „достояние“, взятый из эс-эровского лексикона. Но эго мнение идет в разрез с вышеуказанными принципами Советского законодательства.

Итак, настоящим, подлинным носителем права собственности на землю является не Союз, а каждая союзная республика в пределах ее территории. Гарантией же против возможности столкновений на почве распоряжения земельным фондом служит „единорозность“ Советского Союза, как отражение его диалектического развития, как продукт процесса, развертывающегося в противоречиях.

*
* *

Мы располагаем в настоящее время тремя проектами „общих начал землепользования и землеустройства“, получившими, благодаря Аграрной Секции Коммунистической Академии, широкую огласку, будучи опубликованы в журнале „На аграрном фронте“, в кн. №№ 5-6 и 10 за 1926 г. Это—проекты Комиссии Законодательных Предположений при Совете Народных Комиссаров Союза ССР, 2) Совнаркома РСФСР и 3) белорусский проект. В то время, как проект СССР обнимает собой 67 статей, оба другие проекта значительно короче: в проекте РСФСР—27 статей, в белорусском—22.

Уже это внешнее несоответствие трех проектов не может не навести на некоторое размышление; одними-ли редакционными приемами об‘ясняется это различие или же оно лежит глубже и в основе своей имеет неодинаковые взгляды на принципы землепользования и землеустройства, к установлению которых призваны верховные органы власти Союза?

Синоптическая таблица, показывающая содержание приведенных трех проектов, нагляднее всего выдвинет их совпадения, черты сходства и отличия.

Вот эта таблица:

Проект Комиссии Зак. Предп. при СНК Союза.	Проект РСФСР.	Проект БССР.
Раздел I.		
Основные положения (ст. 1—5)	Основные положения (ст. 1—6)	Основные положения (ст. 1—5)

Раздел II. Земли трудового пользования. (ст. 6—54)	Земли трудового пользования. (ст. 7—17)	Земли трудового пользования. (ст. 6—16)
Раздел III. Земли специального назначения. (ст. 53—54)	Городские земли. (ст. 18—19)	Земли специального назначения. (ст. 17—18)
Раздел IV. Городские земли (ст. 55—58).	Земли специального назначения. (ст. 20—21)	Городские земли (ст. 19).
Раздел V. Государств. земельные имущества. (ст. 59—60)	Государств. земельные имущества. (ст. 22—23)	Общие начала землеустройства на территории Союза ССР. (ст. 20—22)
Раздел VI. Общие начала землеустройства на территории Союза. (ст. 61—67)	Землеустройство (ст. 24--27).	

Из этого обзора видно, что рубрики, по которым распределяются отдельными проектами общие начала землепользования и землеустройства, между собой совпадают; только в белорусском проекте недостает раздела о государственных земельных имуществах. В ст. 5 этого проекта о них упоминается лишь вскользь указанием на то, что земли, остающиеся, после выделения земель в трудовое пользование, городам и для специальных назначений,—составляют госземимущества, находящиеся в распоряжении земельных органов; но принципы их использования там не выражены.

Судя по количеству статей указанных трех проектов, можно a priori заключить о неодинаковости метода трактовки ими общих начал землепользования и землеустройства. И в самом деле; защитники проекта РСФСР находят общесоюзный проект чрезмерно полным и детальным, а поборники последнего упрекают составителей проекта РСФСР в том, что он вращается в слишком общих положениях и Союзу отводит слишком незначительное место. Найти при начертании „общих начал“ правильную, всех удовлетворяющую линию чрезвычайно трудно. Но бесспорно, что исходным моментом в этом отношении должны служить завоевания Октябрьской Революции и задачи социалистического строительства.

Соответственно этому можно вместе с т. Милютиным („Известия“ № 64 от 18 марта 1927 г.) выдвинуть след. принципы, долженствующие найти место в „общих началах землепользования и землеустройства“: 1) принцип национализации земли; 2) признание суб'ектами землепользования совхозов и других сельско-хозяйственных государственных предприятий, с.-х. коллективов, земельных обществ и других об'единений землепользователей, а также двора; 3) принцип благоприятствования земледельческим предприятиям социалистического типа, советским и коллективным хозяйствам; 4) проведение классовой точки зрения по всем вопросам землеустройства и землепользования и 5) запрещение субаренды частным арендаторам, снимающим землю на договорных началах. Происходившее в начале настоящего года третье

совещание народных комиссаров земледелия союзных и автономных республик выставило тринадцать основных принципов для проектируемых общих начал землепользования и землеустройства. Вот эти общие принципы: 1) национализация земли, 2) отмена права частной собственности на землю, 3) недопустимость неравенства в земельно-хозяйственной правоспособности трудящихся в зависимости от пола, вероисповедания, национальности и гражданства, 4) единство государственного земельного фонда в каждой союзной и автономной республике, 5) единство и сосредоточение в органах наркомземов республик заведывания и учета земельного фонда, а также проведения землеустройства и регулирования земельных отношений, как в административном, так и в судебном порядке, 6) оставление за союзным правительством лишь права постановлять об отводе необходимых и возможных к отводу по местным условиям земель государственным учреждениям и предприятиям, признаваемым в установленном порядке имеющими общесоюзное значение, а также для концессий и во всесоюзный переселенческий фонд и контролировать действия союзных республик по отводу таких земель, 7) подчинение всех категорий землепользователей общему контролю заморганов, 8) поощрение товарищеских форм землепользования и типов землеустройства, наиболее способствующих развитию производительных сил и обобществлению сельского хозяйства, 9) классовый подход в вопросах землеустройства и регулирования землепользования, 10) обеспечение прочности и устойчивости землепользования, создающих и поддерживающих стимулы для усиленного вложения труда и средств в хозяйство в целях его улучшения и повышения товарности, 11) рациональное ограничение пределов и поравнений земель, а также дробления хозяйств, 12) компенсация за неиспользованные затраты и 13) допустимость аренды трудовых земель и применения подсобного наемного труда при условии сохранения хозяйствами трудового строя.

Приведенные тезисы почти дословно совпадают с изложенными т. Свидерским в его заключении по проектам КЗП Союза и Совнаркома РСФСР, помещенном в кн. 9 журнала „На аграрном фронте“ за 1926 г. (стр. 117—118). Но если ближе присмотреться к этим тезисам, то нельзя будет не признать, что не все они заслуживают одинакового внимания с точки зрения цели, которую они преследуют, и что некоторые из них являются только дальнейшими выводами из основных принципов.

Посмотрим теперь, как справились с своей задачей занимающие нас три проекта.

* * *

Краеугольным камнем, на который должна опереться вся система общих начал землепользования и землеустройства, естественно, является национализация земли, передача ее в собственность государства, как понимал и предлагал осуществить национализацию Ленин. Включая этот основной, в буквальном смысле слова, принцип в „общие начала“, надлежит прежде всего заняться очисткой его от чужеродных элементов и тех изменяющих его сущность примесей, которые пристали к нему в момент Октябрьской революции, как последняя дань эсэровской аграрной политике. Не говоря уже о декларации прав трудящегося и эксплоатируемого народа, об'явившей, в осуществление социализации земли, весь земельный фонд общенародным достоянием, передаваемым трудящимся на началах уравнительного землепользования,—отголоски народнических звуков мы еще находим даже в Граж-

данском Кодексе, не решившемся в своей общей части сразу поставить точку над „и“, а заменившем там ясное и определенное представление о собственности государства (как это установлено в ст. 53 того же Кодекса) лишенным юридического титула, бледным и расплывчатым выражением „достояние“.

В занимающих нас проектах принцип национализации земли получил несовсем тожественное отображение.

Ст. 1 проекта КЗП Союза гласит: „Вся земля в пределах Союза ССР составляет исключительно государственную собственность. Частная собственность на землю не допускается. Владение землей допускается только на праве пользования“. Затем, продолжая эти положения, ст. 2 добавляет: „Государственная собственность на землю в пределах союзной республики осуществляется этой республикой на основании настоящих „общих начал“ и законодательства республики“.

Белорусский же проект в своих статьях 1 и 2 гласит след. образом: [1]) Вся земля, входящая в состав территории Союза ССР, составляет в пределах каждой республики государственную собственность этой республики. Частная собственность на землю не допускается. Владение землей допускается только на праве пользования; 2) государственная собственность на землю осуществляется на основании общих начал и законодательств союзных республик.

Наконец, в ст. 1 проекта РСФСР сущность национализации изображается так: „Все земли в пределах Союза ССР составляют государственную собственность. Государственная собственность на землю в пределах каждой союзной республики осуществляется соответствующей республикой на основании настоящих „общих начал“ и законодательства республики. Частная собственность на землю в пределах Союза ССР не допускается. Земля из‘ята из гражданского оборота. Владение землей допускается только на праве пользования“. Т. о. этот проект об‘единил в одну статью то, что (с некоторыми изменениями) изложено в двух первых статьях обоих других проектов.

Анализируя приведенные статьи и сравнивая их между собой по отдельным проектам, нельзя, прежде всего, не остановиться на том, что в то время, как по общесоюзной редакции земля составляет исключительно государственную собственность, проекты БССР и РСФСР эпитета „исключительно“ не повторяют. Но это почти незаметное, на первый взгляд кажущееся несущественным, отступление все же не заслуживает одобрения. Слово „исключительно“, думается мне, должно быть сохранено по трем основаниям: оно резче подчеркивает разрыв с эс-эровскими пережитками, согласуется с буквальным текстом ст. 53 Гражданского Кодекса и делает излишним установление в „общих началах“ специального правила о том, что на землю частная собственность не допускается.

Это последнее правило, проводимое во всех трех проектах, впрочем, не только лишне, как само собой разумеющееся,—применительно к проектам БССР и РСФСР, опустившим эпитет „исключительно“ перед словами „государственная собственность“,—оно и вредно, так как может легко вызвать превратное представление, будто общие начала землепользования и землеустройства не исключают возможности установления кооперативной собственности на землю. Ведь, Гражданский Кодекс (ст. 52) знает не только государственную и частную собственность, но и собственность кооперативную. А между тем особенность и центр тяжести нашего земельного законодательства в том и заключается, что, кроме государства, никакие юридические или физические лица собственниками земли состоять не могут.

Если отмеченное положение (о недопущении частной собственности на землю) представляется лишним балластом в общих началах землепользования и землеустройства, то составители проекта РСФСР, стремясь дать идее национализации возможно полную характеристику, впали еще и в досадную неточность. В той же первой статье проводится ими правило, что „земля из‘ята из гражданского оборота“. Между тем сделки о предоставлении земли в пользование при известных условиях не возбраняются, а трудовой аренде даже посвящен раздел в земельных кодексах. Запрещены только указанные в ст. 26 Зем. Код. БССР и соответствующих статьях земельных кодексов других республик сделки (купля—продажа, дарение, завещание, залог и мена). Но раз допущено исключение, говорить о полном из‘ятии данного об‘екта из гражданского оборота уже не приходится. Потому-то и заявление ст. 21 Г. К. можно принять лишь cum grano salis.

Рассмотрим теперь второе из основных положение, проводимое во всех трех проектах, правило о том, что государственная собственность на землю осуществляется на основании „общих начал“ и законодательств союзных республик. В силу общесоюзной конституции верховным органам власти Союза присвоена известная распорядительная власть в отношении всей территории. Поэтому вполне целесообразно пределы этой власти точно обозначить в „общих началах“, дабы она не приходила в коллизию с верховно-распорядительной властью над землями отдельных союзных республик. Такие границы и устанавливаются всеми тремя проектами (СССР—ст. 2; РСФСР—ст. 2; БССР—ст. 3). „Союзу ССР принадлежит право: а) выделения отдельных участков в пользование учреждений и предприятий общесоюзного значения для специальных целей этих учреждений и предприятий; б) установление общесоюзного переселенческого фонда; в) установление концессионного фонда и предоставление отдельных земельных участков в концессию в порядке действующего законодательства о концессиях“. К этому проект РСФСР еще добавляет, что „об‘ем прав и порядок управления (выделенными согласно приведенной статье) землями определяется законодательством Союза ССР“. Упоминать об этом небесполезно, хотя бы в интересах установления точной правовой гарантии, предупреждающей возможность превратного толкования.

Сопоставляя ст. ст. 1 и 2,—которые, как вы видели в проекте РСФСР, об‘единены,—можно устранить недоумение, вызываемое положением, гласящим, что государственная собственность на землю в пределах каждой союзной республики „осуществляется“ последней. Если государственная собственность на землю, говорит проф. Гойхбарг (см. его статью в журнале „На аграрном фронте“, кн. 10 за 1926 г., стр. 82), союзными республиками только осуществляется, то значит, она им не принадлежит. И для иллюстрации своей мысли уважаемый автор приводит примеры малолетних и акционерных обществ, права которых „осуществляются“ опекунами, общими собраниями или правлениями. Между тем союзная республика, дескать, не является одновременно своим органом и, если ею „осуществляется государственная собственность, то „принадлежит“ она кому-то другому.

С изложенной аргументацией, однако, согласиться невозможно. Она совершенно не считается с сущностью права собственности, да и не только с нею. Достаточно будет указать на ст. 1 Г. К., которая сулит гражданским правам законную охрану за исключением тех случаев, когда они осуществляются в противоречии с их социально-хозяйственным назначением. Статья, понятно, не предполагает, что самое гражданское право принадлежит одному, а осуществление его непре-

менно предоставляется другому. Обычно суб'ект права и осуществляет его. „Голое право" Советскому строю не известно.

В дальнейшем проекты отмечают три основных формы пользования землей: трудовое землепользование, пользование землей городами и пользование землей госуд. учреждениями и предприятиями.

Проект СССР посвящает трудовому землепользованию сорок семь статей, т. е. отводит ему львиную долю всего содержания проекта. Белорусский и российский проекты ограничиваются здесь 11 статьями.

Чем же об'ясняется это поразительное явление? Причину его найти не трудно, и кроется она в том, что в общесоюзный проект попало большое количество таких положений, которые должны найти место не в „общих началах землепользования и землеустройства", а в земельных кодексах отдельных союзных республик, коим „общие начала" призваны дать лишь общее направление и директивы. В противном случае „общие начала" рискуют превратиться во всесоюзный земельный кодекс, предоставляющий на долю союзных республик лишь неукоснительное проведение в жизнь его подробнейшей регламентации земельных отношений и до крайности ограничивающий самобытное правотворчество отдельных республик.

В этом отношении раздел II проекта КЗП при СНК Союза заключает в себе особенно много лишнего; около трех четвертей статей этого раздела или вовсе не отражают собой общих принципов землепользования или являются лишь повторениями изложенных в других местах проекта правил. К такому балласту, приводящему к напрасному разбуханию „общих начал", а с другой стороны ставящему необоснованные препятствия законодательному творчеству союзных республик, можно отнести: подчеркивание того, чего землепользователь делать не в праве; детальную регламентацию правового положения и структуры земельного общества и сельско-хозяйственных коллективов, перечисление органов, заведующих делами зем. общества, повторение в ст. 18 правила о составе двора, изложенного в ст. 16, и др. Из „общих начал" следовало бы, далее, исключить весь раздел о порядках трудового землепользования (ст. 38—52), который мог бы быть успешно заменен одной статьей, по примеру белорусского проекта, статья 16 которого гласит „земли, закрепленные в порядке законодательств союзных республик за земельными обществами, а равно сельско-хозяйственными коллективами и дворами, не входящими в состав земельных обществ, признаются законно закрепленными. Землеустройство закрепленных земель производится впредь лишь для предоставления населению наибольших удобств в землепользовании путем устранения чересполосицы, дальноземелья и проч". Вообще весь отдел подлежит значительному сокращению при общей ссылке на то, что условия и порядок трудового землепользования, а равно предоставления и закрепления земель в пользование, определяются законодательствами союзных республик, ибо здесь приходится сугубо считаться с пестрым разнообразием форм землепользования сельско-хозяйственных типов и степеней агрономической культуры, предоставив регулирование их местам.

В смысле соответствия целям и задачам, связанным с „общими началами землепользования и землеустройства", заслуживает предпочтения проект БССР, рельефно выдвигающий главные принципы в области регулирования права трудового пользования землей. В этом проекте рассматриваемый раздел, распадающийся на три главы (о праве трудового землепользования; о трудовых землепользователях и о

порядке закрепления и предоставления земель в трудовое землепользование), обнимает всего одиннадцать статей (6—16). На них-то мы остановимся для оценки названного раздела белорусского проекта; с этой целью ниже помещаем текст указанных статей.

„Ст. 6. Право трудового землепользования есть право бессрочного пользования землей для ведения сельского хозяйства собственным трудом.

Ст. 7. Трудовой землепользователь имеет право в соответствии с действующим законодательством осуществлять хозяйственное использование земли способом, избранным им по своему усмотрению.

Ст. 8. На землях трудового пользования, в том числе на снятых в аренду, допускается подсобный наемный труд.

Ст. 9. Право трудового землепользования не может быть предметом купли и продажи, запродажи, завещания и дарения или залога.

Ст. 10. Все сооружения, постройки, посевы и растения и вообще все, соединенное с поверхностью участка земли, находящегося в трудовом пользовании землепользователя, принадлежит ему на праве собственности и может быть им отчуждаемо и закладываемо. Названное имущество может быть отчуждено лишь при условии отделения его от земли (на своз или снос). В случае же предоставления земли новому землепользователю находящееся на земле хозяйственно неотделимое от нее имущество переходит к новому землепользователю за вознаграждение по действительной стоимости, определяемой в порядке законодательств союзных республик. Условия признания имущества хозяйственно неотделимым от земли определяется законодательствами союзных республик.

Ст. 11. Право трудового землепользования принадлежит: а) двору; б) сельско-хозяйственному коллективу; в) земельному обществу в тех случаях, когда оно перешло к совместному (товарищескому) пользованию землей.

Ст. 12. Право пользования землей принадлежит всем гражданам Союза ССР без различия пола, возраста, вероисповедания и национальности, а также трудящимся иностранцам, проживающим на территории Союза ССР и пользующимся политическими правами на основании конституции союзных республик.

Ст. 13. Двором признается семейно-трудовое об'единение лиц, совместно ведущих сельское хозяйство. Двор может состоять из одного бессемейного лица (без различия пола).

Ст. 14. На имущество двора не может быть обращено взыскание за долги отдельных членов двора, сделанные ими для своих личных надобностей.

Ст. 15. Условия и порядок трудового землепользования определяются законодательствами союзных республик.

Ст. 16. Земли, закрепленные в порядке законодательств союзных республик за земельными обществами, а равно сельско-хозяйственными коллективами и дворами, не входящими в состав земельных обществ, признаются законно закрепленными. Землеустройство закрепленных земель впредь производится лишь для предоставления населению наибольших удобств в землепользовании путем устранения чересполосицы, дальнополья и пр. (ст. 16, указанная уже выше, приводится здесь для общей связи с последующим изложением)“.

Из приведенного текста усматривается, что целый ряд положений, включенных общесоюзным проектом в рассматриваемый раздел в белорусской редакции „общих начал“, не воспроизведен. Им в „общих

положениях“ действительно и не место, потому что последние должны представлять собой лишь канву, по которой узоры вышиваются отдельными законодательствами союзных республик. Но если речь идет только об установлении вех, следя за которыми каждая союзная республика детально разрабатывает свой земельный кодекс, то и белорусский текст раздела о землях трудового пользования оказывается все еще слишком обширным. Так, напр., ст. 7 устанавливает правило, по которому землепользователь имеет право, в соответствии с действующим законодательством, осуществлять хозяйственное использование земли способом, избранным по своему усмотрению. В силу же ст. 15 условия и порядок трудового землепользования определяются законодательствами союзных республик. Ясно, что первое из указанных правил должно уместиться во втором.

Изображенное в ст. 9 правило, по которому трудовое землепользование не может быть предметом купли-продажи, запродажи, завещания, дарения и залога, как принцип, бессодержательно при наличии основного правила о признании всей земли государственной собственностью. К тому же перечень отмеченных в ст. 9 сделок и не полный.

Можно также возразить против редакции ст. 12 в той части ее, которая говорит о праве иностранцев на пользование землей. Эта часть отличается чрезмерной категоричностью; но и в отношении своих граждан абсолютный характер правила должен быть смягчен. В самом деле, провозглашение принципа: право пользоваться землей принадлежит всем гражданам СССР и иностранцам определенной квалификации, это—вексель, который подлежит оплате. Но какая же гарантия в том, что это обязательство практически всегда окажется исполнимым?

По возбужденному вопросу (хотя и не применительно к белорусскому проекту) и другими высказываются сомнения Так, напр., т. Громан (в журнале „на аграрном фронте“ № 7—8—1926 г., стр. 14) пишет: „Не является-ли это (право) пустым звуком? Мы не решились провозгласить права на труд, несмотря на национализацию нами всей крупной промышленности. Провозглашение права на землю, справедливо продолжает приведенный автор, также не может быть признано рациональным, ибо это предполагает, что из государственного земельного фонда каждому должна быть нарезана совершенно неизвестная и никем неопределенная и вообще неопределимая площадь земли“. В таком же смысле высказывается в № 2 за 1926 г. журнала „Советское Строительство СССР“ т. Антонов-Саратовский. Вот что читаем мы на стр. 37 означенной книги: „Они (т. е. Земельные Кодексы) еще попрежнему сохраняют многие народнические пережитки и, в первую очередь, знаменитое суб‘ективное право каждого гражданина на землю“.

Вот почему представлялось бы целесообразным категоричность правила, выраженного в ст. 12, заменить формулой, согласно которой гражданам и иностранцам, пользующимся у нас политическими правами, „*может* быть предоставлено право пользования землей“. Это замечание относится ко всем трем проектам, так как правило ст. 12 повторяется и в общесоюзном (ст. 16) и в российском проектах (ст. 8).

Говоря об основных принципах трудового землепользования, белорусский проект (ст. 11), следуя в этом отношении примеру проекта СССР, отмечает, что право на пользование землей принадлежит двору, сельско-хозяйственному коллективу и перешедшему к товарищескому пользованию землей земельному обществу. Но для подчеркивания

принципа подавления индивидуалистического начала коллективистическим было бы целесообразно кооперативным формам сельского хозяйства предоставить первое место, ибо им принадлежит будущее в процессе развития производительных сил страны. В этих видах составители проекта имели возможность воспользоваться весьма рациональным правилом, изложенным в ст. 10 ныне действующего Земельного Кодекса БССР (в ред. 1925 г.). Это правило устанавливает при распределении в трудовое пользование земель запасного фонда след. очередность: 1) коллективные об'единения и коренное трудовое население; 2) пришлое безземельное земледельческое население и прочее лишенное по дореволюционным законам права владения и пользования землей население и 3) остальные граждане, из'явившие желание получить землю для личного трудового пользования. Т. о. на первом плане стоят кооперативные формы сельского хозяйства.

... Остановимся несколько на тезисе, изображенном в вышеприведенной статье 6: „право трудового землепользования есть право бессрочного пользования землей для ведения сельского хозяйства собственным трудом".

Употребленное в этом тезисе выражение „бессрочное" пользование вызывает возражения; его, может быть, в самом деле лучше будет заменить словами: „без указания срока".

Проект РСФСР к признаку „бессрочности" права пользования землей добавляет еще второй: безвозмездность этого права. Но этот реквизит должен быть отвергнут. Ведь, если национализация земли и влечет за собой уничтожение абсолютной ренты, то она же обращает в пользу государства дифференциальную ренту (См. проф. Евтихиев. Земельное право 1923 г., стр. 101), Поэтому вполне прав т. Антонов-Саратовский, когда утверждает, что при данном уровне сельского хозяйства взимание ренты может и не производиться, но при усилении его товарности, будет образовываться дифференциальная рента, а потому едва-ли было бы правильно отказаться от ее перекачивания в государственный бюджет (Антонов-Саратовский, указ. место, стр. 42—43). Заранее законом отрезать себе эту возможность было бы нерационально. А между тем провозглашение в „общих началах" принципа безвозмездности к чему-нибудь да обязывает.

Что касается вопроса о землях специального назначения, то все три проекта излагают его, если не считать незначительных редакционных различий, приблизительно, одинаково. Во-первых, земли эти предоставляются в пользование государственных учреждений и предприятий в порядке законодательств Союза и союзных республик без взимания арендной платы. А, во-вторых, по миновании в них надобности земли возвращаются госучреждениями и предприятиями в их прежнее положение, т. е. в состав государственных или городских земельных имуществ. Разделу о городских землях проект СССР посвятил четыре, а проект РСФСР две статьи. Белорусский же проект исчерпывающе трактует о них в след. редакции: „Городскими землями признаются все земли, находящиеся внутри городской черты. Земли специального назначения, предоставленные, а равно и вновь предоставляемые государственным учреждениям и предприятиям, расположенные в черте города, в состав городских земельных имуществ не входят" (ст. 19).

Наконец, очень пространно изложенные в проекте КЗП при СНК Союза ССР „общие начала землеустройства" значительно сокращены в двух других проектах. Проект РСФСР в данном случае ограничивается четырьмя, белорусский—тремя статьями. Но и это еще много.

Принципам, по которым должны быть организованы пользование землей и земельная регистрация, достаточно посвятить одну статью.

* * *

Мы можем теперь подвести некоторые итоги предшествующему изложению.

Не подлежит сомнению, что выработанный КЗП при Совнаркоме Союза ССР проект „общих начал землепользования и землеустройства" страдает такими существенными недостатками, которые делают его решительно неприемлемым, требуя коренного пересмотра этого проекта или полной замены его новым. К этому убеждению пришло также Третье Совещание народных комиссаров земледелия союзных и автономных республик, отметившее в четвертом пункте своей резолюции следующее: „Проект КЗП должен быть отвергнут, как содержащий множество деталей, которые могут и должны быть, в зависимости от местных условий, установлены только в законодательствах отдельных республик". Отвергает этот проект также Президиум Коммунистической Академии. И в самом деле, предусмотренное конституцией Союза ССР установление „общих начал землепользования и землеустройства" не должно быть понимаемо в смысле возложения на верховные органы власти Союза обязанности и права выработать что-то такое, что являлось бы, хотя бы даже кратким, земельным кодексом, всесторонне регулирующим земельные отношения, землепользование и землеустройство. Между тем именно в этом отношении общесоюзный проект зашел слишком далеко, до крайности сузив правотворчество союзных республик, несмотря на то, что, как видно из Об'яснительной Записки к проекту, составители его отдавали себе полный отчет в необходимости предоставления широкого простора законодательству союзных (и автономных) республик, которое, де, одно только в состоянии учесть все разнообразие местных условий. Но эти красивые слова, к прискорбию, с делом расходятся. Оттого-то упомянутый проект и оказался практически непригодным и нежизненным. Быть может, невыгодно повлияло на содержание его то обстоятельство, что работы по составлению проекта долго оставались в тайне, и если бы не Аграрная Секция Коммунистической Академии, широкие массы трудящихся и теперь еще были бы в полном неведении относительно того, что в смысле общих начал землепользования и землеустройства день грядущий им готовит. А между тем этот законодательный акт приковывает к себе внимание двадцати миллионов крестьянских хозяйств! Вот почему такой проект и требовал наивозможно большей гласности, на подобие кодексу законов о браке, семье и опеке.

В „общих началах землепользования и землеустройства" следует ограничиться указанием таких принципов, которые являются одинаково обязательными для всех союзных республик. Ими компетенция верховных органов Союза в области установления „общих начал" и должна исчерпываться, только этим путем поддерживается тут синтезирующее значение и об'единяющая тенденция революционного процесса. На желательность ограничиться в „общих началах" по возможности меньшим количеством статей указывает также „Об'яснительная Записка" Аграрной Секции Коммунистической Академии (См. журнал „На аграрном фронте" кн. 9-1926 г., стр. 123—124).

Этому требованию, несомненно, в большей мере удовлетворяют проекты РСФСР и БССР нежели изданный КЗП при СНК Союза ССР. Но они превосходят последний и в качественном отношении, как можно было убедиться из приведенных выше данных. Особенно же выгодно

отличается сжатостью и определенностью положений белорусский проект, если не считать некоторых недочетов, о которых речь шла выше. Этот проект и мог бы, без значительных переделок, лечь в основание „общих начал землепользования и землеустройства".

— Мы видели, с каким упорством проекты „общих начал" оберегались долгое время от общественного мнения. Мы видели также, что резолюция Третьего Совещания народных комиссаров земледелия категорически высказалась в том смысле, что „законодательное постановление об общих началах землеустройства и землепользования должно быть обращено не к населению (будто-бы во избежание нецелесообразного параллелизма и противоречий в всесоюзном и местных законодательствах), а к правительствам союзных республик, с предложением им в определенный срок согласовать местные земельные кодексы с общими началами".

Но такая таинственность, вполне уместная, напр., для военных штабов, не может быть рекомендована для законодательной работы. Наоборот, общие принципы землеустройства и землепользования должны стать достоянием широких масс трудящихся, а не быть адресованы только к правительствам союзных республик,—как на этом настаивает также проф. Хауке—следовательно, не должны изображать чего-то в роде конфиденциального циркуляра большого размера.

Мысль о недопустимости придания „общим началам землепользования и землеустройства" секретного характера, очевидно, разделяется и президиумом Коммунистической Академии. Как видно из помещенного в книге I журнала „На аграрном фронте" за 1927 г. постановления, президиум выразил категорическое требование, чтобы общесоюзный декрет о землеустройстве и землепользовании был составлен таким образом, чтобы быть понятным для всякого крестьянина. Отсюда явствует, что этот декрет должен получить самую широкую огласку.

Январь 1927 г.

В. Н. Ширяев.

Охрана сельско-хозяйственных интересов в уголовном законодательстве.

I

Граница, отделяющая область „преступного", исторически изменчива. Она определяется всем социально-историческим укладом общества. Списки преступных деяний в различных памятниках уголовного законодательства постоянно видоизменяются. Они развиваются не только качественно, но и количественно; область уголовно-наказуемых деяний то расширяется, то суживается в соответствии с изменением и усложнением общественного и государственного быта.

Преступным, обычно, признается посягательство на наиболее ценные интересы данной социальной среды, вызывающие со стороны этой среды отрицательную оценку в форме наказания или иных неблагоприятных для правонарушителя санкций[1]).

В русском народном хозяйстве сельское хозяйство всегда занимало преобладающее место, почему уголовное законодательство, являющееся лучшим отражением социального строя, обращало сугубое внимание на его охрану.

Интересы сельско-хозяйственной России, страны искони земледельческой, должны были занимать и, действительно, занимали среди других хозяйственных интересов, первенствующее место. В целях их лучшей, более надежной охраны, государство с ранних пор считало необходимым в отношении к нарушениям этих интересов прибегать к высшему правоохранительному средству—уголовному наказанию. Достаточно сказать, что в наиболее старом памятнике русского законодательства—„Русской Правде" мы встречаемся с целым рядом постановлений уголовно-правового характера, имеющих целью оградить от преступных посягательств интересы сельского хозяйства. Здесь имеются многочисленные постановления о нарушении границ земельных участков, о повреждении и похищении домашнего скота и сельско-хозяйственного инвентаря и истреблении хозяйственных построек[2]).

Уже правосознанию той отдаленной эпохи была ясна необходимость обеспечить наиболее надежным образом насущные интересы земледельца. Не чужда была, без сомнения, та же мысль и последующим эпохам, но благодаря расширению круга интересов, охраняемых путем угрозы наказанием, интересы сельского хозяйства утратили то преобладающее место, какое они занимали в этом первом сборнике наших юридических обычаев. Уделяло этой группе интересов внимание и наше дореволюционное законодательство, но постановления об уголовно-правовой охране сельско-хозяйственных интересов были рас-

---

[1]) См. В. Н. Ширяев. Участие общества в борьбе с преступностью, стр. 5—9.

[2]) См. „Русская Правда" по Карамзинскому списку, ст. ст. 38, 39, 40, 41, 42. 82, 83, 84, 86, 87, 92, 93, 94, 95, 97, 98.

Срав. также Судебник 1-й ст. 62 и Судебник 2-й ст. 87.

Доклад, прочитанный в правовой секции Научного Общества при Белерус. Гос. Университете 10 февраля 1927 г.

сяны по различным частям различных сборников уголовных законов. Чего-либо единого, собранного в систему, они не представляли. И это вполне об‘яснимо. Классификационным признаком (principium divisionis) при распределении преступных деяний обычно берется об‘ект посягательства, а имущественные преступления, сущность которых состоит в посягательстве на имущественные интересы, к числу которых относятся и посягательства на интересы сельского хозяйства, различаются между собой отчасти видами нарушаемых имущественных интересов, отчасти самым способом их нарушения. При такой системе интересы сельского хозяйства ограждаются, большей частью, общими формулами закона, охраняющими имущественные интересы граждан (например, кража, грабеж, мошенничество и т. п.), и лишь некоторые случаи имущественных посягательств, направленных на интересы сельского хозяйства, правда, довольно многочисленные, выделяются в особые виды и предусматриваются в соответствующих частях кодекса, в качестве „delicta sui generis“.

В дальнейшем изложении мы рассмотрим эти постановления, касающиеся непосредственно интересов сельского хозяйства, следуя в этом отношении системе нашего действовавшего права, Уложения о наказаниях, Устава о наказаниях и Уголовного Уложения и привлекая для сравнения материал западно-европейского законодательства.

II

Наиболее простым видом имущественных посягательств является *повреждение*, об‘ектом которого может быть, как недвижимое, так и движимое имущество. Посвященные этому виду имущественных посягательств постановления предусматривают отдельные случаи, где непосредственно затрагиваются интересы сельского хозяйства.

Нашему дореволюционному законодательству были известны четыре вида повреждения имущества: *простое*, *легкое*, *тяжелое* и *общеопасное*, необ‘единенные в единую конструкцию повреждения, которая была выработана лишь в уголовном уложении 1903 г. (гл. 30), при этом повреждение некоторых предметов, имеющих значение принадлежности, понималось, как пользование главным предметом (см. ст. 145, 155, 158 уст. о наказ.).

Простым повреждением, по нашему дореволюционному законодательству, почиталось умышленное повреждение чужого движимого имущества, не сопровождавшееся особо предусмотренными в законе обстоятельствами. Оно наказывалось денежным взысканием не свыше 25 р. (ст. 152 уст. о наказ.; ст. 547 угол. улож.).

Легкое повреждение обнимало собою случаи, вызывавшие более мягкую репрессию; к числу таких случаев легкого повреждения относилось *повреждение деревьев в садах*, влекшее за собой денежное взыскание не свыше 10 руб. (ст. 145 уст. о наказ.; ст. 633 уг. улож.) и *засаривание реки, канала, источника* или *колодца* бросанием в них веществ, от которых не может последовать порча воды (ст. 52 уст. о наказ. и 548 угол. улож.).

Проступок этот, являясь по существу повреждением имущества, и поэтому отнесенный в уголовном уложении к гл. 30, в уст. о наказ. рассматривался, как проступок против общественного благоустройства (гл. IV); в уголов. уложении он влек за собой денеж. пеню не свыше 25 руб., а в уставе о наказ.—денежное взыскание не свыше 10 руб.

Тяжкое повреждение обнимало случаи повреждения, направленного на имущественные интересы, нуждающиеся в высшей охране, или

учиненного при увеличивающих вину обстоятельствах; случаи эти были весьма многочисленны и разбросаны по различным отделам кодексов. Укажем лишь те из них, которые имеют отношение к сельскохозяйственным интересам:

1. *Истребление граничных меж* и *других знаков* с намерением присвоить себе или кому-либо другому части чужой недвижимой собственности (ст. 1605 улож. о наказ., ст. 549 п. 2 угол. улож.) и *истребление* или *порча предостерегательных, межевых* и *других знаков,* если это совершено без особой, предусмотренной улож. о наказ. цели (ст. 32 Устава о наказ.); в первом случае наказуемость—тюрьма 4-8 мес. или денежное взыскание до 500 руб., по угол. уложению—арест или денеж. пеня до 500 р.; во 2-м—арест до 3-х мес. или денежное взыскание до 300 руб.

Только уголовное уложение относит это деяние к категории повреждения имущества; уложение же о наказ., в связи с целью деяния, ставит его наряду с насильственным завладением чужим недвижимым имуществом (ст. 1601 улож. о наказ.)[1], а уст. о наказ. видит в нем проступок против порядка управления. Под „граничным" и „межевыми знаками" понимались предметы, служащие для означения границ земельных участков между различными собственниками, почему повреждение их могло нарушить интересы обладателя данного земельного участка.

2. *Засаривание в Закавказье и в Крыму водовместилищ для орошения, повреждение употребляемых в Закавказье и в Крыму приспособлений для орошения и ограждения от наводнения* (ст. 52[2] уст. о наказ.), уголовное уложение предусматривало это деяние в ст. 261 ч. 2, об'единяя его со случаем *самовольного* и *несогласного* с правилами об устройстве канав и других водопроводных сооружений на чужих землях для осушительных, оросительных и обводнительных целей *пользования,* как самыми этими сооружениями, так и отведенной под них землей или находящейся в них водою (ст. 86[1] уст. о нак.—261, ч. 1 уг. улож.); наказуемость в первом случае—арест до 1-го мес. или денежное взыскание не свыше 100 руб., во 2-м—денежное взыскание не свыше 50 руб.

3. *Повреждение на дорогах мостов, переправ, плотин, гатей* и т. п. (ст. 72 Уст. о наказ.—ст. 549 п. I уг. ул.); ответственность поустав. о нак.—арест не свыше 15-ти дн. или денеж. взыскание не свыше 50 руб., по уголов. улож.—арест или денежная пеня не свыше 500 руб.; при маловажных повреждениях—денеж. пеня не свыше 50 руб.

4. *Порча воды, служащей для питья или для водопоя, мочением льна или конопли, бросанием, сваливанием, выливанием или проведением в нее веществ, делающих ее непригодною для употребления, без умысла нанести вред общественному здоровью;*—наказание—арест не свыше 1 мес. или денежное взыскание не свыше 100 руб., а если вода сделалась вредной для здоровья,—то арест не свыше 3-х мес. и денеж. взысканий не свыше 300 руб. (ст. III уст. о наказ.); подобное же постановление в ст. 220 уголов. уложения, с наказ., во 2-м случае—арестом или денежной пеней до 500 руб.

---

[1]) Ст. 1601 Ул. о наказ., предусматривающая случай насильственного нападения на чужое недвижимое имущество с целью завладения, появилась лишь в 1845 г. (ст. 2173); до этого времени завладение недвижимым имуществом, хотя-бы и насильственное, признавалось простым гражданским правонарушением и получало характер уголовного преступления лишь тогда, когда „при завладении произошел бой, грабеж или другие уголовные преступления" (ст. 531 Св. Зак. гражд. 1842 г.).

5. *Убой* или *изувечие чужих домашних животных* (ст. 153 уст. о нак.—ст. 547 уг. ул.), при условии направления деяния против отдельных особей, чем данное деяние отличается от массового повреждения чужого скота, как деяния общеопасного (см. далее ст. 862, 1623 и 1624, ч. 2, улож. о наказ. ст. ст. 112, 112[1] устав. о нак. и ст. 550 п. 8, 9, 10 угол. улож.); наказание—арест до 1 мес. или денеж. взыскание не свыше 100 руб.

6. *Повреждение сельским рабочим* принадлежащих нанимателю *сложных машин* (ст. 153[1] уст. о наказ.); наказание—арест не свыше 3-х мес.

7. *Разрушение или повреждение* какими бы то ни было *средствами*, помимо огня, взрыва, потопления, т. е. *необщеопасными*, чужих строений—кораблей или судов, *лесов, садов* и *огородов* (ст. 1621 ул. о нак.); наказуемость—исправительное арест. отделение от 1—2½ лет или же тюрьма 8 мес.—1 г. 4 мес.; соответствующее деяние в угол. улож. формулировано было, как умышленное *повреждение чужих фруктового сада, виноградника,* или *посева* с наказуемостью арестом или денежной пеней не свыше 500 руб., а при маловажности—денежной пеней до 50 руб. (ст. 549 п. 3 уг. улож.).

Повреждение чужих фруктового сада, виноградника или сельскохозяйственных посевов выделено было составителями уг. улож. из прочих случаев повреждения, в виду долговременных забот, необходимых на устройство сада или виноградника, а также по тому, что нередко сад, виноградник или посев составляют единственный источник существования для потерпевшего. И сад, и виноградник, и посев—предметы собирательные, поэтому для повреждения их необходимо, чтобы были повреждены все или значительная часть составных предметов их образующих; повреждение же одного или немногих фруктовых деревьев, находящихся в саду, наказуемо по ст. 547 уг. улож., т. е. как легкое повреждение.

Высшим по наказуемости видом повреждения является повреждение *общеопасное*, т. е. учиняемое с помощью средств, которые угрожают опасностью повреждения или истребления неопределенному количеству интересов. В отношении интересов сельского хозяйства такими средствами являются, главным образом, огонь, вода и заразительная болезнь.

Нашему дореволюционному законодательству были известны следующие случаи общеопасного повреждения сельско-хозяйственных интересов:

1. *Истребление рыбы в чужих* или в *общественных прудах* или *реках, ядовитыми* или *сильно-действующими веществами* (ст. 1624 п. 1 ул. о нак.) или *повреждение рыбы в чужих водах посредством отравления воды* (ст. 550 п. 9 угол. улож.); деяние, вследствие общеопасности употребленного средства—отравления воды в обширных водовместилищах,—угрожает гибелью значительному количеству рыбы; наказанием служит тюрьма от 4—8 мес. по улож. о наказ. и тюрьма—по уголов. улож. (т. е. от 2-х нед. до одного года).

2. *Отравление скота или иных непринадлежащих виновному домашних животных* (ст. 1623 и 1624, ч. 2); как деяние общеопасное, оно должно быть направлено против целого стада, табуна или большого количества животных, когда, следовательно, потерпевший подвергается гораздо более значительному имущественному убытку и расстройству в хозяйстве сравнительно с тем убытком, который наносится ему отравлением одного или нескольких животных (кас. реш. $^{82}/_{46}$). Улож. о наказ. предусматривало сообщение заразительной болезни чу-

жому скоту и отравление корма чужого скота, ставя наказуемость этих деяний в зависимость от того, распространилась от этого зараза или смертность (от ареста на время от 3 нед. до тюрьмы на срок до 2 лет) и отравление чужого скота или чужих домашних животных (наказ. денежное взыск. до 20 руб., арест от 3 дней - до 3 мес. или тюрьма от 2—4 мес.). Уголов. улож. (ст. 550 п. 8) говорило о повреждении чужого скота посредством отравления водопоя или кормовых припасов, или посредством сообщения заразы (наказ. тюрьма). Предметом посягательства в этом случае должен быть чужой скот; заражение собственного скота не преступно и м. б. наказуемо или как средство заражения чужого скота, которому зараза была передана этим путем, или как нарушение особых правил, изданных администрацией в целях предупреждения заразы. Но если заражено было хотя бы одно животное, составлявшее часть стада, и от него зараза могла распространиться на остальное стадо и, действительно, распространилась, то такое деяние обнималось тем же правилом об общеопасном повреждении. Под скотом здесь подразумевается скот крупный (рогатый, упряжный, вьючный) и мелкий (козы, овцы, свиньи), имеющий значение сельско-хозяйственной ценности; не подходят под понятие скота такие животные как кошка или собака, равным образом домашняя птица; редакция ст. 1624 ч 2, упоминая особо от скота „домашних животных", позволяет распространить действие этой статьи и на домашнюю птицу и на домашних животных в соб. см.

Действие виновного должно было состоять в отравлении или в умышленном сообщении заразы, т. е. всякой наносной заразительной болезни скоту, приводящей не только к смертности его, но также и его порче или к уменьшению его хозяйственной ценности, годности.

Деяние может быть признано оконченным, когда, вследствие заразы, скот действительно оказался поврежденным, т. е., когда зараза распространилась и оставила на нем следы, умалившее его экономическое значение. Улож. о наказ, кроме того в ст. 862 (Разд. VIII—о преступлениях и проступках против общественного благоустройства и благочиния, гл. I о преступлениях и проступках против постановлений, ограждающих народное здравие, отд. IV—о нарушении правил, установленных против распространения заразы домашних животных), говорило *об умышленном сообщении заразы чужим или своим домашним животным*, а в уставе о наказ., в ст. 112, говорилось о *несоблюдении мер предосторожности против заразы домашних животных*, равно *против распространения разного рода насекомых и животных, вредных для сельско-хозяйственных растений или для плодовых и древесных насаждений* (арест не свыше 3-х мес. или денеж. взыскание не свыше 300 руб); наказывалось также *неисполнение обязанности своевременно доносить о появлении заразы на домашних животных*, а также о *появлении разного рода насекомых и животных, вредных для сельско-хозяйственных растений* или же *для плодовых и древесных насаждений* (ст. 112[1] уст. о нак.—наказ. - денеж. взыскание не свыше 100 руб.).

Сообщение заразы растениям было предусмотрено, в качестве del. sui generis, только в угол. улож., ст. 550, п. 10, который говорил *о повреждении виноградной лозы в чужом винограднике посредством заражения ее филоксерой*. Если заражение собственного виноградника было сопряжено с непосредственной опасностью для чужих виноградников той же местности и было средством повреждения последних, то виновный мог быть наказуем по правилам о покушении.

3. *Поджог чужого леса* (ст. 1613 улож. о нак.—ст. 562, ч. 2 уг. ул.), т. е. собрания значительной массы дикорастущих деревьев; повреждение огнем небольших количеств древесных насаждений подводилось под понятие зажигательного истребления огнем чужого имущества (ст. 1615 улож. о нак.). Обстоятельствами, усиливающими ответственность за поджог леса, признавались:

1) учинение его шайкой, 2) во время засухи или сильного ветра, вследствие чего можно было ожидать весьма быстрого распространения пожара, 3) если в зажженном лесу заведомо для виновного находились люди, обитаемые строения или целые селения; при наличности этих обстоятельств установленное за поджог леса наказание—испр. арест. отд.—на срок 5—6 л. могло быть повышено на одну, две и даже три степени.

4. *Зажигательное истребление чужого хлеба на корне* или *в скирдах, в поле* или *на гумне, овине* или *ином необитаемом строении, фруктовых садов, хмельников и сенокосов, уже скошенного сена, складов дров, торфовых земель* (ст. 1614 улож. о наказ.—ст. 562, ч. 2, уг. улож.). Этот перечень предметов зажигательного истребления, несмотря на свою подробность, носил примерный характер, так-как ст. 1614 разумела не только те зерновые растения, которые употребляются в пищу человеком, но и все те сеющиеся в полях растения, которые составляют важный в сельском хозяйстве продукт и служат источником главнейшего дохода, а следовательно и благосостояния хозяина, так что ст. 1614 могла быть применяема к поджогу овса, конопли, льна и других зерновых растений (кас. реш. 81/16); равным образом, поджог чужого льна, положенного для просушки на лугах, т. е. находящегося в таком положении, где он может быть истреблен в большом количестве, подходил под понятие зажиг. истребления хозяйственных полевых произрастаний, предусмотренных ст. 1614 ул. о нак. (кас. реш. 81/16). Ответственность за это деяние устанавливалась в весьма широком об'еме, начиная с тюрьмы на срок от 4 мес. до 1 года и 4 мес. и кончая испр. арест. отд. на срок 5—6 лет, в зависимости от времени (днем или ночью), опасности для обитаемых строений или людей и других обстоятельств дела.

Повреждение огнем всякого иного имущества сельско-хозяйственного характера подводилось под понятие поджога или зажигательного истребления, смотря по тому, на что непосредственно направлялась стихийная сила огня; так истребление огнем менее важного в хозяйстве имущества, не грозящее разорением или большим убытком для хозяина, например, мелких сельско-хозяйственных построек, приспособленных для временного хранения и обработки произведений сельского хозяйства (риги, овины и т. п.), поджог отдельных деревьев, или небольших древесных насаждений, не составляющих леса, поджог кустарника, а не фруктовых садов, подводилось под действие ст. 1615 и влекло за собой ответственность в виде тюремного заключения от 4—8 мес., арест 7 дн.—до 3 мес. или денежное взыскание до 100 руб; с другой стороны, поджог селения в нескольких местах с намерением распространить пожар по всему селению или, по крайней мере, в большей его части или поджог магазинов жизненных припасов, был отнесен к наиболее тяжким видам зажигательства (ст. 1607 ч. 2 улож. о нак.), влекущим за собой каторжные работы на высшие сроки. Кроме того, в гл. VII уст. о нак. о нарушении правил осторожности от пожаров, *в ст. 92, 95 и 98* предусматривались случаи нарушения правил осторожности, опасных для сельско-хозяйственных интересов, как, например, курение табаку на сеновалах, в хвойных лесах в жаркую и

сухую погоду (ст. 92 ч, 2), раскладывание огня или неосторожное обращение с огнем в близком расстоянии от лесов, кустарников, стоящего на корню или сжатого хлеба, соломы, сена; выжигание кустарников, травы, кореньев, сучьев и т. п. без соблюдения предписанных правил; сидка смолы или дегтя, жжение угольев и приготовление поташа, без соблюдения предписанных предосторожностей; употребление при стрелянии в лесу для зарядов пакли или льна, оставление овина, во время топки, без всякого надзора (ст. 95 улож. о нак.) (см. ст. 236, 238 и 568 уг. ул.).

5. *Потопление чужих лугов, полей, садов, огородов, леса или складов хлеба или других жизненных припасов или товаров* (ст. 1617, ч. 1 улож. о нак.—ст. 562, ч. 2 уг. ул.), т. е. повреждение имущества напором водной массы, поглощающей или разрушающей его; оно может быть умышленным (ст. 1617) или неосторожным, выражающимся в нарушении особо предусмотренных законом правил осторожности (ст. 1620 ул. о нак.—568 ст. уг. ул.); наказ. в первом случае—испр. арест. отд. 1 г.—5 л. или тюрьма 8 мес.—до 1 г. 4 мес., во 2-м случае—тюрьма, арест или денежное взыскание.

Во всех случаях повреждения виновные, сверх определенных им наказаний, обязаны были возместить причиненные вред или убытки, (ст. 1625). Дела об истреблении и повреждении чужого движимого имущества, или же леса, садов, огородов и т. п., когда от того никто не подвергался опасности, начинались не иначе как по жалобам понесших вред или убыток лиц (прим. к ст. 1625), т. е. открывался путь для всякого рода мировых сделок и соглашений.

Весьма сложную и дробную систему общеопасного повреждения имущества, усвоенную ул. о нак., угол. улож. 1903 г. в значительной мере упростило и улучшило, установив единое понятие общеопасного повреждения путем поджога, взрыва или потопления. В числе предметов повреждения угол. улож., между прочим, указывало: лес, сад, сельско-хозяйственный посев на корню, торфяник, сплав леса, дров, сельско-хозяйственных произведений (ст. 562, ч. 2 угол. улож.). Умышленное повреждение этого имущества каралось испр. домом; неосторожное—арестом или денежной пеней до 500 руб. (ст. 568 угол. улож.).

III.

Наиболее распространенным и ранее других выработавшимся видом имущественных посягательств являются *похищение*, как умышленный противозаконный, с целью присвоения, захват чужого движимого имущества, при котором чужая вещь изʻемлется из чужого владения и переходит в обладание виновного. Несомненно, что все предметы сельско-хозяйственного обихода, живой и мертвый сельско-хозяйственный инвентарь, продукты сельского хозяйства могут быть обʻектами похищения в его различных формах.

Волостные суды, при рассмотрении подсудных им дел о похищении, относились с особой строгостью к некоторым категориям хищения, как, например, к краже снопов с поля, к краже домашних животных.

За учинение их суды не стеснялись применять телесные наказания, а случаи конокрадства, как известно, нередко в деревнях заканчивались жестоким самосудом, вне всяких законных форм [1]).

Конокрадство составляло одно из серьезных зол крестьянской жизни, что и побудило наше дореволюционное законодательство вы-

---

[1]) М. В. Духовской—Имущественные проступки по решениям волост. судов, 1891 г. стр. 104—110.

делить и предусмотреть особо, как этот вид похищения, так и случаи похищения крупного домашнего скота. Ст. 1643[1] предусматривала открытое похищение лошади, за которое назначалось высшее исправительное наказание (испр. арест. отд. на срок до 6 л.); это наказание повышалось при похищении на улице, проезжей дороге или ином пути сообщения в ночное время, несколькими лицами или при условии рецидива, и могло быть повышено до каторжных работ на срок до 8 лет; каторжные работы могли быть назначены и за кражу (т. е. тайное похищение) лошади при условии рецидива; в остальных случаях кража лошади влекла за собой испр. арест. отделения на срок до 6 л. (ст. 1654[1]). Несколько легче, но также исправ. арест. отделениями наказывалась кража крупного домашнего скота (ст 1654[1]).

Уголов. уложение пошло по тому же пути, усвоенному улож. о наказ. со времени закона 6-го июня 1909 года, и выделило конокрадство в качестве del. sui generis, но при условии учинения его в виде промысла, при чем наличность промысла могла быть установлена и при первой судимости (ст. 585 угол. улож.); наказывалось оно испр. дом. на срок не ниже 3-х лет, а при повторении—каторгой на срок до 8-ми лет.

Среди постановлений о присвоении (гл. VIII, отд. 4 уст. о нак.) имелись также ст. ст., относившиеся к охране интересов сельского хозяйства, как, например, 172, ч. 2 уст. о нак., предусматривавшая *необ'явление о пригульном скоте*. Этот случай получил развитие в уголовном уложении 1903 года, где предусматривалось: *необ'явление* о приставшем к стаду виновного или оказавшемся на его земле неизвестно кому принадлежащем пригульном скоте (ст. 571), умышленное *удержание* с целью обращения в свою собственность неизвестно кому принадлежащего пригульного скота (ст. 572) и *присвоение* пригульного скота, хозяин коего во время учинения присвоения был известен (ст. 573).

Здесь же следует упомянуть имеющие отношение к сельскому хозяйству случаи преступного приобретения имущества: *ст. 180*[3] уст. о нак. (ст. 609 уг. ул.)—*о сельском ростовщичестве*, т. е. об отдаче в ссуду сельским обывателям хлеба или других припасов или же денег на условиях чрезмерно обременительных, несоответствующих местным обычаям (см. также 1707 ул. о нак.) и ст. *180*[4] *уст. о нак.* (ст. 610 уг. улож.)—*о скупке хлеба у крестьян* на корню, снопами или зерном, по несоразмерно низкой цене, с использованием тягостного положения продавца.

Случаи эти влекли за собой денежный штраф до 300 руб., арест до 3 мес. или же тюрьму до 6-ти мес.

IV.

Сельско-хозяйственные интересы, как интересы, связанные с обладанием землей, на которой ведется сельское хозяйство, чаще всего являлись об'ектом тех посягательств, которые относились нашим дореволюционным законодательством к группе имущественных посягательств, именуемой *самовольным пользованием чужим имуществом*. Эта группа обнимала собой ряд преступных деяний, заключающихся в извлечении плодов из недвижимостей (ст. 145) пользовании ею (ст. ст. 147—149) и даже повреждении ее (ст. 145).

Общего понятия самовольного пользования наше уголовное законодательство не знало и об'являло наказуемым лишь его отдельные случаи, точно перечисленные в законе. Так законодательству были из-

вестны следующие случаи самовольного пользования, затрагивающие сельско-хозяйственные интересы:

1. *Самовольная охота, рыбная или иная ловля в чужих землях, лесах и водах* (ст. 146—146[1] уст. о нак. и ст. 623 угол. улож.). Охота и ловля признаются самовольными, когда имеет место осуществление непринадлежащего виновному права охоты в чужом владении, причем под понятие охоты подходят не только овладение дикими животными или птицами, но и вход в чужой лес с ружьем, устройство в чужом владении всякого рода приспособлений для лова и даже нахождение внутри чужих земельных или иных угодий, вне дороги, с ружьем или снарядом для ловли дичи. Под ловлей следует понимать завладение произведениями природы, находящимися на чужих земельных участках или в чужих водах (рыбы, устрицы, губки, кораллы, жемчужные раковины и т. п.).

Как самовольная охота, так и ловля были обложены незначительными денежными штрафами (не свыше 25 руб.), который при самовольной охоте мог быть увеличен до 50 руб. (по ст. 146 уст. о нак.) и до 100 руб. (по ст. 623 уг. ул.), в случае учинения ее в огороженных парках или зверинцах, не имеющих свободного сообщения с соседними угодьями, или на полях и лугах до уборки на них посевов и трав. Помимо этих случаев, затрагивающих интересы обладателя земельного участка или угодья, на котором самовольно производится охота и ловля, в законодательстве особо предусматривались *случаи недозволенной охоты или ловли*, т. е. в недозволенное время, недозволенными способами и т. п., но преследование подобных случаев имело в виду ограждение не частных интересов, а интересов общественного благосостояния (ст. 56[1]—[18] уст. нак.—ст. 246—252 уг. улож.). Самовольная ловля и охота в чужих лесах, озерах и прудах признавалась недозволенной и сельским уставом 1839 г. (ст. 258), но не влекла за собой уголовной ответственности. Волостные суды в своих решениях по этим делам не выходили за пределы гражданских взысканий и уголов. наказаниями облагали лишь те случаи, где было налицо похищение добычи уже пойманной [1]).

2. *Самовольное добывание ископаемых;* Устав о нак. (ст. 145 и 145) говорил *о вырезании дерна, добывании песку, глины* и т. п., что наказывалось денеж. взыск. до 10 руб. и о *добывании драгоценных и цветных камней*, наказуемом в 1-й раз денеж. взыск. не свыше 30 р. и во 2-й и последующие разы арестом не свыше 3 мес.; угол. улож. (ст. 633, п. 2) говорило о вырезании дерна, добывании песку, камней, глины или иных ископаемых предметов, наказуемом денеж. взыск. не свыше 25 руб.

Кроме того, в улож. о наказ. предусматривалось особо добывание соли (ст. 630) и драгоценных металлов (ст. 531 и след.), обложенное более суровыми наказаниями.

Все эти случаи предполагают одинаково, что добываемые предметы еще не были отделены от почвы и не сделались об'ектами самостоятельного обладания; в противном случае они м. б. предметом наказуемого похищения.

3. *Самовольные* —а) *проход, проезд через чужие луга* или *поля до уборки с них посевов и трав* (ст. 147 устав о наказ.—633, п. 5, 6 угол. улож.);

---

[1]) Духовской имущ. прост. стр. 290—292.

в) *прогон скота через чужие луга и поля, пастьба скота в чужих землях или чужому лесу* (ст. 148 уст. о наказ.—ст. 633, п. 4, 6 угол. улож.);

с) *проезд или прогон скота через сады* или *огороды*, через *луга, поля, рощи, пастбища*, обнесенные огородами или канавами, или когда о запрещении проезда через них поставлены предостерегательные знаки (ст. 149 уст. о нак.—ст. 639 уг. улож. [1]);

d) *своз на чужую землю камней, мусора, палых животных и других нечистот* (ст. 150 уст. о наказ., ст. 633, п. 3 угол. улож.); все эти деяния наказывались денежным взысканием не свыше 10 руб., за исключением прогона и проезда через сады и т. п., за которые размер взыскания повышался до 25 руб.; уголовное уложение устанавливало за все эти деяния денежную пеню до 25 руб.

Пределы запрещенности перечисленных самовольных действий находились в зависимости от размеров возможных вредных последствий, поэтому, например, самовольный проход, способный причинить наименьший вред, признавался наказуемым лишь в отношении некоторых важнейших в хозяйстве земельных участков; проезд, прогон или пастьба, сопровождаемые, обычно, более вредными последствиями, были наказуемы в отношении значительно большого количества участков и т. д. Общим признаком, об'единяющим все эти действия и, вместе с тем, придающим им значение уголовно-наказуемого проступка, является самовольность; при отсутствии в составе этого элемента деяние теряет уголовный характер и может влечь за собой лишь гражданско-правовые последствия.

Произведшие потраву скот и птицы м. б. задержаны потерпевшим, в целях обеспечения последующего взыскания причиненного потравой ущерба.

Хозяин скота или птицы, потравивших чужие угодья, за сопротивление этому задержанию, а равным образом за увод задержанных животных подвергался—за этот вид самоуправства—денежным взысканиям до 10 руб. (ст. 151 уст. о нак.—ст. 633, п. 8 уг. ул.) [2]).

4. *Самовольное пользование произрастаниями земли*—т. н. садовые, огородные и полевые посягательства; *самовольное на чужих землях, но не ввиде кражи, срывание плодов или овощей, собирание ягод или грибов, срывание садовых цветов* (ст. 145 устав. о нак.) или, как описывало это деяние уголовное уложение: 1) собирание на чужой земле, заведомо вопреки запрещению хозяина, дикорастущих ягод, плодов, грибов или иных предметов, могущих доставить выгоду владельцу земли (ст. 693, п 1), 2) самовольное сношение дикорастущей травы на чужом лугу или в чужом лесу (ст. 633, п. 7) и 3) самовольное, в незначительном количестве, срывание или собирание в чужих

---

[1]) Проступков, предусмотренных ст. ст. 147-149 уст. о нак., не знал Сельский Судебный Устав, и потому волост. суды до зак. 1889 г. в этих случаях обычно ограничивались взысканием убытков за произведенную проходом или проездом потраву. По закону 12-го июня 1889 г. волостной суд (ст. 17 прав. о вол. суде) должен был руководствоваться, между прочим, ст. 147 их послед. ст. Устава, в результате чего указанные деяния перешли в разряд уголовно-наказуемых проступков.

(См. Духовской—Имущественные проступки по решению судов стр. 251—253).

[2]) Все указанные действия приобрели характер уголовно-наказуемых деяний сравнительно недавно. До 1868 г. (т. X, I ст. 436 изд. 1857) действовало правило противоположное: „для довольства проезжающих и прогонного скота луга по дорогам не должны быть запираемы ранее Троицына дня, а отпираемы по большим дорогам на версту, а по проселочным против сего поля—не позднее 1-го сентября; равномерно дозволяется и на прочие луга и пустоши, по скошении травы, а на пашенные земли—по снятии с них

саду, огороде, поле или засеянном лугу садовых цветов, плодов, овощей или иных посевов или посадок, для немедленного употребления, хотя бы и не на самом месте учинения сего поступка (ст. 633, п. 9).

Предметом посягательств при всех этих проступках является произрастания и плоды этих произрастаний, как дикорастущих, так и произрастающих, вследствие приложения человеческого труда, но еще не снятых хозяином земельного участка или, хотя бы и отделившихся от почвы, но не собранных хозяином. Плоды, снятые и собранные, являются уже об‘ектами похищения, а не самовольного пользования.

Помимо этого, другим признаком, отличающим эти проступки от похищения, является цель деяния, указываемая в п. 9 ст. 633 угол. ул. —„для немедленного их потребления, хотя бы не в самом месте учинения сего поступка“. Вообще законодатель, считаясь с бытовыми условиями, имел в виду выделить эти случаи имущественных посягательств от похищения, как более легкие и не указывающие на резкое антисоциальное направление воли виновного. В соответствии с этим и размер ответственности за эти проступки не превышал по уставу 10 р. (ст. 145), а по угол. улож.—25 р. (ст. 633).

Волостные-же суды, при рассмотрении подобного рода дел, не проводили различия между самовольным пользованием и кражей ни по признаку приложения труда, ни по цели захвата продуктов произрастания, и в большинстве случаев усматривали в них элементы похищения, в соответствии с чем устанавливали и сравнительно высокие размеры наказания[1]).

5. *Лесные проступки*, представляющие, по своему составу, вид самовольного пользования,—были выделены в особую—по предмету посягательства—группу, а в уст. о наказ. даже в особое отделение (гл. XIII, отд. 2) и рассматривались, как похищение и повреждение чужого леса.

Законодательство предусматривало следующие виды лесных проступков:

1. Похищение леса или лесных произведений уже заготовленных и сложенных (ст. 154 уст. о нак.).

2. Похищение из леса деревьев, стоящих на корню, буреломных, валежных и самовольная порубка в лесах (ст. 155 уст.—ст. 624, п. 1 и 2).

хлеба пустить прогоняемый скот для довольства кормов без платы. „В 1868 г. эта статья была исключена и для разбора гражд. дел о потравах и прогоне скота, вскоре после издания Положения о крестьянах 25-го октября 1865 г., изданы были специальные правила (Прилож. к ст. 31 Полож. о крестьянских учрежд.). В силу этого закона потерпевшему было предоставлено право взыскивать по особой таксе вознаграждение, размер которого определяется количеством задержанных голов, независимо от размеров действительного убытка; в случае недостаточности определенного таким путем вознаграждения потерпевший мог потребовать возмещения убытков действительно понесенных; кроме того, скот, произведший потраву, м. б. подвергнут задержанию. Таким образом преследование за потраву м. б. возбуждаемо или в гражд. порядке с двояким способом установления размеров понесенных убытков, или в порядке уголовном (ст. 147 и 148 уст. о нак.).

Из практики волостных судов видно, что обычным путем преследования за потраву был гражданский,—взыскание за причиненный ущерб, определяемый на основании оценки, а отнюдь не по количеству голов скота. Взыскание за потраву производилось волостными судами не только в указанных случаях (ст. 147, 148 уст. о нак.), но и за порчу животными огородов, кустарников, деревьев, хлеба, собранного на току или в скирды, порчу гречихи и подсолнечников.

Духовской—Имущест. прост. по реш. волост. судов стр. 253-260.

[1]) Духовской—Имущественные проступки по решению волост. судов—стр. 260-270.

3. Расчистка лесных угодий, порча растущих деревьев, переруб-ка, нарушение условий вырубки, заготовка более дозволенного количества смолы, дегтя, поташа, угольев, лыка, мочалы, лубков и т. д., незаконное приобретение леса и лесных изделий (ст. 158 уст. о нак.— ст. 625 уголов. улож.).

4. Укрывательство или покупка заведомо похищенного или самовольно срубленного леса и лесных произведений (ст. 159 уст. о нак.— ст. 626 уголов. улож.).

5. Устройство в чужих лесных дачах смоло-угольных печей, кирпичных или иных огнедействующих заводов, сидки смолы или дегтя, жжение поташа, угольев, извести (ст. 166 уст.—ст. 629 уг. улож.).

6. Порубка казенного леса вне отведенного участка (ст. 161 уст. о нак.).

7. Самовольный увоз дозволенного к рубке казенного леса (ст. 166[1] уст. о нак.—ст. 628 уг. улож.).

8. Сидка смолы или дегтя, жжение поташа, угольев или извести не в отведенных местах (ст. 162 уст. о нак.).

9. Нахождение внутри чужого леса с орудиями для рубки леса или с подводой для перевоза (ст. 167[1] уст. о нак. и ст. 630 уг. улож.). Предметом посягательства при лесных проступках является дерево, находящееся в лесу, возникшее путем самосева, как естественный дар природы; но под понятие лесного проступка подойдет учинение одного из указанных действий и в отношении деревьев, посеянных и посаженных рукой человека, как скоро собрание их образует лес, рощу и т. п. Дерево может быть об'ектом лесного проступка только в своем естественном необработанном виде: как скоро к дереву был приложен человеческий труд, оно превращается уже в об'ект других имущественных посягательств (ст. 154 уст. говорит о краже).

В группу лесных проступков входили не только действия, коим м. б. осуществлены права хозяина земельного участка, но и деятельность приготовительная или представляющая опасность для прав лесовладельца (ст. ст. 158, 160, 162, 167), а также несоблюдение формальных условий, требуемых законом при рубке и сплаве леса, особенно казенного (ст. 161-161[2], 164-165 уст. о нак.).

Обычным наказанием за лесные проступки было денежное взыскание, которое могло быть заменено при рецидиве арестом и даже тюрьмой (ст. 155-156); но, кроме личной ответственности, виновный был обязан возместить причиненный им ущерб лесовладельцу (158[1], 168, 168[1] ст. уст.—ст. 627 уг. улож.).

В практике волостных судов дела о лесопорубках заканчивались или одним возмещением убытков или же назначением наказания, при чем уголовная ответственность обычно устанавливалась в более высоком размере, чем в судах общих. Такое отношение к лесопорубкам было тем более характерно, что на основании закона волостной суд имел возможность и не прибегать к карательным мерам[1]).

Строгие взыскания (розги, арест, штраф) за лесопорубку, налагаемые волостными судами, могли быть об'яснены отсутствием точного разграничения между лесопорубкой и похищением; обычно оба эти проступка об'единялись, и в факте лесопорубки суды усматривали покушение на кражу[2]).

---

[1]) Изданный 24 декабря 1845 г. (№ 15150) специальный закон имел ввиду лишь порубку казенных лесов, а не крестьянских, а по Сельско Судебному Уставу (ст. 523).

„Кто из шалости срубит, повредит или другим образом сделает негодными чужие или общественно растущие деревья, для украшения или пользы насаженные, тот подвергается взысканию той цены, которой деревья стоили, и, сверх того, заставлять в место испорченного дерева посадить такого же рода новое дерево".

[2]) Духовской—Имущ. прост. стр. 270-278.

Таким образом, нашему дореволюционному законодательству были известны почти все возможные формы преступного нарушения сельско-хозяйственных интересов: повреждение как недвижимого, так и движимого имущества, похищение и самовольное пользование чужим имуществом.

В качестве непосредственного об‘екта посягательства закон предусматривал посягательство на недвижимое имущество—землю, строения, обработанные участки земли и угодья (поля, луга, сады, огороды, рощи, пастбища, хмельники, сенокосы, торфяники), продукты сельско-хозяйственного производства (лес, скошенное сено, склады дров, хлеба, плоды, овощи, ягоды, грибы, цветы, песок, глина, дерн, камни), живой и мертвый сельско-хозяйственный инвентарь (лошади, домашний скот, птицы, дичь, рыба, сложные с.-х. машины).

Все эти многочисленные постановления показывают, что сельское хозяйство и его интересы занимали крупное место в хозяйственном обороте страны, и охране их законодатель придавал большое значение.

V.

Если от обзора русского дореволюционного законодательства обратимся к современному западно-европейскому законодательству, то мы увидим, что ему известна часть преступных деяний, имевших место в старом русском законодательстве.—Правда, эти постановления не так многочисленны, не так казуистичны, но тем не менее они имеются и точно также относятся к интересам сельского хозяйства по преимуществу.

Таковы например „Forst u Felddiebstähle герман. законодательства“ случаи захвата земельных участков, самовольного пользования ими и случаи похищения с целью немедленного потребления. Большей частью все эти случаи, не смотря на черты сходства с отдельными видами похищения, выделяются и предусматриваются, в качестве del. sui generis, облагаемых обычно пониженными, по сравнению с кражей, мерами взыскания[1]).

Переходя теперь к обзору современного советского уголовного законодательства, я должен сказать, что количество ст. ст., имеющих ввиду непосредственную охрану сельско-хозяйственных интересов, крайне значительно. Сюда следует отнести *ст. ст. 85*—о нарушении постановлений, изданных в интересах охраны лесов;

ст. 86—о нарушении постановлений относительно водных промыслов;

ст. 87—о нарушении правил о разработке недр земли, и

ст. 166—о похищении лошади или иного крупного домашнего скота; и

ст. 173, ч. 2—о сельском ростовщичестве.

Ст. ст. эти предусматривают случаи, отчасти известные и дореволюционному законодательству (ст. 154-168[1] Уст. о наказ., 255-260, 624-630 уг. улож.—*лесные проступки*; ст. 146, 146[1], 56[1-18], 57 Уст. о нак., ст. 623, ст. 246-255 угол. улож. — *о самовольной охоте*; ст. 145 Уст. о нак., 633, п. 2 Уголов. улож.—*о разработке недр земли* и, наконец, ст. 180[3] уст. о нак., 609 ст. уг. улож.—*о сельском ростовщичестве* и ст. 1643[1], 1654[1-2] Улож. о нак., ст. 585 Угол. улож.—*о краже лошадей и крупного домашнего скота*).

---

[1]) Подробности см. в ст. Harburger'а „Diebstahl und Unterschlagung в Vergl. Darst., Bes. Teil, Bd VI, стр. 183-374.

Далее значительное количество случаев, специально предусмотренных дореволюционным законодательством, может быть путем распространительного толкования подведено под более общие нормы Уголов. Код.; так, например, *под ст. 168, ч. 2* Уголовного Кодекса (присвоение находки) могут быть подведены следующие случаи, известные дореволюционному законодательству: ст. 179, ч. 2 уст. о нак.— необ'явление о пригульном скоте; ст. 571 уг. ул.—необ'явление .. о приставшем к стаду виновного или оказавшемся на его земле неизвестно кому принадлежащем пригульном скоте; ст. 572 уг. ул.—умышленное удержание, с целью обращения в свою собственность... неизвестно кому принадлежащего пригульного скота; ст. 573 уг. ул.—присвоение... пригульного скота, хозяин коего во время учинения присвоения был известен.

Под ст. 175, ч. 1 У. К. об умышленном истреблении и повреждении имущества, принадлежащего частным лицам, могут быть подведены случаи, предусмотренные: ст. 1621 ул. о нак.—о повреждении чужих лесов, садов, огородов и т. п.; ст. 549 п. 3 уг. ул.—об умышленном повреждении чужих фруктового сада, виноградника или посева; ст. 147 уст. о нак.—о проходе или проезде через чужие луга или поля до уборки с них посевов или трав; ст. 633, п. 5 уг. ул—о самовольном проходе или проезде через чужие луга или поля до уборки с них трав или посевов; ст. 148 уст. о нак.—о прогоне скота через чужие луга или поля, пастьбе скота на чужих землях или в чужом лесу; ст. 633, п. 4 уг. ул.—о самовольной пастьбе скота или птицы на чужой земле, и п. 6—о самовольном прогоне скота или птицы через чужие луга и поля; ст. 149 уст. о нак.—о проезде или прогоне скота через сады или огороды, а равно через луга, поля, рощи и пастбища, обнесенные оградами или канавками, или же когда о запрещении проезда через них поставлены предостерегательные знаки; ст. 634 уг. ул.— о самовольном проезде или прогоне скота через чужие сад или огород, или через чужие луг, поле, рощу, или пастбище, обнесенные оградами или канавами, или когда заведомо проезд через них запрещен поставленными для сего предостерегательными знаками; ст. 152 уст. о нак.—о повреждении чужих канав, изгородей или чужого движимого имущества; ст. 547 уг. ул.—об умышленном повреждении чужого имущества; ст. 153 уст. о нак.—об убое или изувечении чужих животных; ст. 153[1] уст. о нак.—об умышленном повреждении сложных с.-х. машин.

Под *ст. 175, ч 2, У. К.*—об умышленном истреблении или повреждении имущества, принадлежащего частным лицам, совершенном путем поджога, затопления или каким-либо иным общеопасным способом, могут быть подведены случаи, предусмотренные: ст. 1613 ул. о нак.—о поджоге с умыслом чужого леса; ст. 1614 ул. о нак.—об умышленном истреблении огнем чужого хлеба на корню, или в снопах, или в скирдах, или в поле, или в гумне, овине или ином необитаемом строении, а равно фруктовых садов, хмельников, сенокосов, скошенного сена, склада дров, поджога торфяных земель; ст. 1617 ул. о нак. —о потоплении чужих лугов, полей, садов, огородов, леса, складов хлеба или других жизненных припасов; ст. 1607, ч. 2 ул. о нак.—о поджоге селений в нескольких местах; ст. 562, ч. 2 уг. ул.—о повреждении поджогом, взрывом или потоплением чужих леса, сада, с.-х. посева на корню, торфяника, нефтяного источника, склада леса, дров, товаров, с.-х. произведений, продовольственных припасов; ст. 563, ч. 2 уг. ул.—о повреждении поджогом, взрывом или потоплением, учиненном в разных местах селения одновременно; ст. 1624 ул. о нак.—об истреблении рыбы в прудах и реках посредством отравления воды

ядовитыми и сильно-действующими веществами; об отравлении с умыслом чужого скота или иных домашних животных; ст. 550, п. 9. уг. ул. —о повреждении рыбы в чужих водах посредством отравления воды, и п. 10—о повреждении виноградной лозы в чужом винограднике посредством заражения оной филоксерой.

Под *ст. 162 У. К.*—о тайном похищении чужого имущества (кража) могут быть подведены случаи, предусмотренные ст. 145 уст. о нак. —о самовольном на чужих землях, но не в виде кражи, срывании плодов или овощей, собирании ягод или грибов, повреждении деревьев в садах или срывании садовых цветов, вырезании дерна, добывании песку, глины и т. п.; ст. 633, п. 1 уг. ул.—о собирании на чужой земле заведомо, вопреки запрещения хозяина, дикорастущих ягод, плодов, грибов или иных предметов, могущих доставить выгоду владельцу земли, п. 2—о самовольном на чужой земле вырезывании дерна, добывании камней, песку, глины или иных ископаемых предметов; п. 7 —о самовольном скошении дикорастущей травы на чужом лугу, или в чужом лесу; п. 9—о самовольном и незначительном количестве, срывании или собирании в чужих саду, огороде, поле или засеянном лугу, садовых цветов, плодов, овощей или иных посевов или посадок для немедленного их потребления, хотя бы не на самом месте учинения сего поступка.

Затем для подведения некоторых случаев, известных старому законодательству, может быть использована аналогия. Так, например, под *ст. 181 У. К.*—о нарушении правил по охране народного здравия, специально изданных в целях борьбы с эпидемиями, путем аналогии могут быть подведены следующие случаи, известные старому дореволюционному законодательству: ст. 1623 ул. о нак.—о сообщении заразительной болезни чужому скоту, об отравлении корма чужого скота; ст. 550, п. 8 уг. ул.—о повреждении скота посредством отравления водопоя или кормовых припасов или посредством сообщения заразы; ст 862 ул. о нак.—об умышленном сообщении заразы чужим или своим домашним животным; ст. 112 уст. о нак.—о несоблюдении мер предосторожности против заразы домашних животных, равно против распространения разного рода насекомых и животных, вредных для с.-х. растений или для плодовых или древесных насаждений; ст. 112 уст. о нак.—о неисполнении обязанности своевременно доносить о появлении заразы на домашних животных, а также о появлении разного рода насекомых и животных вредных для с.-х. растений, или же для плодовых и древесных насаждений; ст. 111, ч. 1 уст. о нак. —о порче воды, служащей для употребления людей или для водопоя, когда при том не было умысла нанести вред общественному здоровью, и ч. 2., когда вода сделалась вредной для здоровья людей; ст. 220 уг. ул.—о порче воды, служащей для питья или для водопоя, бросанием, сваливанием, выливанием, спуском в нее или мочением в ней веществ, делающих воду непригодной для питья или водопоя.

Под *ст. 90 У. К.*—о самоуправстве, путем аналогии, могут быть подведены случаи, предусмотренные: ст. 151 уст. о нак.—о сопротивлении при задержании животных (скота или птиц) в случае потравы, о самовольном уводе задержанных животных; ст. 633, п. 8 уг. ул.—о самовольном уводе или угоне скота или птиц, задержанных на потраве.

Следует однако сказать, что аналогия во всех этих случаях представляется весьма отдаленной[1]).

[1]) В прениях по докладу в правовой секции Научного Общества при Б. Г. У. было обращено внимание на применение, путем аналогии судебной практики ст. 59 в случаях продажи и залога земельных участков, и ст. 96 У. К. к случаям нарушений интересов двора членами последнего, преступившим волю домохозяина.

Наконец, ряд случаев, специально оговоренных нашим старым законодательством, не могут быть подведены ни под одну из ст. действующего Уголовного Кодекса ни непосредственно, ни путем аналогии. Это обстоятельство побудило уже некоторые союзные республики принять меры к пополнению Уголовного Кодекса, так, например, в Средне-Азиатских республиках намечено пополнение Кодекса введением специальной группы, так называемых водных преступлений, ввиду того крупного значения, какое имеет вода в системе народного хозяйства. К этой группе предположено отнести самовольные действия по водопользованию, различные виды повреждения ирригационных сооружений и неисполнение требований управления водного хозяйства и т. д.[1]). Так остались вовсе непредусмотренными случаи: во 1-х—захват чужого земельного участка, о которых говорится в ст. ст. 1601 ул. о нак.—о насильственном завладении чужим недвижимым имуществом; ст. 1605 ул. о нак.—об истреблении граничных меж и других знаков с намерением присвоить часть чужой недвижимой собственности; ст. 32 уст. о нак.—об истреблении, порче, сносе или перемещении знаков межевых или других, служащих для означения границ, когда при этом не было корыстной или иной преступной цели; ст. 549, ч. 2 уг. ул.—об умышленном повреждении или перенесении знака граничного или межевого.

Во-2-х—неосторожного общеопасного повреждения, о котором говорится в ст. 1620 ул. о нак.—о потоплении вследствие нарушения правил осторожности; ст. 568 уг. ул.—о неосторожном повреждении предмета посредством поджога, взрыва или потопления.

В-3-х—о нарушении правил предосторожности от огня, предусмотренных ст. 92 уст. о нак.—о курении табаку на сеновалах, чердаках, конюшнях и т. п. местах, в хвойных лесах, в жаркую или сухую погоду; ст. 95 уст. о нак.—о нарушении правил предосторожности от огня: во-1-х—путем раскладывания огня или неосторожного обращения с огнем в близком расстоянии от лесов кустарников, сидящего на корню или сжатого хлеба, соломы, сена, огородов; во-2-х —в 3-х—путем выжигания кустарников, травы, кореньев, сучьев и т. п. без соблюдения правил или в недозволенное время; в-4-х—путем сидки смолы или дегтя, жжения угольев или приготовления поташа без соблюдения предписанных предосторожностей или в недозволенное время; в-5-х—путем употребления при стрелянии в лесу для зарядов пакли или льна; в-6-х—путем оставления овина во время топки без всякого надзора; ст. 236 уг. ул.—о неисполнении установленных законом или обязательным постановлением правил: 1—о мерах предосторожности от пожара в здании, на судне, плоте или ином помещении или при обращении с огнем, или легко воспламеняющимся веществом вне строений; 2—о содействии тушению пожаров; 3—об изготовлении, хранении, перевозке, выгрузке или продаже легко воспламеняющихся, кроме минеральных масс, веществ; ст. 238 уг. ул.: 1—о курении табаку в таком месте, где такое курение воспрещено законом или обязательным постановлением; 2—о курении табаку, угрожающем опасностью пожаром или взрыва, вопреки выставленному о воспрещении курения табака предупреждению. В-4-х—о самовольном свозе на чужую землю камней, мусора, палых животных или нечистот (ст. 633, п. 3 уг. ул. ст. 150 уст. о нак.).

В-5-х—о скупке хлеба у крестьян по несоразмерно низкой цене, хлеба на корню, снопами или зерном, с использованием крайне тягостного положения продавца (ст. 610 уг. ул.—ст. 180 уст. о нак.).

[1]) См. Аносов—Водные преступления. Вестник Юстиции Узбекистана 1925 г. № 1 стр. 64—68,

Имеется ряд пробелов в отношении деяний, где, может быть, не так непосредственно затрагиваются с.-х. интересы, но которые совершаются в сельских местностях по преимуществу и в качестве виновников выступают жители этих местностей; так, например, во-1-х, засаривание реки, канала, источника или колодца бросанием в них веществ, от которых не может последовать порча воды (ст. 52 уст., ст. 548 уг. ул. о нак.); во-2-х, самовольное, несогласное с правилами об устройстве канав и других водопроводных сооружений на чужих землях для осушительных, оросительных и обводнительных целей пользование, как самыми этими сооружениями, так и отведенной под них землей или находящейся в них водой (ст. 261 уг. ул. и ст. 152 уст. о нак., 86[1] уст. о нак.); в-3-х, умышленное повреждение сухопутного или водного пути сообщения общего пользования (ст. 549 п. 1 уг. ул., ст. 72 о нак.); в-4-х, неисполнение установленных законом или обязательными постановлениями правил: 1—о сплаве дров и леса, 2—об исправном содержании бечевников и 3—о разводе мостов для проходов судов и о спуске вод (ст. 386 уг. ул., срав. ст. 81–86 уст. о нак.) в-4-х, о самовольном изменении направления судоходной реки, остановки ее течения плотиной и ослабления ее течения устройством канала или другим образом (ст. 388 уг. ул.).

Все предшествующее изложение имело ввиду обратить внимание на недостаточность действующего Кодекса лишь в одной части правда, весьма существенной, так как она затрагивает интересы многомиллионного крестьянства. Взятые в отдельности случаи нарушений этих постановлений представляются мелкими и маловажными, но в своей совокупности, в массе, они составляют в крестьянском быту серьезную угрозу интересам сельского хозяйства и способны его подорвать. Если при прежнем социально-политическом укладе изложенные постановления уголовного законодательства имели ввиду ограждение интересов всех землевладельцев, в том числе и помещиков, то в настоящее время при современном социальном укладе, те же самые постановления, в случае введения их в Уг. Код., ограждали бы исключительно интересы сидящего на земле и связанного с землей крестьянства. Ведь, не смотря на последовательно проводимый план индустриализации страны, наше народное хозяйство еще долгие годы будет основываться на крестьянском сельско-хозяйственном труде. Поставить этот труд в надлежащие условия, устранить с его пути все помехи, составляет, на мой взгляд, очередную задачу рабоче-крестьянского правительства.

Возможно, конечно, охрану сельско-хозяйственных интересов обеспечить и мерами гражданского правосудия—восстановления нарушенного, принуждения к выполнению и возмещения вреда, или путем взысканий в административном порядке, но охрана эта будет не всегда достаточной; важность нарушаемых интересов делает необходимым упоминание об этих интересах в Угол. Кодексе и усиление средства их охраны путем применения к правонарушителям мер уголовного воздействия.

Я, конечно, не настаиваю, чтобы непременно все перечисленные мною случаи нарушения интересов сельского хозяйства, известные нашему дореволюционному законодательству, нашли себе место в советском уголовном законодательстве. Но я обращаю внимание на бросающийся в глаза исследователя пробел: в уголовном законодательстве страны, по природе своей аграрной, при казуистическом построении большинства ст. Уголовного Кодекса, стремившегося быть по возможности конкретным и упоминающего о множестве самых разнообразных правовых благ и интересов, ни слова не говорится, ни о потравах,

ни о перекосах, ни о перепашках, ни о пригульном скоте и т. д. и т. д., т. е. о делах весьма важных в крестьянском быту. Как бы ни были подробны и исчерпывающи обязательные постановления по этому поводу, я считаю, ввиду важности нарушаемых интересов, самый путь административных взысканий за эти нарушения неудовлетворительным и не соответствующим борьбе за законность в деревне.

Возможные опасения о переобременении нар. судов подобными делами и о том, что „придется пересудить всех крестьян", мне кажется, говорят скорее в пользу пополнения указанного мною пробела, чем против, ибо свидетельствуют о широкой распространенности правонарушений подобного рода и о бессилии справиться с ними мерами административного взыскания.

Я не думаю, чтобы предлагаемым мною пополнением укреплялось в правосознании крестьянства мелко-буржуазная психология собственника в большей, чем другими постановлениями У. К., ограждающими имущественные интересы граждан, вне зависимости от их класовой принадлежности. Но в то же время я полагаю, что путем такого пополнения Уголовного Кодекса, сельско-хозяйственный труд будет поставлен в отношении охраны в такие же условия, как и труд промышленного рабочего. Сельское хозяйство может от этого только выиграть, и провозглашенные лозунги „лицом к деревне" и „о смычке города с деревней" найдут свое отражение и в уголовном законодательстве. Словом, по моему мнению, пополнение Уголовного Кодекса в указанном мною направлении будет соответствовать характеру самого кодекса, а, главное, социально-экономическому укладу страны с преобладанием в ней сельского хозяйства[1]).

---

1) Подтверждение правильности отстаиваемой точки зрения автор находит в ст. Макеева—Беднота деревни в решениях Партии и задачи Юстиции (Еж. Сов. Юст. 1927 г. № 6) и особенно в ст. А. Чернышева—Революционная законность на селе Еж. Сов. Юст. 1927 г. №№ 4, 6, где на основании отчетов прокуроров отмечается расцвет административного произвола сельских органов и вредное его влияние на крестьянство. Тем неожиданнее явились для автора суждения, взысканные по поводу прочитанного автором 9-го февраля 1927 г. доклада членами Юр. кружка при Яр. Губ. суде, т. е. судебными работниками, в коих автору были поставлены в вину и стремление к расширению и усилению уголовной репрессии, и поддержка психологии мелко-буржуазного собственника, и оторванность его предложения от жизни; в противоположность отстаиваемым и автором положениями, в единогласно принятой резолюции была признана ненужность никакого пополнения Уголовного Кодекса, в указанном автором отношении, ввиду наличия полной и всесторонней охраны интересов крестьянства существующим уголовным законодательством.

Проф. И. И. Крыльцов

Государственное устройство СССР и сопредельных стран.

(Государственная реформа Афганистана 1921 и 1923 годов[1]).

I

Краткая история Афганистана.

Находясь у перекрестка великих путей на Индию, ССР, Персию и Китай, Афганистан заслуживает внимательного изучения уже только по своему геополитическому положению и как плацдарм мирового значения. Для нашего союза, независимо от прочих причин, он еще интересен тем, что в нем живут в полтора раза больше таджиков, нежели в нашей Таджикской республике и около 300 тысяч узбеков и туркмен[2]).

События последних лет в государственной жизни *независимого* и *реформированного* Афганистана делают такое изучение настоятельно необходимым, тем более, что осуществить это нынче легче через Европейские посольства. Нынче в А. они допущены, и, таким образом, дают возможность поближе познакомиться с Средне-Азиатским ключем, в настоящее время приобретающим особое значение[3]).

Краткая историческая справка подтверждает правильность такой беглой характеристики А.

Печатаемая работа является одной из глав подготовляемой к печати книги „СССР и сопредельные страны". В ней отведено место и Белорусской республике „Западным сопредельным странам".

[1]) Обострившийся нынче интерес к восточной проблеме вообще ставит на очередь проблему Афганистана в частности. Настоящая статья была написана еще в 1922 г., главным образом, по архивным материалам представительства НКИД, в Сред. Азии. В основе их лежал только что появившийся тогда *„Основной Закон"* Афганистана 1921 г. Работу естественно пришлось дополнить и освежить, когда появился новый основной закон А. 1923 г.

[2]) Данные „Annuaire du Monde Musulman" Paris, 1923 г.

[3]) Новую литературу об Афганистане см. в журнал. „Новый Восток"—1923 г. № 4. Раскольников „Россия и Афганистан" 1925 г. № 8-9; № 15 1926 г. К. В. Скерский, „Р—Афган. торгов. отношения". И. Рейснер „Пять лет реформы в Афганистане".

Журнал „Военная Мысль". Изд. РВС Туркфронта сентябрь 1920 г. кн. I ст. 317 ст. Нозира „Афганистан".

„Война и Революция" 1925 г. кн. II изд. „Воен. Вестник" стр. 162 см. М. Погорелов „Афганистан".

Revue du Monde Musulman, 1921, m. 48.

Известия ЦИКА СССР от 3 января 1924 г. статья Марко Поло „Кабульский вопросит. знак". В. И. Дурденевский и Е. Ф. Лундшувейт" Конституц. Востока—Афганистан. 1926 г. Журнал „Сов. право" за 1926 г. № 4 (22) и 5 (23).

Статьи Е. Лундшувейта „Высокое госуд. Афганистан".

Снесарев А. Е. в своей известн. книге „Афганистан" переиздана в 1921 г., подробно указывает прежнюю литературу.

Сборник статей „Афганистан" М. 1925 г. и друг., например, Д-р Руир. „Англо-русское сотрудничество в Азии в XIX в." 1924 г.

В самом деле, в течение четырех тысяч лет здесь в Индию прошли почти два десятка завоевателей, начиная с Семирамиды, Кира, Александра Македонского, Чингис-Хана, Тимура и др. и кончая Надир-Шахом (в первой половине XVIII века), при чем некоторые из этих походов представляют собой явления, выделяющиеся на общем фоне мировой истории.

По утверждению позднейшего исследователя истории Афганистана (Гурко-Кряжин „Исторические судьбы А"—см. сборник статей „Афганистан", М. 1924 г.), государство это не представляет единой исторической судьбы. Как самостоятельное государственное образование А. выступает лишь в 18 веке.

В дальнейшем он получает искусственные границы в зависимости от борьбы между Россией и Англией. Поэтому для составления истории А. приходится искусственно изолировать историческую жизнь отдельных его частей.

В послеарабскую эпоху судьбу Афганистана считают неразрывно связанной с историей бывших Мухаммеданских империй: Саманидов, Газневидов, Тиморидов и представляющей незначительный самостоятельный интерес.

Начиная с самых древних времен история А. всегда сводилась к борьбе за торговые и военные магистрали, ведущие в Индию, что об'ясняется геополитическим положением А.

До VI века до Р. Х. история его совершенно темна.

Известно почти лишь только то, что там жили иранцы.

Походы А. Македонского, совершенные им в долину Кабула, в нынешний Герат, проливают некоторый свет как на историю Персии, так и А.

После этого вновь густой мрак окутывает судьбу восточного Ирана, рассеивающийся лишь 9 веков спустя уже после арабского завоевания. Поэтому дать связанную историю А. с III века до Р. Х. при совершенном состоянии источников наука отказывается[1].

Этот длинный период с середины III в. до Р. Х. по VII в. по Р. Х. является буквально провалом в истории Ирана и об этом периоде мы кое-что знаем лишь по китайским источникам. Великое переселение народов и движение кочевников в Средней Азии привели к тому, что тохары-арийцы завоевали эти территории и настолько прочно, что еще в мусульманскую эпоху вся область на восток от Балха по обеим сторонам Аму-Дарьи называлась Тохаристаном. Но за все это время здесь были и Парфяне, и Индо-Скифы (в VI в. правили южным Афганистаном), пока сассаниды и турки не образовали огромной империи. Арабы сменяют их. И лишь Кабульская долина и смежные территории долго не поддаются завоевателям.

Эпоха послеарабского завоевания в самом кратком виде обрисовывается нижеследующими чертами: за $10^1/_2$ веков от арабского завоевания до возникновения первой туземной Афганской монархии Ахмед-Шаха (1747 г.) отдельные области А. обычно входили в состав тех мусульманских монархий, которые возникали в В. Иране. Отслоить историю их от А. невозможно, а в эпоху упадка этих больших империй Афганистан распадался на мелкие владения, управлявшиеся независимыми правителями. За весь этот период во время войн города разрушались; лишь пути сохраняли свое значение.

В последнем периоде афганские племена заселяют нынешний Афганистан, слившись с аборигенами и составив нынешнее население.

---

[1]) См. Гурко-Кряжин, назван. сочинен., стр. 20, 26, 50 и 51.

Родиной Афганских племен, полагают, были Сулеймановы горы. Спускаясь с них, они вытеснили аборигенов. В Северном А. такая же роль выпала на долю узбеков, теснивших даже Тимура[1]).

Самостоятельное выступление А. произошло в начале XVIII века, когда два сильнейших Афганских племени—Гильзаи и Абдали (Дурани) ниспровергнули вырождавшихся Сефевидов и затем сами вторгнулись в пределы Персии. Но Надир-Шах их не только изгнал, но и завоевал и двигался дальше в Индию. Однако, после его смерти А. освобождается и об'единяется.

Начиная с 3-й четверти XVIII столетия пятидесятилетняя усобица прокатывается по стране. Но от начала XIX века уже не этот внутренний процесс определяет судьбу А. Именно, если в течение двадцати столетий судьба Афганских территорий не была самостоятельной, а зависела от восточных завоевателей, *то в XIX в. А. вовлекается в орбиту* уже не восточных завоевателей, а *западно-европейского империализма:* Англии и России.

Весь этот XIX в. прошел для А. под знаком борьбы с Англией и отчасти с Россией[2]). Эти два наиболее заинтересованных государства весь XIX век спорили о разграничении „сферы влияния" их в Афганистане и прилежащей зоне. В данном случае А. можно сравнить с маятником, качающимся между мощными магнитами—Англией и Россией. Но, впрочем, последняя, начиная с 3-й четверти XIX в., начала больше обращать внимание на Бухару и Хиву (Хорезм), сделав из них предметы непосредственных своих вожделений.

После неудачной же войны России с Японией в 1904-5 г.г., когда авторитет русского империализма на Востоке упал, Афганистан имел дело уже почти с одной Англией. Так в 1907 г. по договору с Англией, Россия признала А., находящимся вне сферы ее влияния. И хотя эмир не признавал этой конвенции, но обе империалистические державы мыслили А., как государство-буфер; фактически же А. был скорее как-бы под протекторатом Англии. И, тем не менее, маленькая страна пыталась добиться независимости еще в 1905 г. (договор с Дена); а в 1919 г. А с большой дерзостью отважился на борьбу с Англией, как только почувствовал за спиной у себя не империалистическую Россию, а Советскую Социалистическую Республику РСФСР, с ее, на этот раз, дружественной политикой[3]). В эти годы и сам Афганистан был также не прежним. Вялая политика Хабибулла-хана, умершего при довольно загадочных условиях, была заменена активной политикой его преемника. Под энергичным руководством этого последнего, эмира Амануллы-хана, начиная с 1921 г., были проведены внутренние реформы, очень изобильные и существенные для недавно еще деспотического Афганистана.

Эти реформы были, с одной стороны, как бы невольными откликами на революцию в России, Бухаре и Хорезме, с другой—как желание урегулировать недочеты, вскрытые войной 1919 г. Эта последняя представлялась для А. особенно трудной, ибо была, можно сказать, войной голых рук против вооруженного по последнему слову техники гигантского противника. Не мудрено, что война окончилась пораже-

[1]) Op. cit., стр. 59-64, 69-76.

[2]) Op. cit., стр. 77, 78.

[3]) Более подробно см. новейшую историю у Е. Лундшувейта „Высокое государство Афганистан" журнал „Советское право" № 4 (22) за 1926 год, стр. 37-47, а историю взаимоотношений А. с Англией и Россией в XIX—у Д-ра Руир'а. „Англо-русское соперничество в Азии в XIX в." 1924 г. Наконец, об условиях развития русско-афганского товарооборота к моменту начала империалистической войны у К-Ц. Скерского в журн. „Н. Вост." № 15 1926 г., ст. „Р.-Афган. торгов. отношения".

нием Афганистана. И, однако, в результате ее он получил независимость и при том не в тех оттенках как по договору с Дена в 1905 г. (см. статью первую Англо-Афганского договора от 23 октября 1921 г. „Высокие государства Великобритания и Афганистан взаимно подтверждают и признают все права на внутреннюю и внешнюю независимость друг от друга"). Зато эмир потерял английскую субсидию. Такой исход войны в литературе относят на счет тогдашних международных затруднений Англии в других местах (движение в Индии 1918-20 годов, в Ирландии и проч.). В результате такого исхода войны новая власть приобрела популярность в своей стране, популярность крайне необходимую новому Правительству. Но власть, в лице Аманулды-хана и младо-афганцев, не остановилась на таком уровне популярности, но пошла дальше: в 1921-23 годах за рядом реформ[1]) была произведена общая государственная реформа А. Но чтобы ее лучше понять, нужно познакомиться, хотя бы в общих чертах с государственным устройством *дореформенного* Афганистана.

II.

Дореформенный А.

Эмира дореформенного Афганистана одни исследователи называют безграничным деспотом, другие пытаются найти кой-какие ограничения (проф. Снесарев) в избираемости, в шариате, обычном праве, духовенстве, феодалах, полузависимых племенах.

Вернее, говорит проф. Снесарев [2]), называть эмира абсолютным монархом типа конца XVIII в. в Европе (?), потому что фактически он является в стране вершителем всех судеб и всех вопросов. Он начинает войну, кончает ее, казнит, милует, не слушает „*Совета*", если не согласен с ним, имеет в полном распоряжении суд. Разбирая эти „бытовые" ограничения, Снесарев указывает на выборность эмира влиятельными группами (племенами), с которыми он должен и позднее считаться. В своих действиях эмир, если он не активный человек, опирается на распоряжения своего визиря подобно, скажем, куш—беги старой Бухары и других прежних восточных государственных образований; если же, наоборот, он активный человек, то опирается только на себя. Другой военный же писатель, проф. Андогский, полагает, что А. представляет собою неограниченную монархию плюс республика племен... В том и другом мнениях, думается, на ряду с правильно подмеченной сущностью строя дореформенного А., имеются недоразумения, проистекающие из смешения формы правления с теми условиями, при которых она существует. Деспотизм, осуществлявшийся эмиром с группами, на которые он опирался, здесь хотят заменить абсолютно-полицейской монархией XVIII в., при том деспотизм выборный и даже своеобразно ограниченный (конструкция Снесарева), конкретно „республиками племен" (конструкция Андогского) (?); но если среди горских племен Афганистана и замечается первичный коммунизм, то республиканская их форма сомнительна.

Сословно полицейский абсолютизм XVIII века тоже едва ли уместен по отношению к несомненно восточно-феодальному Афганистану, первичному по своей культуре и порядкам, как и всякая азиатская деспотия.

---

[1]) Подробно о них см. И. Рейснер „Пять лет внутренних реформ в Афганистане. Журн. „Новый Восток" за 1925 г. № 8-9, стр. 40-64.

[2]) См. его „Афганистан", 1921 г., стр. 131—132.

Думается, подмеченную названными авторами особенность А., т. е. некоторую распыленность власти, нужно, конечно, отнести не к абсолютизму XVIII в., а только к *феодальному строю.* Сюзерен здесь только primus inter pares по отношению к феодалам; тоже и эмир А. по отношению к предводителям горных племен, к правителям провинций, феодалам. Но у себя на местах, по отношению к массам каждый феодал—абсолютен. Такая постановка вопроса характерна для дореформенных Афганистана, Бухары, Персии. Эмир в Афганистане и феодалы наместники проводили режим деспотический, режим ничем неограниченной власти над населением: и лишь влиятельнейшее духовенство, особым образом, в рамках шариата или ограничивало власть эмира (влиянием на фактические массы), или подкрепляло ее до полной безапелляционности и „божественности" его усмотрения. При поддержке духовенства у эмира имелась реальная власть „имама" (духовного главы), и тогда получалась деспотия с теократическими оттенками. Из всего изложенного становится понятным то рабство масс, в котором они находились до самого последнего времени[1]).

Институт „Невольничества", самого неподдельного, просуществовал в Афганистане до 1921 г., пока, наконец, к этому времени к нему не прилила волна революционных влияний извне и не прикоснулась энергичная рука главы новой власти Амануллы-хана—на фоне развивающегося товарного хозяйства своей страны.

Общие черты социального и государственного строя дореформенного А. и общий характер реформ последних лет, предшествовавших реформе 1921 г., представляются в следующем виде:

Люди, долго жившие в дореформенном А. и внимательно наблюдавшие его жизнь, как, например, Frank â Martin в своей книге „8 лет при дворе неограниченного монарха" и другие писатели рисуют социальную и государственную жизнь А. в общем сходными по мрачности чертами. Невежество в крайней степени держит население погруженным в дикое суеверие. Нравы грубы и дики. Население управляется неограниченной властью, не знающей никаких сдержек.

Но и при таких соотношениях власти и населения, ввиду наличия придворных группировок, представитель неограниченной власти держался настороже даже относительно пищи и питья, которые всегда предварительно опробывались людьми. Всегда имелись на готове: лошади, люди, драгоценности.. Наблюдалось полное смешение суда и администрации, совершенно разложенных взяткой и взаимным шпионством... Пытки, ослепление и отсечение рук были спутниками суда... Поклонения и почести святым людям—факирам и юродивым,—как посещенным богом, побивание камнями за „оскорбление религии" и наказание за плохое знание молитв или даже за экспансивную торговлю, „не по корану", и пр.—все это делало страну похожей на застенок, на один из этапов средневековья.

Частые неестественные смерти властителей или их конкурентов также характеризуют дореформенный А. как деспотию. Все это вместе с натуральным хозяйством А., с институтом рабства, с гаремным режимом и невозможным положением восточной женщины с ненавистью и недоверием (нередко и заслуженно) к „кафирам", как к неверным, с предубеждением ко всякой внешней культуре—делало из недавнего, совершенно замкнутого в себе, А., государство средневековое, варварское. Правда, уже Абдуррахам-хан думал о реформах,

---

[1]) Об имамстве эмира А. и религиозном вопросе см. у И. Рейснер, стр. 57—58 и Е. Лундшувейт, op. cit.

но они были осуществлены в самой малой мере. Естественно поэтому, что реформы нынешнего эмира Амануллы-хана, даже до общегосударственной реформы 1921 и 1923 г. г., обращали и обращают на себя внимание своей значительностью. Таковы, например, *отмена рабства*, уравнение прав вероисповедания (суннитов и шиитов) и многие другие. Отсылая к работе, прямо посвященной внутренним реформам А. [1]), коснемся здесь лишь самых важных из них. *Начнем с отмены рабства*. Суть фирмана эмира, об'являвшего свободу рабам и рабыням (№ 23 от 1-го февраля 1921 г.), сводится к следующему:

Рабы и рабыни подлежат отпуску куда хотят. Задержание их под видом слуги или ребенка запрещается. Добровольное оставление их также не допускается; хозяин должен удалить их даже силой (но по истечении времени они, если пожелают, могут вернуться).

Продажа и покупка рабов и рабынь облагается штрафом от 1000 до 3000 рупий. Сроки выполнения этого приказа были назначены: в 1 месяц в Кабуле и в 3 месяца в провинции.

Данные реализации этого по Кабулу за февраль: 21 раб и 673 рабыни [12]). Рабы, происходившие из некоторых племен, не были освобождаемы в возрасте до 15 или 20 лет... Социальные вопросы, связанные с отменой рабства, например, земельный, не были затронуты реформой и, следовательно, она с европейской точки зрения не глубока, но для А., конечно, представлялась исключительной, ибо ей разрушался вековой институт [13]). Такой же важной в местных условиях— (4½ миллиона суннитов и 1 мил. шиитов)—представлялась *вероисповедная реформа*. Она клала грань столкновениям, доходившим до применения оружия,—между суннитами и шиитами. И если Аманулла-хан не является здесь в качестве первоначального реформатора, то, в виду решительного провозглашения им равноправия шиитов с суннитами, ему справедливо ставят в заслугу окончание этого спора [4]). В другом разрезе, но также значительным, представляется фирман эмира Амануллы-хана [5]) об *уничтожении многообразных*, порою *тяжких пошлин* и о введении единого *внутреннего налога*. Характерен также, наконец, фирман о запрещении торговли в *кредит*, за исключением племени „Кучи", ведущего торговлю, именно, в кредит или с задатком.

В особенности строг фирман к „лицам почитаемым". Если они позволяют себе покупку в кредит, то уплачивают не только стоимость товара, но и такую же сумму штрафа... Здесь, повидимому, идет борьба с замаскированной взяткой и кабальными сделками [6]).

Столь же важна хотя и совершенно в другом отношении реформа военного дела в виде *образования регулярной армии* на условиях, *приближающихся* к европейским типам: устанавливаются три основных рода войск, издается воинский устав; устанавливается „всеобщая воинская повинность, хотя все еще допускаются откупные квитанции.

Мы должны воздержаться от описания других реформ, „двигающих современный А. по путям прогресса", как здесь любят выражаться приверженцы нового строя. *Перейдем* к наиболее крупной *об-*

---

[1]) И. Рейснер, op. cit. То же см. у Лундшувейта в первой части названной его работы – ж. „Нов. Восток" № 4 (22) 1926 г.

[2]) Из этих цифр обрисовывается до некоторой степени специфически восточный характер упраздненного института (см. Архив полпредства НКИД в Ср.-Азии).

[3]) И. Рейснер, op. cit, стр. 43.

[4]) Е. Лундшувейт, op. cit., стр. 37.

[5]) См. об этом у И. Рейснер, op. cit, стр. 44.

[6]) См. И. Рейснер, op. cit., стр. 43 и 44. За финансовой политикой эмира, говорит автор, едва, едва проступают контуры будущего буржуазного А. Более эффектна борьба молодого национального государства с идеологическим наследием старого строя.

щей реформе государственного строя, отделяющей дореформенный А. от нынешнего А., именно, к государственным реформам его 1921 и 1923 годов, к его новым основным законам „конституциям“. Здесь же ограничимся лишь перечислением проделанных реформ, как это представляется „попутчикам“ реформаторов, а именно они исчисляют: за короткое время были проведены: реформа всех государственных учреждений и институтов, развитие текстильной промышленности и земледелия и упорядочение водопользования, уничтожение рабства и религиозных привилегий (сунниты!), реформы в области военных и гражданских дел, снижение налогов, упорядочение почтового дела, проложение телеграфных и телефонных линий (мы добавим еще и прокладка ж. д. путей, хотя бы и узкоколейных (дековилька!), устройство шоссейных дорог, привлечение электрической энергии, организация госуд. бюджета и забота о национальном языке (пушту!), строительство правительственных зданий и закладка даже новой столицы (гор. Дар-ул. Амала), расширение и украшение Пемкана [1]), учреждение государственного музея и национальной библиотеки и общественных зрелищ (кино!), „участие эмира в имамстве и проповедничестве“, а также „высочайшее хождение инкогнито в народ“ в целях непосредственного ознакомления с нуждами населения (Гарун-аль-Рашид!), реформы в области брака (например, урегулирование калыма) и спорных случаев многоженства, запрещение взыскания долгов по спорным долговым распискам. Как можно видеть, здесь много пышно витиеватого-восточного... но „попутчики“ не говорят еще о „слоне“ реформы— просвещении, желание насадить которое напоминает, действительно, усилия Петра 1-го: те же посылки молодежи за-границу и проч. Также своеобразно напоминают повадки Петра I случаи порчи эмиром иноземного платья (вырезывание) в целях поощрения отечественной промышленности... Даже женщина здесь была (впервые!) приобщена к вопросу, но, к сожалению, здесь реформатору после постановления на Лое-Джирга 1924 г. (чрезвычайный конгресс!) пришлось вернуться почти на исходные позиции.

III.

Государственные реформы А. 1921 и 1923 г. г.

По своему характеру конституция современного А. с европейской точки зрения должна быть названа не только октроированной (данной сверху), но даже в ковычках: так она узка по отношению к правам народа. Конституции А. 1921 и 1923 годов называются: „Положениями о современном государственном устройстве А.“ или „Основными законами“ его. Состоят они во всем комплексе из очень большого количества статей, с одной стороны, до мелочности регулирующих одни стороны государственной жизни, а с другой, иногда обходящих молчанием самые важные стороны ее, например, институт регентства и пр. *Начнем с основного закона 1921 г.* Он распадается на главы: 1) о центральном управлении и 2) о местном управлении. В той и другой уделено место и органам правительственным, и органам представительным. Последние наделены лишь совещательными функциями.

Верховная власть А. по основному закону 1921 года принадлежит единолично и безраздельно эмиру. Но он проверяет свои дей-

---

[1]) Пемкан (Памкан, Пемган) в горах на с.-з. от Кабула, куда на лето выезжают высш. правит. учрежд. и где происходят Дурбары.

ствия то на „Лоэ-Джирга", то на „Дурбаре"[1]). Обязанности управления возложены на совет министров, облеченный полномочиями от эмира (ст. ст. 1 и 3). Допущены *словесные* распоряжения эмира (ст. 5), но на соответствующего министра возложены обязанности получить от эмира письменное подтверждение об этом.

За свои действия министры обязаны ежегодным отчетом перед Дурбаром (Советом из сановников и самых уважаемых лиц, назначаемых эмиром) (ст. 27 о. з. А. 1923 г). Дурбары не только созываются эмиром, но происходят под его личным председательством. Функции самого Дурбара—совещательные (ст. 7).

Ответственность министры несут только перед эмиром. За уголовные преступления их судят особый трибунал (Диван-Али) и особый суд, выделяемый Государственным Советом (этот последний совет—не законодательная палата, а скорее как бы Сенат—Гос. Совет—М-во!). Глава этого своеобразного учреждения входит в сеть министерств—см. ст. ст. 96-98, к 1923 году такая картина вырисовывается более определенно. Министры обязаны отвечать на запросы Государственного Совета, но без последствий политической ответственности. По § 177 „конституции" министры обязаны лишь в 2-х летний срок представлять отчетность за год в контрольную палату. При задержке отчетности свыше 4-х лет министр и заведующий счетоводством такого министерства идут под суд.

Министерств по реформе 1921 года было всего—10, из них одно „министерство" Государственного Совета. Кроме того, имеются два независимых управления: почто-телеграф и медицинское. М-во путей

---

[1]) Дурбар—Совет, конгресс по мнению проф. В. Н. Дурденевского. См. его „Конституции Востока" стр. 74, примечание 2-ое и стр. 27 о. з. А. 23 г., Е. Лундшувейт, op. cit., ч. 2-я в „Советском праве" № 5(23) за 1926 г., стр. 70, наоборот считает Дурбар „конференцией высшего чиновничества", перед которым министры делают информационный доклад. Социологически это может быть так и есть. Однако Е. Лундшувейт забывает указать, что приглашаются на Дурбар не только чиновничество, но и „наиболее уважаемые лица" (Ср. И. Рейснер, op. cit., стр. 48 и ст. 27 о. з. А. 1923 г.). Правильнее, казалось-бы, в Дурбаре видеть Совет при особе государя на подобие думы боярской или русского дореформенного Государственного Совета.

Что касается „Люй-Джирга" (Лое-Джирга" по другим переводам), то относительно его в нашей литературе имеется также разноголосица: Е. Лундшувейт считает, что существующая сейчас „Лое-Джирга" своего рода не то вече?, не то чрезвычайный конгресс, созываемый время от времени эмиром. В состав Лое-Джирга входят феодалы, служилая знать, купечество, *представители* различных цеховых об'единений, *представители* племен и *представители* различных других групп населения (курсив везде мой. И. К.). Люй-Джирга, говорит Е. Лундшувейт, имеет чрезвычайно мало сходства с нижней палатой, являясь быть может только ее прообразом (op. cit., стр. 70). У четкого так всегда В. Н. Дурденевского „Люй- Джирга" только чрезвычайный конгресс. Что-то вроде этого они на самом деле. Это какой-то своеобразный С'езд представит. разных групп населения, почти вроде прежних земских соборов. Если принять во внимание, что на Лое-Джирга иногда, как это знает Е. Лундшувейт, с'езжаются до (?) 20.000 (стр. 83), то, конечно, это не нижняя палата; если же сюда приезжают лишь *представители* разных слоев населения, то, конечно, это тем менее и вече, как говорит Е. Лундшувейт, ибо оно является непосредственным органом. Впрочем Е. Лундшувейт в другом месте своей работы (стр. 83) называет „Лое-Джирга" и своего рода чрезвычайным конгрессом. Это будет, конечно, правильнее и со стороны юридической природы Лое-Джирга, и со стороны факта. В самом деле, Лое-Джирга, напр., 1924, имело только 872 подписи (печати), а не 20.000 участников. Так что Е. Лундшувейт и здесь впадает в ошибку. Впрочем, Е. Лундшувейт с государственно-правовой терминологией вообще не считается. Недопустимо, например, называть Афганский Совет Министров *„кабинетом"*, принимать за чистую монету, что в таком кабинете председателем его является сам эмир. Это обычно лишь право главы государства, иначе—хорошенький „кабинет"! См. у него op. cit., стр. 71. Однако, продолжает Лундшувейт, и по существу афганский кабинет(?)—министров сохранил до сего времени не мало общего с прежним афганским дореформенным кабинетом (Sic). Вообще, в отношении юридических конструкций статья Е. Лундшувейта совсем не имеет той цены, что в социологическом отношении.

сообщения, снабжения и промышленности включены в М-во внутрен. дел. Это можно об'яснить тем, что в А. дороги исключительно шоссейно-грунтовые, а крупная промышленность выражается пока лишь в зародышевом, рудиментарном, виде. М-во вн. дел в А. носит иной характер, нежели в современных европейских государствах.

Охрана безопасности из М-ва вн. дел выделена в особое министерство того-же названия. Ведомство государственного контроля до 1923 г. было временно сосредоточено в М-ве вн. дел (§§ 176-178). Другая контрольная комиссия—судебная (§ 40) находилась в М-ве юстиции. Это очень влиятельная по замыслу комиссия. Кабульская провинция управляется централизованно, о чем ниже.

Этому по закону 1921 г. противостояла децентрализация в отношении племен, характеризовавшаяся даже совершенным выделением их из-под действия „конституции" (§ 175). Управление такими селениями и кочевыми племенами было вручено их главам. Государственное устройство 1923 г. этот иммунитет (юридически) отменило.

Местное управление по „Основному закону А." было построено о такой системе:

провинция—управляется генерал-губернатором

область губерния уезд участок	управляется соответствующими начальниками (управителями)

селение—управляется 1—2 старшинами.

В характере полномочий генерал-губернатора и начальника области, с одной стороны, уездного и участкового начальника с другой—разницы нет ни в существе, ни в пределах власти.

Всех чинов этой бюрократической лестницы назначает сам эмир, начиная сверху вплоть до начальников уезда I и II классов, а начальника участка 3-го класса лишь утверждает по представлению министра вн. дел.

Таким образом, даже и в более децентрализованных провинциях Кандагарской, Гератской, Туркестанской (Афганск. Туркестан!), Каттаганской и Бадахшанской и областях: Восточной, Южной, Фаррахской и Мейменинской эмир ставит начальников по своему усмотрению. „Основной закон" очень подробно очерчивает обязанности должностных лиц в особенности в области внутреннего управления. Здесь его указания исчерпывающи до степени „полицейского" государства. Так § 162 возлагает на начальника уезда открытие школ, вербовку учителей и поощрение образования, „побуждение к прогрессу" в области земледелия и торговли, а с другой стороны—к его же обязанностям относит аресты и поимку преступников и пр. Начальники должны управлять согласно Шариата и, например, начальники участков, согласно § 171, обязаны постоянно принуждать население своего участка поступать согласно этим законам. Они же немедленно должны исполнять приказы, относящиеся к штрафу за убийство (цена крови!), именно, передавать родственникам убитого и в казначейство по 3.500 рупий (всего 7.000 рупий), при чем должны выяснить: желают-ли родственники убитого воспользоваться § 171 „конституции" (подвергнуть убийцу штрафу или смертной казни). Начальник же участка должен смотреть за соблюдением санитарных правил и чтобы все граждане использовали бы передвижную медицинскую комиссию—одним словом он должен всесторонне опекать обывателя. Опекать при одном лишь

коррективе—„совещательном" управлении. Последнее под его председательством состоит из 3-х лиц, избранных населением (§ 174). Пассивный избирательный ценз для начальников участков (170): грамотность, добродетельность, известность, происхождение „из *ханского рода племени*" и возраст 25 лет.

Необходимо отметить и описать эту *сеть представительных учреждений*, которая намечена по основному закону А. 1921 года.

Вверху этой сети стоит Государственный Совет (§ 88). Независимо от сказанного о нем выше Министерство Госуд. Совета—орган лишь полу-представительный, ибо состав его (§ 93) выборный лишь наполовину, остальные же члены по назначению („природные"). Эти последние, в отличие от выборных членов, называются также „действительными" членами Государственного Совета. Выборы должны производиться согласно особого положения по одному делегату от провинции и области, от Кабульской-же больше,—именно, от столицы и от губерний этой провинции по одному и, наконец, от самой Кабульской провинции—один делегат. Функции Государственного Совета (не касаясь судебной) чисто совещательные, именно, на его обязанности лежит дача заключений по законопроектам для утверждения их эмиром (95). Принимая, наконец, во внимание, что председатель Государственного Совета входит в состав Совета Министров (§ 90), надо притти к выводу, что высшее полупредставительное учреждение А. отнюдь не является какой-то палатой представительного строя, но есть „Совет, при особе государя", не больше. В нем обнаруживается и часть функции Сената дореформенной России.

Функции Афганского „совещательного" Государственного Совета (Министерства) довольно обширны: толкование законов, составление законопроектов для издания новых законов, или изменения, или дополнения старых, суд над высшими чинами государства (§ 91).

Соответственно этому высшему „представительному" учреждению и нисшие представительные органы, конечно, не могут иметь решающих функций и во всяком случае не могут вывести „конституции" А. из кавычек.

Сверху до низу согласно „основному закону" в А. идет сеть полупредставительных, совещательных учреждений: *провинциальных, губернских, уездных, участковых.*

Активным и пассивным избирательным правом в такие учреждения пользуются (§ 141) лица, платящие малиат (налог) с земли и пользующиеся доверием общества, занимающие видное положение в нем главы больших племен. Сроки полномочий депутатов во всех совещательных собраниях по основному закону 1921 г. были пять лет, по положению о государственном устройстве 1923 г. 3 года.

Провинциальное совещательное *собрание*, не что иное как совет при генерал-губернаторе. Последний не обязан непременно поступать согласно постановлению совещательного собрания и ответственность за управление провинцией лежит всецело на нем (§ 143).

То же можно сказать и относительно *инициативы* (внесения вопросов на обсуждение), возложенной по основному закону на генерал-губернатора (§ 144). В компетенцию провинциального собрания включены следующие вопросы и дела: финансовые, общеполезные (пути, торговля и пр.), городское управление, гражданские и охраны, также дела, поступающие на обсуждение из нижестоящих совещательных собраний для окончательного решения властью провинций и проч.

При губернаторах, почти совершенно одинаковых в обязанностях и правах с генерал-губернаторами, находятся также *совещательные*

собрания губернские. Таков же и состав их — наполовину по назначению, наполовину выборный: по одному депутату от уезда и от губернского города (§ 131).

Та же почти компетенция, те же функции (§ 132). Членами по назначению здесь являются начальствующие лица, начиная с управляющего финансами (мустоуфии), автоматического заместителя губернатора (§ 151).

Все вышеизложенное можно приложить и к *уездному совещательному собранию* (§§ 164 и 165), причем выборный состав здесь определяется из расчета по 1 от каждого участка, из числа входящих в уезд, и одного члена, выбранного от самого уездного города. В уездном Совещательном Собрании обсуждаются все вопросы уезда. С разрешения уездного начальника уездное совещательное собрание может по незначительным преступлениям давать заключения (§ 166). Наконец, еще одна административная единица *участковая* (волостная) также имеет свое *совещательное собрание* под председательством начальника участка из трех выборных членов (§ 174). *Здесь членов по назначению уже не имеется.* Функции и компетенция участкового совещательного собрания очерчены очень кратко, но они в типичном сходны с компетенцией уездного совещательного собрания. Особенностями же являются: начальник участка может держать под арестом не свыше 3-х суток и при том согласно постановления своего совещательного собрания; на арест же свыше 3-х суток требуется разрешение уездного начальника. Ограничен участковый начальник также и в отношении наложения ареста на упорствующих в платеже налога на землю (малиат—§ 172), такое право предоставлено законом лишь более высокой уездной власти.

Центр тяжести всей приведенной системы лежит в полуконтроле по отношению к бюрократическому аппарату. При чем даже и в высшем из таких полупредставительных учреждений, в Государственном Совете, можно видеть тоже только некоторый самый незначительный корректив для исполнительной власти, ибо министры не несут перед ним никакой ответственности и отчитываются, да и то номинально, перед Дурбаром. Но и Дурбар дает эмиру лишь заключения. Другое дело Лоэ-Джирга. Оно созывается в других, совершенно исключительных случаях: утверждения основного закона, одобрения в целом деятельности самого эмира. Лоэ-Джирга является, несомненно, своеобразным с'ездом с учредительными функциями и не предназначен для повседневного, так сказать, регулирования государственной жизни.

Что касается бюрократического аппарата местного управления, то ни один из начальников перед своим соответственным совещательным собранием не отчитывается.

Вся нынешняя система государственного управления А. как будто до некоторой степени напоминает проект Сперанского с его[1] сетью дум сверху донизу и с таким же нерешительным контролем исполнительной власти... И все же, по сравнению с деспотическими прежними порядками в Афганистане, реформа 1921 года сделала большой шаг вперед. Государственное же устройство 1923 г. дело еще упорядочило, не меняя его однако в принципиальном *отношении.*

Взамен описанного основного закона 1921 года в последующем 1923 г. Аманулла-хан „повелел“ внести в свод законов *обновленное государственное устройство Афганистана.* Несколько таких законов

---

[1]) См. Е. Лундшувейт, ор. cit., ч. 2-ая „Совет. Право“ № 5(23) 1926 г., стр. 83; тоже В. Н. Дурденевский, ор. cit., стр. 71, примеч. 2.

1923 г., например, основной закон от 10/IV, дополнение к нему от 7/V и закон об управлении от 21/V - 23 г. нынче там и действуют.

Основной закон (*1923 г.*), говорится в 73-й статье его, утвержден министрами солидарно со всеми представителями на Люй-Джирга в Восточной области (Джелаллабаде), созванном для его выработки и снабжен печатью *872* участников этого *„Меджлиса“* [1]) (курсив мой. И. К.).

Содержание основного закона 1923 г. обнимает собою: как-бы общие положения (ст. 1-7), „Публичные права подданных“ (стт. 8-24), „Министры и чиновники“ (стт. 25-38), Совещательное Собрание и Государственный Совет (ст. 39-49), суды,—„Верхсуд“ (стт. 50-57), „Дела финансовые“ (стт. 58-62), „Местное управление“ (стт. 63-67) и, наконец, „Различные статьи“ (стт. 68-73).

Дополнением к этому основному закону является подробнейшая *„система управления“*, в 243 параграфах *от 21 мая 1923 г.*

Основные черты нынешнего основного закона А. (10/IV—23 г.) заключаются в большей четкости, нежели основной закон 1921 г. и в дальнейшем продвижении и углублении реформы; однако, как уже было сказано, без принципиальных изменений существа государственного строя[2]), он остался все еще „полицейским“. Однако в статье 44-ой основного закона, как правильно отмечают Е. Лундшувейт и проф. В. Н. Дурденевский[3]), имеется указание на ограничение эмирской власти со стороны народного суверенитета. Так—„наследник будет *избираться*[4]), *эмир же будет править на основании настоящего основного закона* и согласно благородного шариата“ (курсив мой—И. К.). Значит ли это, что эмир обязан следовать „основному закону“, как конституционный монарх и за кем в стране имеется пересмотр конституции? Оказывается (см. ст. 70), что этот пересмотр производится принятием $^2/_3$ голосов в Государственном Совете, утверждением собранием министров и „его величеством“. Но Государственный Совет Афганистана—учреждение с совещательными функциями, а „высокое собрание министров“ ответственно всецело перед его величеством и только перед ним. Таким образом, становится ясным, что только при благоприятных условиях соотношения сил в сторону народного суверенитета, т. е. по *неписаной* конституции (в стиле Лассаля) эмира можно признать ныне более ограниченным, нежели по основному закону 1921 г.

О той же *безграничной* компетенции эмира говорит и ст. 7-а осн. зак. 1923 г.

Однако все это—вместе с прокламированием равенства религии и таким же признанием формального равенства граждан перед государственной властью (стт. 2 и 3)—имеет по сравнению с основным законом 1921 г., несомненно, значение дальнейшего развития государственных форм недавней еще деспотии, чему подтверждением служит отдел о публичных правах *подданных* А. с формальным признанием личной свободы, равенства и проч., с отменой пыток... Но в отделе о министрах не найти и тени их ответственности перед кем-либо кроме эмира[5]). Все же представительные учреждения страны остались

---

[1]) Лишнее доказательство того, что Люй-Джирга ни в какой мере не может быть рассматриваемо, как говорит Лундшувейт, за вече и даже за нижнюю палату. Это, конечно, чрезвычайный С'езд, напоминающий как бы Земские соборы.

[2]) В. Н. Дурденевский находит, что основной закон 1923 г. идет гораздо дальше О. З. 1921 г., что с моей точки зрения едва ли можно защитить, op. cit, стр. 71.

[3]) Е. Лундшувейт, op. cit., стр. 64-65; В. Н. Дурденевский. op. cit., стр. 71.

[4]) Социологически здесь большого новшества в сущности нет.

[5]) См., напр., ст. 31. Все сказанное Е. Лундшувейтом, op. cit., о министрах как „кабинете“, какое-то недоразумение в госуд. правовом смысле. В том же почти духе и рассуждение Е. Лундшувейта о Госуд. Совете А. (см. стр. 70 и 73).

совещательными, не исключая и Государственного Совета; лишь „легислатура“ стала короче. Таким образом, по основному закону 1923 г. в руках эмира, раз он уже избран, все виды государственной власти и все важнейшие вопросы, начиная от войны и мира до амнистии общей и частичной и т. д. (ст. 7).

В чем же прогрессивное значение основного закона А. 1923 г.? Оно, помимо приведенной выше ст. 4 об избрании наследника престола, заключается в этом „записанном“, упорядоченном ведении государственных дел в стиле некоей оформленности абсолютизма, в формальном, правовом уравнении всех граждан перед законом в качестве подданных. И это уже одно для беззащитного населения А. феодально-деспотической эпохи представляет, конечно, прогрессивный шаг.

Переходя к рассмотрению *центрального аппарата* А. по основному закону 1923 г., необходимо отметить сокращение Министерств и сейчас, считая в том числе и Министерство Государственного Совета, „всего—8“. „Реформы, говорит И. Рейснер[1]), создают в А. новый насквозь бюрократический аппарат. Их общий дух—это дух полицейской опеки, всеоб‘емлющего бюрократического надзора“. Не гарантированы в нем фактически и *свободы*. Тем не менее, общая картина реформ в этом духе намечена последовательно, всеоб‘емлюще и выдержанно, говорит тот же автор и во всем этом находит, что нельзя не видеть роста торгового капитала и его движущей прогрессирующей силы[2]).

Прогрессивно-настроенный глава государства старается охватить подробно всю „*систему управления*“. Предисловие к нему определяет, что обязанности управления в А. возложены на Совет Министров и самостоятельные управления (§ 1). В дальнейшем—в 243-х параграфах изложена вся система управления на подобие других государств абсолютного типа (сравни закон для Британской Индии 1919 г.). Таким образом, дальнейшие подробности системы управления А. по закону 1923 г. выступают в следующем виде: в случае надобности по докладу эмиру со стороны министров на места посылаются *контрольные комиссии* (§ 2), председатель и два члена, которые избираются эмиром, другие-же члены назначаются министрами и самостоятельными управлениями. Контрольные комиссии руководствуются в своей работе особыми положениями.

Глава первая „Системы управления“ определяет состав центрального управления, при чем изменения по сравнению с законом 1921 г. выразились в том, что Государственный Совет, кстати сказать, не созывавшийся до 1924 г., отнесен нынче прямо в сеть министерств (§ 5), а контрольная комиссия, по крайней мере юридически, выпала из состава Министерства Внутренних Дел (§ 149)[3]). Централизация в Кабуле и Кабульской провинции сохранена: Вали Кабула, генерал-губернатор, губернатор и начальник уезда здесь подчинены непосредственно эмиру (§ 27), в остальных же местах все администраторы подчинены министру внутренних дел (§ 25-32). Секретариат—генерал-губернаторов и письмоводители уездов избираются соответствующими совещательными собраниями (§ 30).

В Министерстве Юстиции выделена „высокая кодификационная комиссия“, председатель которой и высшие судьи, до казийских кассационных судов включительно, назначаются эмиром (§§ 33-39). Имеет-

---

[1]) Op. cit., стр. 51.

[2]) И. Рейснер, op. cit., стр. 54.

[3]) И хотя министерство внутренних дел А. не включает в себя жандармерию и полицию, тем не менее контрольной комиссии быть в нем едва ли уместно.

ся также другой интересный институт—так называемое совещание по выбору чиновников М-ва Юстиции (§§ 38-39).

В организации министерства народного *просвещения* по закону 1923 г.—значатся средние школы и учительские семинарии, в том числе и женские (§§ 48 и 49) и, наконец, даже высшие школы (очевидно, в последнем случае речь идет о повышенного типа медрессе (§ 52)[1]). Но все же им придается, видимо, большее значение, ибо заведывающие ими избираются министром просвещения и утверждаются эмиром.

По новому закону пытки, наконец, отменены и не только уже „принципиально", как было в „основном законе" 1921 г.[2]). Но *цена крови* все еще осталась (§ 141, п. 2). Однако казни взамен ее, по заявлению родственников убитого, уже не обозначено[3]), а остался один штраф и уголовное наказание, налагаемое государством. Следовательно, кровной мести в А. нынче кладется грань, как больше тысячи лет назад было в других государствах. За некоторые преступления смертная казнь в А. сохранена, но приговор суда в таком случае подвергается тройному пересмотру, а конфирмация всегда у эмира, за исключением специальной делегации генерал-губернаторам при исключительных положениях.

Новый основной закон вводит и такие положения, которые усиливают размер административных взысканий; например, начальник участка, правда с одобрения соответствующего совещательного собрания, может нынче налагать за безнравственные (?) преступления арест не свыше 10 дней, или штраф не свыше 100 руп. (§ 142).

Небезинтересны и характерны нижеследующие постановления: для подсудимых чиновников их начальство должно нанять правозаступника (§ 172). Чиновники, осужденные за безнравственные (?) преступления, отбывают наказание в особых тюрьмах (может быть из опасения, что с ними в тюрьме расправятся другие заключенные?).

Министров судит назначаемый эмиром Верховный Суд (§ 186). Приговор утверждается, конечно, эмиром.

Производство в офицеры и дальнейшее повышение их возможно лишь за личные заслуги, образование или большой стаж (§ 195).

Новый закон уделяет много внимания властям судебной и охранительной, которым посвящен раздел II-ой.

Судебная власть А. признана свободной от вмешательства кого-бы то ни было под страхом ответственности (§ 205). Суд гласный. Допускаются защитники в случае согласия противника нанимать правозаступников (§ 207). Иностранцы защищаются Афганскими судами „не пользуясь никакими привилегиями" (§ 206).

Судоустройство представляется в следующей системе: *суды первичные и кассационные*; кроме того, суды *мировые* выборные.

Мировые судьи разбирают гражданские и торговые дела исключительно путем примирения сторон. Решения их окончательны. В случае непримирения дело переносится в первичный суд (§§ 210-212).

---

[1]) И. Рейснер, op. cit., стр. 45, говорит, что школа „Хабибие" значительно расширена. Ее программа пересмотрена в сторону усиления естественных наук. Дальнейшая тенденция—переобразовать ее в Университет. Однако, вслед за успехами в деле просвещения после восстания 1924 г. здесь происходит остановка и даже поворот назад; женские школы по постановлению на Люй-Джирга закрыты, как противостоящие шариату (см. Е. Лундшувейт, op. cit., стр. 83).

[2]) К сожалению, после восстаний 1924 г. опять были восстановлены, по крайней мере, наказание плетьми (см. Е. Лундшувейт loco cit.).

[3]) Считают, что требование уголовного наказания для убийцы еще осталось.

Первичные суды. Разбирают гражданские и торговые дела на сумму не свыше 300 руб. По уголовным делам решения их могут быть обжалованы в кассационный суд, а приговоры с долголетним тюремным заключением идут автоматически в кассационный суд. Приговоры же со смертной казнью идут даже (обязательно для нового пересмотра) в высшую судебную комиссию М-ва Юстиции (§ 215).

Состав последних судов избирается в М-ве Юстиции. Смертная казнь и долголетнее тюремное заключение утверждаются эмиром (§§ 222-3). Суды решают дела на основании уголовного и гражданского кодексов, составленных по Шариату (§ 226) [1]).

Охранительная власть представлена полицией и кутвали. Войска последних оказывают в нужных случаях помощь полиции в городах, или заменяют ее в селениях (§ 227).

В провинциях и областях городскими делами заведывают особые чиновники по городским делам, действующие на основании особой инструкции (§ 235).

„Окончание" новой системы управления А. посвящено *„избирательной системе по выборам членов совещательных собраний и Государственного Совета"*.

Здесь указаны те-же своеобразные цензы, что и в основном законе 1921 года и очень кратко техника выборов. Сроки полномочий выбранных здесь уменьшены до 3-х лет. Суть этой избирательной системы заключается в следующем: *в волостях*—избираются 4-ре члена, из коих три становятся членами совещательного собрания волости, а один, выделенный ими из своей среды, идет в совещательное собрание высшей административной единицы. Избирательные цензы: уплата налогов, опыт в общественных делах, неопороченность (добродетельность), незадолженность государству;
в участковых—от центра два депутата, из которых один уходит в совещательное собрание высшей единицы, плюс по одному от волостей, а если участок без волостей или волость одна, то выборы происходят как в волости;
в уездах—также по два представителя идут в высшее совещательное собрание высшей единицы.
и, наконец, *в провинциях и областях*—по два от провинции, 4 от Кабула, плюс выбранные представители от уездов, участков и волостей. Они выделяют представителей в Государственный Совет по расчету: от Кабульской провинции 5 депутатов, Кандагарской и Гератской по 4, Туркестанской и Восточной по 3, Каттагано-Бадахшанской, Южной и Мейменесской по 2, а от Фаррахской—1.

Окидывая „конституцию" Афганистана одним *общим взглядом,* видим, что вся власть сосредоточена в руках эмира (раз он уже избран), без какого-то ни было ограничения его по „конституции", если не считать ограничений, указанных в ст. 4-ой относительно избрания наследника. Так что, ограничения эмира могут быть лишь фактическими, вытекающими из соотношения его с племенами, классами и группами населения, „мирным образом" выливающиеся на Люй-Джирга. Таким образом, форма правления А. осталась абсолютной с тенденцией однако к полупредставительству. Позади государственных реформ А. 21-23 г.г. осталась лишь деспотическая форма правления.

Юридически для эмира возможно все: и амнистии, и об'явление войны, и заключение мира, хотя сущность современного А. и указы-

---

[1]) Введенный было уголовный кодекс по образцу турецкого, ввиду постановлений на Люй-Джирга 1925 г. дополнен новеллой, приближающей дело к шариату, другими словами, усиливающей влияние духовного судьи (см. Е. Лундшувейт, op. cit., стр. 83).

вает на фактическую зависимость (связанность) эмира от влиятельных племен, духовенства и феодалов [1]). Нынешняя конституция путем делегирования власти Совету Министров и Государственному Совету пока лишь наметила пути для распределения властей не в смысле, однако, системы конституционно-ограниченного государства, а в смысле разграничения функций, именно, хоть какого-нибудь обособления законодательства от управления подобно абсолютным государствам позднейшего периода.

Законодательная власть, не говоря уже об исполнительной, в А. осталась в руках эмира попрежнему, однако и здесь видны попытки некоторого упорядочения в смысле проведения закона (инициатива, рассмотрение, утверждение), также в смысле построения и проведения бюджета (все это вытекает из статей о Совете Министров, контрольных комиссиях и Государственном Совете).

Государственный Совет А. только отчасти напоминает собою по некоторым своим функциям аналогичные учреждения в абсолютных государствах, например, быв. Госуд. Совет и Сенат в России эпохи до 1906 г., а по составу *полихромные* госуд. советы—таких государств, как Испания, Россия эпохи 1906-1916 г.г., Персия, Румыния, Япония—именно, половина членов по назначению („природных"), т. е. по рождению как бы наследственных, другая половина по выбору. Формально он, Государственный Совет, А. введен в сеть министерств и т. о. он даже не палата.

Положение главы государства по Афганской „конституции" 1921-23 г.г. очерчено в общем слишком кратко, с существенными пробелами. Впрочем, подробности едва ли уж так и нужны для обрисовки власти *неограниченной*. Упоминание в ст. 5 конституции 1921 г. и в ст. 32 основного закона 1923 г. о недопущении словесных приказов эмира [2]) говорит о тех же чертах абсолютных монархий позднейшего периода. То же было и в других *абсолютных* государствах, например, в России при Петре I-м (первая половина его правления). Запрещение ссылаться на словесные приказы монарха вызывается, очевидно, желанием установить средство против злоупотреблений. Основной закон А., как мы видели, скуп на обрисовку верховной власти. Так, например, при неограниченных пределах власти эмира А. регентство все-же должно было быть хоть лаконически, но очерчено, а этого нет.

Основной закон 1923 года делает шаг вперед в отношении признания прав граждан (§ 103-120), хотя это признание, больше с принципиальной стороны, недостаточно обеспеченное фактически.

За 2 года с 1921 по 1923 год совершенно определилась тенденция к отмене пыток, нынче не допускаемых даже и „принципиально"; надо надеяться, что на Лое-Джирга часть их была восстановлена лишь временно. Все еще оставлены в арсенале мер воздействия телесные наказания, и никак не выпадает „цена крови", кровная месть. Реформа 1921 года была не достаточно глубока для того, чтобы преодолеть этот архаический институт „государственное устройство А." 1923 г. делает шаг вперед лишь в том, что устраняет требование со стороны родственников убитого головы убийцы, вместо штрафа в их пользу.

---

[1]) Так, после заключения мира с Англией в 1919 г. эмиру приписывают слова о том, что „его к заключению мира принудил Государственный Совет (Дурбар), а сам он никогда не сложил бы оружия".

[2]) Если министр получит устное приказание эмира, то должен получить и письменное на то распоряжение.

Что касается *представительных учреждений* в А., то они серьезного значения не имеют и нынче, так как все они с совещательными лишь функциями. Ни о какой однопалатности или двупалатности здесь говорить не приходится, и вся сеть совещательных учреждений заставляет говорить о конституциях 1921-23 г. в узко-формальном смысле, как о „конституциях“ в кавычках. Это лишний раз подтверждается и избирательным правом А. Оно имущественно цензовое, при чем признак классовый и „племенной“ выражены очень резко для *пассивного* избирательного права и менее резко для *активного*.

Переходя к органам *исполнительной* власти, необходимо отметить довольно четкое отграничение ее функций от власти судебной, свободной от постороннего вмешательства. Но здесь речь, конечно, может итти не о конституционном разделении властей, а лишь о распределении функций. Никакой политическо-парламентской ответственности министры А. перед представительными учреждениями не несут и нести не могут, т. к. учреждения то эти без решающих функций.

В общем, как можно видеть, особой революционности в госуд. реформе А. 1921-23 г. с европейской точки зрения нет, тем более, что все реформы обращаются в рамках шариата. Но с локальной, восточной точки зрения и диалектически в государственной реформе 1921-23 г. приходится видеть довольно резвый прогрессивный ход вперед[1]).

Конечно, выражаясь словами профессора М. А. Рейснера[2]), можно сказать, что получается невольный подлог, когда „на стенах полицейского государства“ стремятся расписать яркими буквами: „Закономерность управления, публичные, суб‘ективные права, самоуправление“ и получается, что, с одной стороны, „азиатское всевластие бюрократии, а с другой, абсолютизм опирается на поддержку печати за границей“. Так говорилось о русском абсолютизме конца XIX века.

Реформа 1921-23 г. г. в А. представляет собою отчасти родственное явление, или, как говорил еще Сперанский: „—в таких случаях мы имеем дело лишь с „видимостью“ представительства и ограничения исполнительной власти. Тоже и в А.

Но только что произведенный анализ Афганской конституции, есть анализ формальный, юридически-догматический. Живая жизнь, социологический анализ или другими словами изучение того, как Афганская конституция проявилась в жизни, дает еще меньше, ибо, например, Афганский Государственный Совет даже и в тех скромных тонах, которые намечены для него по „конституции“, до 1924 г. ни разу не собирался; судебно-контрольная комиссия также не проявила себя, как было намечено в „основном законе“; да и многое другое, чрезвычайно важное, не было осуществлено в жизни. Всему этому были свои причины, о чем ниже.

IV.

Условия и обстановка, в которых применялся новый основной закон.

Конечно, правильно говорит позднейший исследователь А., что между юридической конструкцией государственного строя А. и живой жизнью нет индентичности[3]). Силы прогрессивно-настроенного правительства оказались слабыми по сравнению с противниками реформы.

---

[1]) Правильно это отмечено проф. В. Н. Дурденевским. „Конституции Востока“, Введение, стр. 10.

[2]) „Русский абсолютизм“ и „Европейская реакция“, стр. 65-66.

[3]) Е. Лундшувейт, ор. cit., стр. 82.

Мусульманское духовенство, феодалы землевладельцы, кочевники, старое чиновничество и часть крупной буржуазии—по разным причинам выступали против реформы. Большинство против новых налогов, другие за прежнюю автономию племен, те против введения воинской повинности, а эти против нового уголовного кодекса, третьи, наконец, против раскрепощения женщины Востока.

Начиная с 1920 г. то тут, то там вспыхивали бунты, а когда с этим вопросом власть справилась, то в 1923 г. снова вспыхнули беспорядки в других местах и по другим поводам. Но наиболее опасным для новой власти было восстание в районе Хоста в марте 1924 года среди первобытных племен; это восстание доходило до настоящих сражений (битва при Альтамирском перевале)[1]). Правительство хотя и одержало верх, но, в виду вспыхивавших бунтов в других местах, вынуждено было сделать ряд уступок реакционерам. Дело доходило до постановки на Лое-Джирга вопроса об одобрении всей реформаторской деятельности эмира[2]). Одобрение эмиру, полагавшему в противном случае сложить власть, было дано. Но, согласно с постановлением Лое-Джирга, эмир должен был сделать существенные уступки[3]) духовенству в области Уголовного Законодательства, закрыть *женские* училища[4]) и т. д. Но все вместе взятое может говорить лишь о некоторой задержке реформы, а не о приостановке ее, ибо торговый капитал А. двинулся вперед и повлечет за собою дальнейшее переустройство страны[5]).

Рано еще, говорит исследователь реформ молодого государства[6]), подводить итоги реформам нынешнего правительства А. при таких

---

[1]) Он-же, op. cit., стр. 82-83 и И. Рейснер—op. cit., стр. 63-64.

[2]) Он-же, loco cit.

[3]) Некоторым писателям эти уступки, сделанные эмиром, дают повод отзываться о нем, как о непроявившем достаточно упорства, устойчивости. На Лой-Джирга 14 июля 1924 г. административно-реформаторская деятельность эмира во многом была осуждена и были внесены коррективы в его начинания. Но люди лично знакомые с реформами А. и современными деятелями, уж если на то пошло, находят эмира на целую голову выше всех окружающих

Интересный портрет Амануллы набросан в 1922 г. покойной Л. Рейснер: „У эмира огромный природный ум, воля и политический инстинкт. Несколько столетий тому назад он был бы халифом, мог бы разбить крестоносцев в Палестине, торговать с попами, сжечь множество городов, а на развалинах их построить новые... Но в наши дни, затиснутый с своей громадной деспотической волей между Англией и Россией, Аманулла становится реформатором и, принужденный отказаться до поры до времени от истребления христианских городов и кафиров, обратился к преобразованию и мирному прогрессу. Но это для „властелина" лишь передышка для подготовки захватной войны... которую нельзя совершать с деревянными стрелами и луками. Нужна техника (см. Архив Полпредства СССР в Ср. Азии).

[4]) Эмир хорошо сознавал нужду в просвещении для своей страны, которую хотел покрыть сетью школ, в том числе открыть, наконец, и женские школы. Одна из таких была открыта. Ее приходилось вести героическими мерами: директриссой являлась жена эмира, инспектриссой—сестра, классные дамы—жены прогрессивных сановников. Трогательной представлялась картина, когда девушки писали в один „смотровой" день на классной доске „сочинения", в которых отмечали, что совершается небывалое в А.: открыта первая женская школа, чего никогда нельзя было и допустить. То, чему учили девиц, нелепо „и немного даже страшно". На карте они знают только границы старых, когда то непобедимых мусульманских царств, да те эфемерные пределы, которые грезятся до сих пор яростным панисламистам. Европейцы-представители презренной части человечества... Всех глубоко потрясает несчастная судьба Ислама... Неохотно и неумело решается незатейливая арифметическая задача, упорно неумещающаяся в фанатическую, веками затуманенную, голову афган-женщины. Но все же мелькают в речах учительниц и патронесс слова: „прогресс, культура, автомобиль, телефон, телеграф"... (см. Архив Полпредства СССР Ср. Азии). Очерки Л. Рейснер.

[5]) Е. Лундшувейт, op. cit., стр. 83-85.

[6]) Ср. Рейснер, op. cit., стр. 40.

неустоявшихся соотношениях внутренних сил страны, не дающих отлиться ее „конституции“ с нужной устойчивостью. Но тенденции уже вырисовались с ясностью. Они заключаются в борьбе за создание национально-централизованного государства через крушение феодализма. И скоро ли, долго ли, но поражение последнего, как известно, должно наступить по законам развития общества. Вопрос, следовательно, идет только относительно быстроты и об‘ема проводимых реформ. Здесь исследователи современного А. довольно единодушно считают, что эти реформы, не насчитывающие еще и 10 лет, „уличающе“ значительны по своему охвату и продвинули жизнь страны больше, чем последние полвека[1]). О том уже говорит и документация, и современная жизнь А., несмотря на временные успехи реакционеров. Обрисовывая государственную реформу А. 1921-23 г. в нескольких словах, скажем:

1) Она ввела деспотический феодальный А. в фазу „*полицейского*“ государства.

2) „Конституция“ 1921-22 г. А. не может быть вынута из кавычек даже с точки зрения чисто юридически-конструктивной.

С точки зрения социологической, современный Афганистан также не может быть назван конституционным.

3) Но для прежней совершенно изолированной деспотии, государственная реформа А. 1921-23 годов является, несомненно, остро-прогрессивным фактором, вызванным, независимо от конкретных причин, товарным развитием в Афганистанском хозяйстве.

4) Задержка реформ в Афганистане, хотя-бы и при мощном содействии заинтересованных, будет поэтому лишь временной[2]).

---

[1]) Он-же и В. Н. Дурденевский „Предисловие“ к „Конституциям Востока“, тоже Е. Лундшувейт.

[2]) Утверждает (И. Рейснер, op. cit., стр. 64), что в восстании в Хоста устанавливается с ясностью (во всяком случае косвенное) участие Англии, очевидно неприемлющей нынешнего эмира и наоборот. Интересен эскиз наблюдателя афган. действительности: „Эмир всегда не спокоен и подозрителен в присутствии англичан, злится на их развязные манеры, в которых предполагает презрение. Всегда грузный, он становится в присутствии белых шлемов тривиальным, гнетущим, невыносимым. Его лоб горит... Сбросив каракулевую шапку, надевает нелепый соломенный колпак местного производства. Грузный—обмахивает залитое лицо конским хвостом, вделанным в деревянную ручку... Смешно? Пусть! Нелепо? Тем лучше! Великодержавной небрежности противостоит варварская сила, дикарская независимость, только что поднявшаяся с четверенок на задние ноги при помощи суковатой дубины (Л. Рейснер).

Мікола Гуткоўскі

Беларуская праўная тэрміналёгія [1])

Пасьля канчатковага ўзмацненьня Савецкае Ўлады на Беларусі— другая палова 1920 году—пачалася ў нас практычная работа па будаваньні новага культурна-грамадзкага жыцьця.

Але ў гэтай рабоце і Савецкі Ўрад, і беларускія культурныя работнікі спаткалі значную перашкоду. Выявілася, што пры ўсім лексічным багацьці беларускае мовы ў ёй бракуе азначэньняў кніжных, навуковых разуменьняў.

Бракавала слоў і для азначэньня разуменьняў у грамадзка-праўнай галіне.

Вось чаму першыя пяць год існаваньня Савецкае Улады на Беларусі ўсё заканадаўчыя акты ўраду, усе адміністрацыйныя распараджэньні і справаводзтва, за нязначнымі выключэньнямі, пераважна па лініі народных камісарыятаў Асьветы і Земляробства, выдаваліся і праводзіліся на мове расійскай.

Але праўная тэрміналёгія ўжо пачала апрацоўвацца з сярэдзіны 1921 году і мае, такім чынам, сваю пяцёхгадовую гісторыю, якая мала каму вядома.

Падносячы шаноўнаму сходу сёньняшні наш даклад аб беларускай праўнай тэрміналёгіі, мы знаходзімся ў некаторым затрудненьні па двух прычынах.

Першая прычына тая, што спраэктаваная ў свой час і прайшоўшая некалькі камісі праўная тэрміналёгія ужо другі раз папала на канчатковы прагляд Правапісна-Тэрміналёгічнаи Камісіі Інстытуту Беларускае Культуры і застрала ў яго Выдавецкім Аддзеле. Хаця гэта тэрміналёгія тры месяцы як набрана у друкарні, аднак, па тэхнічных прычынах яна да гэтага часу не магла убачыць сьвету. [2])

Праўда, нельга сказаць, каб праэкт праўнае тэрміналёгіі ня быў зусім нікому вядомы. Блізка году назад Кіраўніцтва Спраў СНК адбіла рататарскім спосабам 300 экзэмпляраў праэкту тэрміналёгіі і разаслала іх ва ўсе цэнтральныя дзяржаўныя ўстановы і ў акруговыя раённыя выканаўчыя камітэты з просьбаю прысланць аб ёй свае водзывы. Папала гэтая тэрміналёгія і некаторым практычным работнікам правашым праваабаронцам і юрысконсультам. Але пазьней, у ліпені месяцы 1926 г., гэты праэкт яшчэ раз быў прагледжаны праўнаю камісіяю і асобна Правапісна-тэрміналёгічнаю камісіяю ІБК і ў яго ўнесены некаторыя папраўкі і дадаткі. Такім чынам, паказаны праэкт, што быў распаўсюджаны Кіраўніцтвам Спраў СНК, не зусім апавядае канчатковаму праэкту, які знаходзіцца ў друку.

Другая прычына. Дакладчыку, як асобе, прымаўшай актыўны удзел у распрацоўцы праўнае тэрміналёгіі, не выпадае займацца кры-

---

[1]) Даклад, прачытаны ў Юрыдычнай Сэкцыі Навуковага Таварыства пры Беларускім Унівэрсытэце 22 лістапада 1926 году.

[2]) У красавіку 1927 г. праўная тэрміналёгія выйшла ў сьвет.

тыкаю гэтай работы, а прыходзіцца абмяжоўвацца пераважна гістарычнаю спраўкаю аб распрацоўцы праўнае тэрміналёгіі і аб тых прынцыпах, на якіх яна пабудована.

Хаця грунтоўнае крытыкі над выданымі ІБК на працягу 1921-1926 г. г. тэрміналёгіямі па розных галінах навук да апошняга часу ня было, але тое, што пісалася і гаварылася аб іх сьведчыць, што гэтыя тэрміналёгіі ня лічацца канчатковымі, бяспрэчнымі, што яны складаліся без захаваньня пэўных прынцыпаў, што ў іх многа штучнасьці і адарванасьці ад жывое мовы і ад вымаганьняў навукі.

Тлумачыцца гэта тым, што амаль усе тэрміналёгіі апрацоўваліся з вялікаю сьпешкаю, яны ўтвараліся з гары, у габінэце, адарвана ад жывое мовы. Ня было, напрыклад, напісана ніводнае работы па літаратуры, па псыхалёгіі і лёгіцы, а тэрміналёгія па гэтых галінах была ўжо зложана. Праверыць дапасоўнасьць яе на практыцы было нельга. Тэрміналёгія ня выходзіла з арганічнага разьвіцьця беларускае мовы, а наадварот, у пэўнай ступені, зьвязвала жывую мову некаторымі вельмі штучнымі, мове беларускай неўласьцівымі, народу не зразумелымі словамі. Адсюль нараканьні на беларускую тэрміналёгію.

Можна з пэўнасьцю сказаць, што кожны аўтар, які піша арыгінальную навуковую работу, не заўсёды блізка прытрыліваецца тэрміналёгіі па сваёй галіне. У працэсе сваей работы ён адчувае недакладнасьць некаторых тэрмінаў і бывае прымушан замяняць іх другімі, тварыць свае тэрміны.

Бязумоўна, выплыве і ўжо выплывае пытаньне аб патрэбе пераглядзець выданыя Інбелкультам раней тэрміналёгіі.

Само сабою паўстае пытаньне, як рабіць гэтую рэвізію беларускіх навуковых тэрміналёгій. Хто павінен асабліва цікавіцца гэтым пытаньнем, хто павінен фактычна правесьці гэтую досыць крапатлівую работу.

І наша праўная тэрміналёгія, як мы ўбачым, таксама ня вольна ад памылак і недахватаў. Яна таксама распрацоўвалася ў той час, калі афіцыйнае праўнае мовы ў нас амаль што ня было, а калі зьявілася гэтая мова, у нас было вельмі мала часу, каб праверыць гэтую тэрміналёгію на практыцы. Яна апрацоўвалася ў сьпешным парадку і канчатковаю лічыцца ня можа. Праўная тэрміналёгія патрабуе свайго ўдасканаленьня і ўдакладненьня, патрабуе далейшае распрацоўкі.

Пастараемся намеціць пуці для гэтага, а галоўнае, выслухаць карысныя парады ад паважнага сходу, для якога праўная тэрміналёгія ў сучасны момант набывае асаблівую важнасьць.

* * *

Такім чынам, адсутнасьць тэрміналёгіі як навуковае, так і палітыка-праўнае, моцна перашкаджала правядзенью беларускае нацыянальнае палітыкі.

Каб дапамагчы гэтай справе, Народны Камісарыят Асьветы Беларусі ў пачатку лютага месяцу 1921 году ўтварыў пры сваім Навукова-Літаратурным Аддзеле так званую Навукова-Тэрміналёгічную Камісію. Гэтая камісія павінна была апрацаваць у самым хуткім часе (а вызначана было, паміж іншым, на ўсю работу камісіі толькі тры месяцы) беларускую тэрміналёгію па ўсіх галінах навук, у аб'ёме курсу сярэдняе школы. Праўная тэрміналёгія ў пачатковым пляне работ Камісіі на ўвазе ня мелася.

Аднак скора выявілася, што пастаўленая задача не такая лёгкая, як гэта здавалася на першы погляд. Работа па апрацоўцы элементарных тэрміналёгій у тры месяцы, зразумела, скончана ня была, а за-

цягнулася на цэлыя гады. Разам з гэтым жыцьцё паказала, што аднэю тэрміналёгіяю для школьных падручнікаў абмежавацца ніякім чынам нельга, што патрэбна тэрміналёгія тэхнічная, сельска-гаспадарчая, праўная і інш.

Нам прыдзецца спыніцца болей падрабязна на гісторыі апрацоўкі тэрміналёгій і пераважна-праўнае тэрміналёгіі, каб зрабіць з гэтага належныя вывады.

Круг асоб, браўшых удзел у рабоце Навукова-Тэрміналёгічнай Камісіі быў невялікі, усяго блізка 20 асоб з ліку старых беларускіх культурнікаў. Перавага ў гэтай камісіі належыла да прадстаўнікоў мастацкае літаратуры. Прадстаўнікі паасобных навуковых галін прыродазнаўства і матэматыкі знаходзіліся ў адзінках. Прадстаўнік права на ўсю камісію быў толькі адзін і папаў ён туды на сёмым месяцы работы гэтае камісіі.

Усе члены Навукова-Тэрміналёгічнае Камісіі былі разьмяркованы паміж трох сэкцый: гуманітарных навук, прыродазнаўства і матэматыкі. Паасобныя тэрміналёгіі даручаліся аднаму або двум членам на апрацоўку.

Пэўных, аднастайных мэтадаў работы вызначана ня было. Звычайна кожны аўтар праэкту вызначаў сябе цыкл тэрмінаў на расійскай мове і даступнымі яму спосабамі даваў на кожны расійскі тэрмін адпаведнае беларускае слова. Асноўная задача аўтара праэкту была знайсьці адпаведнае слова ў жывой народнай мове, а калі яго там ня было, аўтар або запазычаў яго з другое мовы, або ўтвараў новае слова пры дапамозе параўнаньня гэтых слоў з другімі, пераважна славянскімі, мовамі, дапасоўваючы гэтыя словы да беларускае мовы. Агульна-эўропэйскія словы-тэрміны большаю часьцю не перакладаліся, а пакідаліся ў цыкле тэрмінаў з прыстасаваньнем іх да беларускага правапісу.

Першапачатковы праэкт разглядаўся на пасяджэньні адпаведнае сэкцыі, а пасьля прыняцьця сэкцыяю тэрміналёгія разглядалася другі раз ужо на агульным сходзе ўсіх членаў Навукова-Тэрміналёгічнай Камісіі.

На агульным сходзе лічыліся прынятымі толькі тыя словы, за якія выказвалася ня менш, як дзьве трэці браўшых на пасяджэньні ўдзел членаў. Пры выявіўшайся спрэчнасьці тэрміны перадаваліся ў сэкцыю для больш грунтоўнае іх распрацоўкі і па распрацоўцы ізноў уносіліся сэкцыяю на разгляд агульнага сходу Нав. Тэрм. Камісіі.

Абгаварваючы такім спосабам на агульных сходах праэкты тэрміналёгій, мелася на ўвазе прыдаць рабоце тэрміналёгічнае Камісіі цэльнасьць і трымаць усіх членаў гэтых трох сэкцый у курсе ўсяе тэрміналёгічнае справы.

* * *

Апрацаваньне тэрміналёгіі права было даручана Нав.-Тэрм. Камісіяю члену гэтай камісіі Міколе Гуткоўскаму ў пачатку верасьня 1921 году. Спачатку мелася на ўвазе, што ў гэтай рабоце возьме ўдзел М. М. Піотуховіч, як мовазнаўца, але скора на яго былі ўскладзены другія абавязкі, і распрацоўваць праэкт прышлося аднаму аўтару гэтага дакладу.

Зразумела, аўтару праэкту праўнае тэрміналёгіі прышлося карыстацца пры распрацоўцы яе тымі мэтадамі, якія набылі права грамадзянства ў Нав.-Тэрм. Камісіі.

Першае, патрэбна было вызначыць пэўны лік слоў, якія павінны былі легчы ў аснову праўнае тэрміналёгіі. Калі гэта задача ў любой

прыродазнаўчай навуцы вырашаецца досыць проста, вызначыць цыкл праўнае тэрміналёгіі куды цяжэй.

„Няма другое навукі—гаворыць праф. Коркунов,—якая так блізка датыкалася-б да непасрэднага жыцьця. Можна, бадай, спаткаць чалавека, які на працягу ўсяго свайго жыцьця не зацікавіўся пытаньнямі прыродазнаўства і гісторыі. Але пражыць свой век, не задаючыся пытаньнямі права—рэч немажлівая“[1]).

Ясна, што права ахапляе ўсё наша жыцьцё. Нельга напісаць, напрыклад, вэтэрынарнага статуту, ня будучы знаёмым з вэтэрынарнаю тэрміналёгіяю, або жалезнадарожнага статуту, ня ведаючы спэцыяльных тэрмінаў тэхнікі. Разьбіраючы на судзе якое небудзь складанае злачынства, нельга абыйсьціся без разуменьняў псыхалёгіі, мэдыцыны. Але ўсе тыя спэцыяльныя словы, што ўваходзяць ў праўную мову, ня могуць быць яшчэ праўнымі тэрмінамі.

Аб‘ём праўнае тэрміналёгіі павінен выцякаць з азначэньня права як сыстэмы (парадку) грамадзкіх адносін, якая адпавядае інтарэсам пануючае клясы і абараняецца арганізаванаю яго сілаю (С. У. РСФСР 1919 г. № 66, арт. 590), або як сыстэмы прымусовых сацыяльных норм, якія санкцыянуюць і рэгулююць грамадзкія адносіны ў інтарэсах пануючае клясы (Подволоцкий, Маркс, Теория Права, стр. 161).

Такім чынам, у цыкл праўнае тэрміналёгіі павінны ўвайсьці:

1) усе адносіны і ўласьцівасьці гэтых адносін, якія ўтвараюць грамадзкі парадак;

2) усе формы грамадзкага парадку і іх уласьцівасьці;

3) усе формы сацыяльных прымусовых норм і акалічнасьці іх утварэньня;

4) агульныя суб‘екты і аб‘екты праў і іх уласьцівасьці;

5) усе моманты ўзьнікненьня і спыненьня права, яго дапасаваньне да жыцьця, яго парушэньне і абарона.

Цыкл тэрмінаў у паказаным аб‘ёме мог быць устаноўлены выбаркаю патрэбных слоў з розных падручнікаў па праву, альфабэтных паказчыкаў да розных законаў, слоўнікаў і г. д.

Такім чынам першапачатковы цыкл праўнае тэрміналёгіі быў вызначаны ў ліку 4.000 слоў.

Далейшым этапам было падшуканьне да вызначанага расійскага цыклу праўных тэрмінаў адпаведных беларускіх слоў.

Можна заўважыць, што праўныя разуменьні падзяляюцца на дзьве асноўныя групы: 1) тыя, якія добра вядомы народу ў яго штодзённым жыцьці і ўжываюцца імі з даўніх пор, і 2) праўныя разуменьні, якія ўтвораны навукаю права і вядомы больш менш абмежаванаму колу кваліфікаваных работнікаў права—судзьдзяў і адвакатаў. Да другой групы можна далучыць словы, якія азначаюць разуменьні, вынікшыя з новых палітыка-эканамічных адносін, і якіх народная мова не магла перарабіць па своему.

Першая група праўных тэрмінаў павінна грунтавацца на жывой беларускай мове, якую можна знайсьці зафіксаванаю ў сучаснай беларускай мастацкай літаратуры, у слоўніках, запісах фольклёрных матар‘ялаў і інш.

Але, дзякуючы таму, што народныя беларускія гутаркі не заўсёды азначаюць тыя ці іншыя праўныя разуменьні адзінакавымі словамі, напр.: „стасунак, акалічнасьць, абставіна“, і не заўсёды тое ці іншае слова можа быць зразумела і ўжывальна на ўсіх абшарах Беларусі,

---

[1]) Коркунов. Лекции по Общей Теории Права. Изд. 9, стр. 7.

трэба было прыцягнуць сюды багацейшыя крыніцы старажытнага беларускага права.—Акты Літоўскае Мэтрыкі, Літоўскі Статут, Акты Зах. Расіі.

Горшая справа з разуменьнямі другой групы—з юрыдычнымі разуменьнямі, якія ўтварыліся пад уплывам навейшага эканамічнага разьвіцьця, або апрацованы навукаю права, і для якіх беларускі народ, рана захоплены ў арбіту палітычна-культурнага жыцьця другога народу, не пасьпеў апрацаваць свае тэрміналёгіі.

Для гэтай групы заставаліся два пуці: пуць запазычаньня, асабліва для азначэньня тых разуменьняў, якія апрацованы навукаю права і ўжываюцца ўсімі эўрапэйскімі мовамі, і пуць утварэньня штучных тэрмінаў—новатвораў—у дусе народнае беларускае мовы.

Першая крыніца—народная мова не выклікае ніякіх асаблівых пытаньняў, бо ў народзе ходзіць цэлы шэраг слоў, зразумелых на ўсіх абшарах Беларусі. Напр.: гвалт-спадчына, ашуканства, апека, карысьць. Крытэрыем прыгоднасьці таго ці іншага народнага слова да праўнае тэрміналёгіі зьяўляецца пачуцьцё беларускае мовы.

Другая крыніца—праўныя гістарычныя акты Літоўска-Беларускае Дзяржавы. Зразумела, што распрацаваць грунтоўна гэтыя матар'ялы аднэй асобе—рэч немажлівая. Прыходзіліся карыстацца гэтым бязьмерна каштоўным матар'ялам павярхоўна, пераважна тымі альфабэтнымі паказчыкамі, якія далучаны да некаторых выданьняў гэтых актаў (напр. 1 т. Літоўскае Мэтрыкі". Указатель. Предметы и речения, ст. 172—258).

Гэтыя крыніцы могуць даць надзвычайна важныя і каштоўныя матар'ялы для праўнае тэрміналёгіі. Калі мы разгледзім толькі „Указатель" да І тому Літоўскай Мэтрыкі, то можам без памылкі сказаць, што 25% зьмешчаных там слоў жывуць і да гэтага часу ў народзе. Напр.: барышнік, беременая жонка, будованье, вжыток, волокіта, вчынок, вызволенье. вырок, вязень, ганьба, господа, грабеж, давность, дар, держава, довод, долг, драпежства, жалоба, істец і г. д.

Таксама значная колькасьць праўных тэрмінаў Літоўскага Статуту ня страціла свайго значэньня і да сёньня. Напр.:

персона, обыватель, обычай, справедлівость, збіранье, складанье справа, устав, кривда, выпіс, мілосердье;

ліст, мандат, пазычаць, опека, тэстамент, торг, давность;

ображэньe, зрада, везеньe, змова, учынок, вырок, згвалтаванне, шкода, кривда;

паньство, станы, вряд, повет, оселость, чюжинец, тубылец;

оборона, цягненье і г. д.

Што датычыць другое групы тэрмінаў—навуковых разуменьняў, то яны або пакідаліся неперакладзенымі на беларускую мову, калі гэтыя словы былі агульнаэўрапэйскімі і пераложыць іх было нельга і некарысна, або з іх утвараліся новатворы; некаторы раз даваліся побач два словы—навуковае і беларускае. Напр.:

агітатар, асыгнацыя;

любавыбар (альтэрнатива), скід (аборт), намывак (аллювий); абсолютны і безумоўны; абстракцыйны і адцягнуты; Аўтономія і самаўрад; анархія і безуладзьдзе.

Апрацоўваючы праэкт праўнае тэрміналёгіі, аўтар упэўніўся, што ўтвораная габінэтным парадкам праўная тэрміналёгія ня можа быць у пэўнай меры жыцьцёваю. Бракавала прыкладаў жывое афіцыйнае мовы. Ніякіх прыкладаў, апроч нязначных лікам палітычных дэкляраций Савецкага Ўраду і папярэдніх яму ўрадаў Беларускае Народнае Рэспублікі, ня было. Каб увязаць праўную тэрміналёгію з жы-

вою мовою, аўтар задаўся мэтаю напісаць такую элемэнтарную кніжку, якая захапіла-б мажліва большы круг праўных разуменьняў. Для гэтай мэты самым дадатным было напісаць кніжку па тыпу пашыраных у дарэвалюцыйныя часы падручнік па законадаўству (Законоведение). У пачатку 1923 году аўтар напісаў такую кніжку пад тытулам: „Агульныя асновы Савецкага праву з адзначэньнем асаблівасьцей праву БССР“.

Кніжка прайшла ўсе адпаведныя інстанцыі і была прыгатавана да друку, але з прычыны, здаецца, грашовых труднасьцяй Бел. Дз. Выдавецтва, сьвету ня ўбачыла.

Разам з гэтым аўтар з восені 1923 году наладжвае практычныя заняткі па тлумачэньні норм праў на праўным аддзяленьні Факультэту Грамадзянскіх Навук Бел. Дзярж. Унівэрсітэту. Практычныя заняткі ахаплялі так званую тэхніку праўных норм: крыніцы права, статыку права і дынаміку права, такім чынам ахаплялі асноўныя разуменьні права. Гэтыя заняткі былі першаю спробаю выкладаньня права на беларускай мове. У іх брала ўдзел група ў 35 студэнтаў. Пісаліся і абгаварваліся на беларускай мове рэфэраты. Абгаварвалася дакладнасьць таго ці іншага тэрміну. Гэтыя заняткі далі мажлівасьць падайсьці практычна к выкладаньню права і к дапасаваньню да гэтага выкладаньня праэкту нашае тэрміналёгіі.

* * *

У пачатку 1922 году Навукова-Тэрміналёгічная Камісія ліквідуецца і засноўваецца Інстытут Беларускае Культуры, у які ўваходзіць пераважная большасьць работнікаў Навукова-Тэрміналёгічнае Камісіі. Інбелкульт наладжвае тэрміналёгічную работу трохі іначай, як гэта было ў Навукова-Тэрміналёгічнай Камісіі. Праэкты ўжо не праходзяць двух інстанцый—сэкцыі і агульнага сходу, а разглядаюцца толькі аднэю інстанцыяю—адпаведным аддзяленьнем ІБК.

Першапачатковы праэкт праўнай тэрміналёгіі быў скончан распрацоўкай у пачатку 1923 г. і папаў у чаргу на разгляд Этноляга-Лінгвістычнага Аддзяленьня ІБК у верасьні 1923 г. Этнолёга-Лінгвістычнае Аддзяленьне ІБК разглядала праўную тэрміналёгію на працягу 10 месяцаў бесперарыву і патраціла на гэтую работу 87 пасяджэньняў, прыблізна па 3 гадзіны на пасяджэньне. Такім чынам, на ўсю работу па абгаварэньні праэкту праўнай тэрміналёгіі было патрачана блізка 250 гадзін часу.

Пры разглядзе праўнае тэрміналёгіі Этн.-Лінгвістычнае Аддзяленьне кіравалася такімі самымі мэтадамі, як і Навукова-Тэрміналёгічная Камісія. Яна са ўсіх бакоў разглядала кожны тэрмін, спрэчкі былі вялікія, аб чым сьведчыць значны час, патрачаны на разгляд тэрміналёгіі.

Але аўтару праэкту было досыць цяжка адчуваць сваю адзіноту сярод асоб, меўшых малое дачыненьне да праўных навук. Роля аўтара праэкту заключалася пераважна ў растлумачэньні праўных разуменьняў і ў адстайваньні вызначанага цыклу тэрмінаў.

Камісія імкнулася даць мажліва сьцісла цыкл тэрмінаў і з 4.000 выкінула каля 400 слоў,—10%. Выкінуты, напр., такія тэрміны: абстрактный, авария, авторитет, акцессия, анализ юридический, аналогия, ассоциация, аттрибут, афоризм юридический, аффект і інш. Выкінуты не таму, што яны навуковыя агульнаэўрапэйскія тэрміны, а таму, што ня лічылі іх праўнымі тэрмінамі.

Камісія ў сваёй рабоце імкнулася пабудаваць праўную тэрміналёгію на жывой мове і перакласьці на беларускую мову памагчымасьці

ўсе навуковыя разуменьні. Але не заўсёды ўдавалася знайсьці такія словы. Іх ня было ні ў жывой мове, ні ў гістарычных помніках.

Так, напрыклад, былі пераложаны на беларускую мову словы: адміністрацыя — упраўніцтва, административный і администратор — упраўнічы, акцепт—прыняцьце, акцептант—прымач.

А наступныя словы пакінуты неперакладзенымі: акция, актив, аванс, агент.

Такім чынам, вытрымаць гэты асноўны прынцып—найсьці для праўнае тэрміналёгіі толькі беларускія словы, Этнолёга-Лінгвістычнаму Аддзяленьню не ўдалося.

У ліпені месяцы 1924 г. праэкт праўнае тэрміналёгіі быў прыняты Этнолёга-Лінгвістычным Аддзяленьнем ІБК, і аўтар праэкту прыступіў да прывядзеньня тэрміналёгіі ў альфабэтную сістэму, каб перадаць яе ў друк.

Якраз разгляд праўнае тэрміналёгіі супаў з вельмі важным фактам. З утварэньнем Саюзу ССРэспублік, з сярэдзіны 1923 году у Маскве, пачынаюць друкавацца ў Весьніку ЦВК, СНК і СПА законы на беларускай мове. Масква, такім чынам, папярэдзіла ў справе выданьня на беларускай мове законаў Менск на два гады. Беларускі тэкст агульнасаюзных законаў перакладаўся з расійскага тэксту, але гэта было вялікім дасягненьнем: пачала выпрацоўвацца практычна беларуская праўная мова, праўная тэрміналёгія, і работа гэта вялася ў Маскве самастойна, бяз ўвязкі з работай Інбелкульта.

У гэтых перакладах заўважваецца нявытрыманасьць тэрміналёгіі. Яшчэ горшая справа са стылем тэксту беларускіх законаў. Перакладчык трымаў перад сабою расійскі тэкст законаў і слова ў слова падстаўляў да яго беларускія словы, хаця гэта вельмі часта ішло насупроць вымаганьням беларускага сынтаксу.

Напрыклад, „адпаведнасьць“ у адным месцы азначае—„ответственность“, у другім „соответствие“ (адпаведнасьць трэсту—Весьнік 1923 г. арт. 11; адпаведны прафсаюз (В. 23, 15) і „суналежны“ (соответственный) наркомат—В. 23, 54). „Рада Працы і Абароны“ (В. 23, 54) і Савет Працы і Абароны (В. 23, 106). Асабістая (личная) пастанова—особое постановление (В. 23, 54). Хаўрусная Рэспубліка (В. 23, 54) і Саюзная Рэспубліка. Парадак „патушэньня“ спраў (В. 23, 100). Мытныя „паборы“ (В. 23, 54). Карачыннае законадаўства (В. 23, 54). Шточасная камісія (невядома якая—„временная или постоянная“ (В. 23, 100).

Рабіць якія небудзь практычныя вывады з гэтае работы было нельга, але экспэрымэнтальны матар‘ял накапляўся.

Аўтар ня раз задумываўся над тым, як увязацца з работаю рэдакцыйнага аддзелу беларускага тэксту агульнасаюзных законаў у Маскве. Нарэшце гэта ўдалося. У верасьні месяцы 1924 г. аўтар быў накіраваны для работы ў Беларускае Сталае Прадстаўніцтва ў Маскву і адразу ўвайшоў у сувязь з аддзелам апублікаваньня законаў пры Кіраўніцтве Спраў СНК СССР.

Адсутнасьць праўнае тэрміналёгіі настолькі адчувалася ў беларускім сектары, што перададзены аўтарам і прыняты Этн.-Лінгвістычным Аддзелам Інбелкульту праэкт лёг у аснову работы беларускіх перакладчыкаў. З канца кастрычніка 1924 г. паказаны праэкт пачынае ўжывацца пры перакладах, і па водзывах рэдактара беларускага афіцыйнага выданьня законаў, т. М. Кудзелькі, значна палегчыла работу перакладчыкаў і рэдактара. Прагледаючы тэкст законаў, надрукаваных у Зборы Законаў СССР у канцы 1924 і ў 1925 г., мы бачым большую аднастайнасьць праўнай тэрміналёгіі. Зварачае на сябе ўвагу такая хі-

ба: у складзе рэдакцыйнага беларускага аддзелу ня было і няма, здаецца, да гэтага часу ніводнага праўніка. Ня так абстаяла справа ў другіх аддзелах—украінскім, грузінскім: там гэтую справу праводзяць выключна праўнікі.

У кастрычніку 1924 г. аўтар выслаў з Масквы ўпарадкаваную ім тэрміналёгію ў Інбелкульт. Акурат гэта саўпала з новаю рэарганізацыяю ІБК.

Сярод іншых сэкцый і камісій пры Інбелкульце была ўтворана камісія па савецкім будаўніцтве, якая пазьней стала праўнаю сэкцыяю. Камісія савецкага будаўніцтва прызнала патрэбным прагледзець праўную тэрміналёгію яшчэ раз. Была выдзелена тэрміналёгічная камісія.

Камісія імкнулася, каб праўная тэрміналёгія адпавядала жывой народнай мове і магла быць зразумелай усім кутком Беларусі. З агульнага ліку 3.600 тэрмінаў 150 тэрмінаў было выкінута, напрыклад, „аллювий, альтернатива, лежачее наследство, наследоприниматель, непонимание, неправда, несчастие, нетленные вещи, окольные люди, перзалог“ і інш. Замест выкінутых было дададзена 45 новых слоў, або зьмененых, напр.: „амністыя“ заменена словам „памілаваньне“ да „акцыі“ дадана—„пай“, „дзелавод“ заменена—„справавод“, „спраўка“—даведка, адналонны—аднаўтробны і г. д.

У аснову паказаных паправак была паложана практыка ўдзельнікаў камісіі—практычных працаўнікоў у галіне савецкага будаўніцтва, практыка, набытая за часы іх працы ў вышэйшых установах Беларусі.

Хаця камісія выказала пажаданьне, каб Прэзыдыум Інбелкульту прыняў належныя крокі да хутчэйшага надрукаваньня патрэбнае для ўжытку праўнае тэрміналёгіі ў такім ліку, каб былі задаволены ўсе дзяржаўныя і грамадзкія ўстановы Беларусі, аднак выхад у сьвет праўнае тэрміналёгіі быў ізноў адцягнуты.

10 жніўня 1925 г. выпушчаецца № 29 Збору (Сабраньня) Законаў БССР побач з расійскаю і на беларускай мове. Хаця беларускі тэкст зьяўляўся перакладам з расійскага, але важна тое, што і на Беларусі пачалі выходзіць законы на беларускай мове.

З гэтага часу галоўная роля ў апрацоўцы беларускага тэксту нашых законаў належыць Камісіі Заканадаўчых Праэктаў пры СНК. Гэта Камісія ня толькі займаецца перакладамі на беларускую мову законаў, прынятых на расійскай мове, ня толькі рэдагаваньнем паданых на разгляд беларускіх перакладаў, але самастойна пачынае складаць праэкты законаў адразу на беларускай мове.

У сваёй рабоце КЗП карыстаецца праўнаю тэрміналёгіяю і можа на практыцы ўпэўніцца ў яе прыгоднасьці і ўбачыць, што патрабуе тых ці іншых зьмен і папраўак.

У практычных работнікаў над апрацоўкаю беларускага тэксту законаў пачынае зьбірацца матар'ял для патрэбных папраўак тэрміналёгіі, і калі паўстала пытаньне аб перадачы праўнае тэрміналёгіі ў друк, Праўная Камісія зьбіраецца другі раз у лістападзе 1925 г., праглядае праўную тэрміналёгію і ўносіць у яе некаторыя папраўкі, якія вымагаліся накопленаю практыкаю.

Разам з гэтым Камісія разумела, што праўная мова ў працэсе сваёй апрацоўкі адлівае такія формы, якія не адпавядаюць выпрацаванай габінэтным парадкам праўнай тэрміналёгіі. Таму Камісія з надрукаваньнем тэрміналёгіі ізноў устрымалася і выказала пажаданьне аб патрэбе сабраць з месц водзывы аб ёй. Ажыцьцявіць гэтую думку ўзяло на сябе Кіраўніцтва Спраў СНК, якое загадала адбіць ратактарскім спосабам праэкт тэрміналёгіі ў 300 экзэмплярах і разаслаць яго а ўсе цэнтральныя дзяржаўныя ўстановы і акруговыя і раённыя вы-

канаўчыя камітэты для карыстаньня ёю і прасіла, паміж іншым, даць аб ёй свое водзывы.

Папаўшы ва ўстановы, гэта тэрміналёгія зрабілася патрэбнейшым падручнікам для работнікаў, якія пачалі карыстацца ёю ў справаводстве. Хаця тэрміналёгія пасылалася на месцы для крытыкі, але крытыкаў яна не знайшла, апроч двух раённых выканаўчых камітэтаў, якія вярнулі назад прысланыя ім экзэмпляры праэкту з нязначнымі ўвагамі.

А патрэба ў друкаванай праўнай тэрміналёгіі адчувалася ўсё больш і больш. У СНК і ў ІБК зварочвалася шмат асоб і установ з запытаньнямі, калі-ж выйдзе друкаваная праўная тэрміналёгія.

ІБК у месяцы красавіку 1926 г. узяў ад праўнае сэкцыі матар'ялы і перадаў іх на прагляд правапісна-тэрміналёгічнай камісіі, якая прагледзела яшчэ раз папраўленыя тэрміны і ўзгодніла свае папраўкі з аўтарам праэкту, як з прадстаўніком праўнае сэкцыі.

Пасьля гэтага тэрміналёгія аўтарам была прыведзена ў канчатковы парадак і перададзена ў друк, але па тэхнічных прычынах затрымалася выхадам у сьвет.

* * *

Такім чынам, апрацоўка праўнае тэрміналёгіі мае пяцёхгадовую гісторыю. Хаця наша тэрміналёгія прайшла шэраг чысьцілішч, але шырокія колы практычных работнікаў, уласна кажучы, да сёньня яшчэ ня бачаць яе ў канчатковым відзе і ня могуць карыстацца ёю ў рэспубліканскім маштабе.

Гісторыя з апрацоўкай праўнай тэрміналёгіі высоўвае шэраг пытаньняў, на якія мы павінны даць той ці іншы адказ.

Вось гэтыя агульныя пытаньні:

1. Ці апрацоўвалася праўная тэрміналёгія на падставе пэўных прынцыпаў, і як гэтыя прынцыпы праведзены ў ёй?

2. Ці можа праўная тэрміналёгія лічыцца канчатковаю і абавязковаю?

3. Як яна павінна ўдакладняцца і папраўляцца, і хто павінен быць асабліва зацікаўлены ў гэтай рабоце?

4. Якім спосабам наладзіць рэвізію праўнае тэрміналёгіі?

Усе камісіі імкнуліся ўтварыць сьціслую праўную тэрміналёгію і ня вытрымлівалі прынцыпу вызначэньня цыклу гэтае тэрміналёгіі. Выкінута з праэкту цэлы шэраг разуменьняў, якія павінны быць у тэрміналёгіі. Напрыклад:—лежачее наследство, намывной берег, невыгода, неправосудие, нетленные вещи і г. д.

Імкненьнем усіх камісій, праглядаўшых праэкт праўнае тэрміналёгіі, было даць самабытную беларускую праўную тэрміналёгію і ўсе праўныя разуменьні выразіць па мажлівасьці на беларускай мове, даўшы на кожнае разуменьне адзін тэрмін. Але мы ўпэўніліся што даць на беларускай мове ўсе тэрміны ніякім чынам нельга. Тэрміны, выпрацаваныя навукаю і ўжываныя ва ўсіх эўрапэйскіх мовах павінны быць пакінуты без перакладу, напр.: аккредитив (паўнамоцтва), акцэпт (прыняцьце), арбитр (пасрэднік), арбитраж (пасрэдніцтва); а „арбитражная комиссия“ пакінута—„арбітражная камісія“. Эксперт (дасьледчык), эмиграция (высяленьне), дефицит (недастача), дисконт (адлічэньне) і г. д.— пераклады вельмі спрэчныя. Большасьць такіх агульна-эўрапэйскіх слоў і пакінута непераложанымі. Захаваньне гэтага прынцыпу дасьць мажлівасьць не ламаць галавы над прыдумваньнем беларускіх слоў і над іх перакладам, калі іх часта і перакласьці нельга.

Абгаварэньне тэрміналёгіі насіла больш габінэтны характар. Камісіі былі вельмі вузкія і аб выніках сваёй працы не інфармавалі шырокія колы зацікаўленых асоб. Юрыстаў, браўшых удзел у гэтай рабоце, было ўсяго 3—4. Тлумачыцца гэта нашаю культурнаю беднасьцю, але факт гэты зьявішча ненармальнае і ня мог не адбіцца на працы.

Ня так была пастаўлена справа ў нашых суседзяў. Так, Украінская Акадэмія Навук 27/II-1919 г. утварыла „правничу тэрмінолёгічну комісію“, якая складалася з актыўных трох акадэмікаў і 20 праўнікаў-практыкаў. Але спачатку работы гэтая камісія прызнала, што трэба даць ня вузкі спэцыяльны зборнік тэрмінаў, а такі расійска-украінскі праўны слоўнік, у які ўвайшлі-б адпаведныя ўласьцівасьці ўкраінскага права і мовы, па магчымасьці ўсе найпатрэбныя для бягучай штодзённай работы праўніка—практыка словы, тэрміны і выразы; а таму такі слоўнік павінен зьмяшчаць у сабе ня толькі* праўныя тэрміны галін права-крымінальнага, грамадзянскага, фінансавага і г. д., але і словы так званых вышэйшых разуменьняў, і па магчымасьці ўсе тыя словы і выразы, якія патрэбны праўніку ў яго штодзённай працы пры складаньні рознага роду праўных актаў пры судовым і адміністрацыйным справаводзтве, перапісках і г. д., каб ня трэба было зварочвацца да іншых, не тэрміналёгічных, расійска-украінскіх слоўнікаў—(Переднэ слово да Рос.-Укр. словника правнічої мови). Камісія гэта працавала блізка 4-х гадоў, крытычна абгаварваючы на працягу гэтага часу толькі асноўны лексічны матар‘ял, узяты з жывое ўкраінскае мовы і з старадаўных украінскіх праўных актаў друкаваных і рукапісных. Пасьля гэтае першапачатковае, 4-х гадовае, работы, на якую патрачана 488 пасяджэньняў, камісія пачала праводзіць рэдакцыйную работу, на якую на працягу 1922-24 г. г. патраціла 136 шасьцігадзінных пасяджэньняў.

У сярэдзіне 1926 г., гэта значыць, у выніку $7^{1}/_{2}$ гадоў работы, Украінская Акадэмія Навук выдала „Російско-Український Словник правничої мови (понад 67.000 слів“).

У гэтым слоўніку на кожнае расійскае слова, на кожны праўны тэрмін, дадзена па некалькі украінскіх слоў, як з жывое мовы, так і ўзятых са старажытных актаў, тых старажытных слоў, якія ня страцілі значэньня і да гэтага часу. Разам з гэтым да слоў дададзены прыклады з жывое мовы. Напр:. *Доля*—пай, пайка, частина, частка, уділ, дільниця, діляниця; доля, талан.—*ля* вдовы (вдовья часть)-вдовина пайка, частка. Вступить в долю-пристати до спілки. Делить на доли--паювати і г. д. *Обязанность*--обов‘язок. повинність СФА, VI 702). *Вменение*--Ставленьня, поставленьня (кому за що) ставленьня за віну; провиненьня (-ние в обязанность-), ставленьня за обовязок. *Вменяемость*-привинність-привинимність. осудність, засудимість. *Возраст*-літа, вік, пора, зріст. *Договор*-договір, контракт, умова, угода; трактат (міжнародний)...*Сделка*-оборудка (условие) умова, соглашение-угода, згода (КМ), злада, порузуміння. *Долг*-довг, бор; обовязок, повинніст.. *Завещание* заповіт, (духовное) духовна, духовниця, тэстамэнть... *Кража*-крадіж, крадіжка, кража, злодійство, покрадення...-*жа* документов-крадіж документів,-*жа* со взломом-крадіж з поломом. *Похищение*-выкрадення, викрад, викрадіж (-дежу), спірвання, захоплення.

Той, хто будзе карыстацца гэтым праўным слоўнікам, выбярэ тое слова, якое яму патрэбна для выяўленьня таго ці іншага разуменьня.

Вось якая грунтоўная работа ў нашай галіне была праведзена на Украіне, якая наогул раней пачала работу па сваім адраджэньням, і аўтары гэтага грунтоўнага акадэмічнага выданьня заяўляюць у прадмове:„ Ми дуже добре бачимо, що в нашаму словникові э прогалини,

безпречно знайдуться й помылки; живовидячки, богато ще трэба буде попрацювати над вивершенням його для друго видання".

Таксама грунтоўна і доўга распрацоўвалася праўная тэрміналёгія ў другіх нашых суседзяў-латвійцаў. Тэрміналёгія апрацоўвалася у іх вельмі-компэтэнтнымі камісіямі з юрыстаў. Работы гэтых камісій разглядаліся на агульных сходах, абгаварваліся ў часопісях і перадавалася для канчатковага адрэдагаваньня ў колегію лінгвістых. *)

Ці можна, такім чынам, лічыць наш праэкт праўнае тэрміналёгіі канчатковым і бясспрэчным? Бязумоўна-не. У ёй знойдзецца добрых 10% слоў, якія доўга будуць спрэчнымі. І практычныя работнікі, якія працуюць над тэкстамі беларускіх законаў, і якія зьяўляюцца ініцыятарамі апрацоўкі тэрміналёгіі, ясна адчуваюць-што спыніцца на гэтым праэкце нельга, што ён патрабуе далейшай распрацоўкі па тыпу украінскага акадэмічнага слоўніка „правничої мови".

Зараз праўная сэкцыя Інбелкульту мае на ўвазе падняць пытаньне аб утварэньні новае пастаяннае камісіі з практычных работнікаў, якая магла-б праводзіць далейшую работу над праўнаю тэрміналёгію. Зразумела што работа гэтай патрэбнай камісіі не павінна быць габінэтнаю. У работу павінны быць уцягнуты пераважна высокакваліфікаваныя праўнікі, спрэчныя словы павінны выносіцца на шырокае абгаварэньне зацікаўленых, павінны быць належным чынам скарыстаны ўсе даступныя крыніцы, асабліва старажытнае права беларускае.

Мы павінны памятаваць, што праўная мова толькі нядаўна ў нас пачала разьвівацца, якіх небудзь 2-3 гады назад, яна пакуль што захапіла заканадаўчыя ўстановы, захапляе судовыя ўстановы і Унівэрсытэт. Тварцамі беларускае праўнае мовы зьяўляюцца зараз ужо ня толькі заканадаўчыя ўстановы, але ў роўнай меры суды, адвакатура і Унівэрсытэт.

Далейшая работа па апрацоўцы праўнае тэрміналёгі павінна быць пабудована так, каб у ёй узялі самы чынны ўдзел нашы суды, адвакатура і Унівэрсытэт.

Раскінутыя на абшары ўсяе Беларусі нашы судовыя органы і адвакатура маюць самую цесную сувязь з народнымі гушчамі і могуць быць вельмі карыснымі пры выяўленьні жыцьцёвых беларускіх праўных разуменьняў.

Кожная праўная катэдра Бел. Дзяржаўнага Унівэрсытэту павінны заняцца аналізам спрэчных тэрмінаў, тым больш, што такіх тэрмінаў будзе шмат.

---

*) Даныя гэтыя атрыманы ад дэлегата на 1-й Беларускай Акад. конфэрэнцыі— праф. Латвійскага Унівэрсытэту Блесе.

И. В. Герчиков.

Проблема империализма в русской марксистской исторической литературе [1]

(М. Н. Покровский и Н. А. Рожков)

I.

Относительно теории кризисов К. Каутский говорит, что „буржуазной экономии она с самого начала должна была казаться неприятной, ибо кризисы представляют memento mori капиталистического способа производства. Поэтому буржуазная экономия *всегда склонна была отрицать необходимость кризисов и об'яснять их случайными причинами, которые впоследствии могут быть устранены.* Напротив, критики капиталистического способа производства, прежде всего, социалисты, давно уже поняли необходимую связь между капитализмом и кризисами. *Теория кризисов по существу своему—теория социалистическая*[2]). В многократ большей мере эти слова Каутского должны быть отнесены к теории империализма, которая является социалистической от начала до конца. Буржуазная наука ее игнорирует, боясь тех губительных для буржуазного общества выводов, которые из нее неумолимо следуют. Но от этого она не теряет ни в реальности, ни в актуальности. Ничем иным, как желанием „научно отбрехаться", как выражается Н. Бухарин, является то толкование империализма, до которого снисходит, под давлением исторических фактов, буржуазная наука. Она создает теории бледные и безжизненные, которые действительно не имеют никакого реального значения. Она ставит себе не положительную, а отрицательную задачу—сделать империализм мало содержательным понятием, возможно менее конкретным, чтобы уничтожить всякое основание для утверждения существования империализма, как особого исторического периода, имеющего вполне конкретные, определенные, ему одному присущие черты. Здесь не только такие, как давно известные и по достоинству оцененные теоретики, как Сейер, которые под понятие империализма подводят всякое стремление к расширению, к размножению, как в сфере биологической, так и в сфере социальной, делают это нарочно для того, чтобы сказать, что империализм есть совершенно свободное от истории явление от века существующее и в настоящее время ничего нового и особенного собой не представляющее, но и такие теоретики, как старый австрийский историк Генрих Фрид'юнг, который даже свою изданную в 1924 г. трехтомную историю новейшего времени знаменательным образом на-

---

[1]) Первые три главы работы, прочитанные в заседании социально-истор. секции Научного О-ва при БГУ 7-го марта 1927 г.

[2]) К. Каутский—„Финансовый капитал и кризисы". Сборник. Основные проблемы полит. экономии", под ред. Ш. Дволайкого и И. Рубина. Госиздат М. 1924 г.

звал „Эпохой империализма“, превращает империализм в сердечный порыв, в вечное стремление души человеческой к новым достижениям.

Буржуазная экономическая наука энергично изучает вопросы образования монополистического капитализма, синдицирование и трестирование в буржуазной промышленности, но не дерзает делать те неизбежные логические и исторические выводы, которые из этих процессов вытекают. Вопросы синдицирования и вопросы империализма трактуются в буржуазной науке, как совершенно различные друг с другом не связанные области,—вот почему даже лучшие работы по вопросам синдицирования, как, например, работа Лифмана „Синдикаты и тресты“, превращаются в историю отдельных синдикатов и трестов и схемы их классифицирования без указания, к чему в общественных отношениях этот процесс ведет. Только социалистическая наука связала и слила в единую теорию процессы синдицирования со всеми остальными явлениями буржуазной экономики и общественной жизни и создала теорию империализма.

Отсутствие теории империализма сделало импотентной современную буржуазную историческую науку в области изучения исторических явлений последних десятилетий, превратив эту историю или в коллекционирование фактов, без всякой возможности их увязать и строить на основании их какие-либо прогнозы дальнейшего исторического развития, или в бессмысленное разрешение исторических проблем, например, путем „искания *виновников* войны“ 1914 г., вместо того, чтобы выяснять действительно ее причины.

Марксистская историческая наука, на базе теории империализма, не только с успехом развязывает исторические проблемы последних десятилетий, но и имеет твердое основание для построения прогнозов дальнейшего исторического развития.

В опубликованном недавно предисловии к работе Н. Бухарина „Мировая война и империализм“ В. И. Ленин, касаясь войны 1914 г., говорит: „о конкретно исторической оценке теперешней войны не может быть и речи, если в основу этой оценки не положено полное выяснение сущности империализма, как с его экономической стороны, так и с политической. Иначе нельзя подойти к пониманию экономической и дипломатической позиций последних десятилетий, а без этого смешно и говорить о выработке правильного взгляда на войну“. Эти слова Ленина должны быть распространены на изучение всех исторических явлений последних десятилетий. Вот почему чрезвычайно важным является выяснение вопроса о том, на сколько „полное выяснение сущности империализма“ лежит в основании марксистской исторической науки вообще и русской в частности.

Теория империализма создана социалистической наукой, но корни ее разработки находятся уже в буржуазной экономической литературе, главным образом, в той ее части, которая изучает проблемы синдицирования и трестирования. С этой точки зрения наука об империализме может считать свыше сорока лет своего существования, со времени появления в 1883 г. первой в экономической буржуазной литературе научной по вопросам синдицирования работы „Картели“ [1]) Фридриха Кляйнвехтера, которого И. И. Левин справедливо назвал теоретическим отцом синдикатского движения“ [2]), а И. И. Янжул „первым ис-

[1]) Dr. jur. Friedrich Kleinwächter: — „Die Kartelle“, Ein Beitrag zur frage der Organisation der Volkswirtschaft, Insbruck 1883, стр. 126.

[2]) И. И. Левин (приват-доцент Петрогр. У-та) — „Германские капиталы в России“. Петроград 1918 г.

следователем синдикатов“ [1]), уже тогда Кляйнвехтер назвал картели, рожденные процессом образования монополистического капитализма „детьми нужды“ и всем своим научным авторитетом поддержал мнение американца Чарльза Бекера о том, что „эти монополии суть отпрыск законов современной конкуренции и предпринимательские синдикаты в такой же степени—результат приложения пара, электричества и машин к услугам человека, как и самые фабрики и железные дороги“ [2]).

Уже в восьмидесятых годах буржуазная экономическая наука с исчерпывающей полнотой установила, что рост производительных сил, процесс промышленной капитализации, рост органического строения капитала привели к отрицанию конкуренции, что старая вера в благотворное действие свободной конкуренции, как регулятора экономических отношений сходит на нет, что конкуренция завершает круг своего диалектического развития и ведет к отрицанию конкуренции—образованию монополистических организаций. Не только исторически, но и методологически эта наука подошла правильно к изучению проблемы монополистического капитализма, исходя в изучении его образования и развития со стороны производства и роста производительных сил, связав, таким образом, проблему монополистического капитализма с проблемами воспроизводства и накопления капитала. Если буржуазной наукой и не были сделаны конечные выводы из изучения этого процесса, то постольку, поскольку она собирала тот материал, из которого эти выводы были сделаны социалистической наукой, правильный методологический подход к проблеме сыграл положительную роль в ее изучении.

Этапы в социалистическом изучении проблемы империализма развиваются от работы Дж. А. Гобсона „Империализм“, вышедшей в 1902 г., к работе Рудольфа Гильфердинга „Финансовый капитал“—1910 г., Розы Люксембург—„Накопление капитала“—1913 г., Н. Бухарина—„Мировое хозяйство и империализм“ 1915 г. и в 1917 г. построение теории империализма было завершено работой В. И. Ленина—„Империализм, как новейший этап капитализма“.

Таким образом, к этому времени было дано все социалистическое научное содержание проблемы империализма, а в работах Бухарина и Ленина преодолены неправильные и противоречивые точки зрения, которые должны были быть устранены для того, чтобы теория приобрела цельный и законченный вид, для того, чтобы было достигнуто „полное выяснение сущности империализма“.

С этого времени всякий историк марксист имел достаточно твердую базу для того, чтобы изучать исторические явления эпохи империализма и для того, чтобы в исторической науке преодолеть всякого рода замазывание буржуазными писателями эпохи империализма, как специфического периода в развитии буржуазного общества.

Выяснить, насколько с этого времени эта теория империализма действительно проникала в историческую науку и составляет нашу ближайшую задачу.

II.

Почин исторической разработки проблемы российского империализма, с точки зрения революционного марксизма, принадлежит М. Н. Покровскому и чрезвычайно интересны те пути, по которым он

---

[1]) И. И. Янжул—„Промысловые Синдикаты“. СПБ 1895 стр. 45.
[2]) Цитирую по И. И. Янжулу Opus cit.

идет в течение 10-ти лет (с 1914 по 1925 г. г.) изучения этой проблемы.

Наиболее старой статьей М. Н. Покровского, трактующей этот вопрос, является: „Русский империализм в прошлом и настоящем", впервые напечатанная в январской книжке журнала „Просвещение" за 1914 г. В 1918 г. эта статья была без изменений перепечатана в сборнике статей М. Н. Покровского „Внешняя политика"[1]). Вместо „предисловия" к указанному сборнику М. Н. Покровский в 1918 г. пишет, что „статьи предшествовали революции и кроме одной („Виновники войны") могли бы считаться устарелыми, если бы имели только публицистический интерес. Но для автора, он надеется, и для читателя—их интерес, в первую очередь, был *научный*. Приложение точек зрения *научного социализма* к различным группам фактов из области *международных отношений*—вот в чем, по мнению автора, заключается их относительная оригинальность, а вместе с тем и право на самостоятельное существование". В 1924 г. интересующая нас статья была перепечатана опять таки без изменений, в другом сборнике статей М. Н. Покровского—„Дипломатия и войны царской России в XIX столетии"[2]), причем, в послесловии, датированном 31/III-24 г., М. Н. Покровский пишет, что статьи этого сборника „написаны в 1907-10 г. г. и, с точки зрения общей концепции, „порядочно устарели", кроме „двух эпизодических очерков *новейшего происхождения* (подчеркнуто мною И. Г.)", именно II и VII (VII интересующая нас статья—И. Г"). „Читатель по этим двум очеркам, продолжает М. Н. Покровский, может составить себе общее представление о международной политике России этой эпохи и что статьи II-я и VII-я являются образчиками переоценок того, что изложено в остальных (устаревших) статьях. Итак, ясно, что научная точка зрения, выраженная М. Н Покровским в 1914 г., осталась без изменений к началу 1924 года.

Каковы же в этой статье взгляды М. Н. Покровского на империализм вообще и на российский империализм в частности?

Экономическое основание внешней политики дореформенной России, завоеваний Николая I коренится в молодом русском промышленном капитализме, который получил в результате отрыва русского рынка от Англии в период „Континентальной блокады" (1807-12) мощный толчек к своему развитию. „Так как внутренний русский рынок, благодаря крепостному праву и поддерживаемым последним натурально-хозяйственным отношениям, рос туго, только что народившаяся крупная промышленность начала искать рынков заграничных". Переход в наступление молодого русского промышленного капитализма нашел свое выражение в запретительном тарифе на ввозные товары 1822 г. и в стремлении к завоеванию ближне восточных рынков для сбыта товаров. „Как мы видим, говорит М. Н. Покровский, России первой половины XIX-го века был знаком *империализм* в самом подлинном его виде: высокие таможенные пошлины, дававшие отечественной индустрии монополию внутри страны, стремление под защитой этих пошлин расширить свою хозяйственную территорию до необ'ятных размеров, ряд завоевательных войн и „экспедиций", как последствие этого стремления—все, что мы привыкли соединять со словом „*империализм*" было на своем месте. К этим двум признакам империализма—протекционизму и стремлению к расширению территории, характеризующим

[1]) М. Н. Покровский—„Внешняя политика". Сб. статей (1914-17) книго-изд. „Денница" Москва. 1918 г. на заглавн. листе 1919 на облож.

[2]) М. Н. Покровский „Дипломат. и войны царск. России. Изд. „Красная Новь" Москва. На заглавном листе Москва 1923 г. на обложке 1924 г.

его во внешней политике, присоединяется еще третий, характеризующий его во внутренней политике: „тяготение к сильной центральной власти, „могущественной и блестящей“, перед которой смиренно сгибают выю „чужестранные народы“, но которой зато и внутри страны прощается многое. Царствование Николая I и должно было представить собой такую власть. Таковы общие признаки империализма вообще—европейского, как и российского; что же касается исключительно последнего, то отличительным его признаком является то, что русский капитализм развивался по преимуществу в области текстильной хлопчатобумажной промышленности. „Еще в 1809 г., дает сведения М. Н. Покровский, в Россию ввозилось американского хлопка всего ½ миллиона фунтов; в 1811 было ввезено 9½ миллионов, а потому „русский империализм—это, главным образом, ситцевый империализм“.

Дальше, переходя к России пореволюционной (революции 1905 г.) ближе к России 1913 г., М. Н Покровский отмечает, что русский империализм этого времени ничем не отличается от него же эпохи Николая II по существу и остается тем же ситцевым. В то время, как железоделательная промышленность России за первое десятилетие XX в. почти не подвинулась вперед (количество выплавленного чугуна в России в 1900—176 милл. пуд., 1910—185 миллионов), текстильная промышленность достигла небывалого размаха (количество переработанного русскими фабриками хлопка в 1900—16 милл. пудов, в 1910—22 милл. пудов). Завоевательные устремления эпохи столыпинской реакции об'ясняются той же медленностью роста внутреннего рынка, в связи с неудачей революции 1905 г. „попытки освободить производительные силы, сжатые тисками устаревшего государственного механизма“, „победа революции надолго задержала бы развитие империализма: реакция не только обуславливается успехами последнего (империализма-И. Г.), но и сама его обуславливает“. Еще раз подчеркивая, что высказанную здесь точку зрения на империализм М. Н. Покровский подтвердил и в 1918 г. и в 1924 г., мы видим, насколько далеко отстоял он от действительного понимания сущности империализма, хотя то, что он обозначает, как „все, что мы привыкли соединять со словом империализм, есть изложение Р. Гильфердинга, который в „финансовом капитале“ дает следующее определение империализма: „Политика финансового капитала преследует троякого рода цели: 1) создание возможно обширной хозяйственной территории, которая 2) должна быть ограждена от иностранной конкуренции таможенными стенами и, таким образом, должна превратиться 3) *в область эксплоатации для национальных монополистических союзов* (*подчеркнуто нами—И. Г.*) [1]) Этому определению у Гильфердинга предшествует распространенное обстоятельное исследование системы монополистического капитализма и в свете этого исследования приведенное выше определение из него вытекающее имеет характер специфической политики монополистического капитализма и придает совершечно отличный, до сих пор не существовавший в истории, характер и капиталистической экспансии и протекционизму. М. Н. Покровский без всяких оговорок отрывает это определение от его базы, отбрасывает третий, важнейший пункт его и превращает империализм в понятие без всякого особого специфического содержания, в понятие, которое можно легко переносить в какие угодно эпохи, применять к каким угодно хозяйственным системам и капиталистическим и до-

[1]) Р. Гильфердинг „Финансовый капитал“ перевод И. Степанова. Петроград 1918 г. стр. 418.

капиталистическим. Он превращает империализм в понятие, которым так же само, как и он оперируют буржуазные историки, которые не видят никакой разницы между экспансией Римской империи, войнами и покровительственной политикой Людовика XIV-го, войнами Наполеона I-го и хотя бы войной 1914 г., так же, как и сам Покровский ставит знак равенства между „империализмом"—экспансией России Николая I-го и Николая II-го. И следующая черта империализма: „тяготение к сильной центральной власти" взята у Гильфердинга, из той части его работы, где он рассматривает политику финансового капитала. Это одно из удачнейших в социалистической литературе изображение образования государства монополистического финансового капитала, вырастающего на почве перерождения аграриев, с потерей ими их специфических черт и слиянием интересов аграрного и промышленного капитализма, на почве слияния с интересами монополистического капитализма, интересов всех собственников в стране, с исчезновением „противоположности интересов между буржуазией и мелкой буржуазией". Образуется империалистический комплот, чрезвычайно реакционный в своей политике по отношению к рабочему классу, демократии и парламентаризму, осуществляющий внутри и во вне политику финансового капитала [1]). Господствующим классам нечего прощать этой власти во внутренней политике.

Это государство финансового капитала—последнее порождение промышленной буржуазии, вырастающее на базе колоссальнейшего развития производительных сил ни в какой мере ни по содержанию ни по форме не похоже на русское государство эпохи Николая I. Только отвлечение определения Гильфердинга от всяких конкретных исторических условий дает возможность перенести его на царствование Николая I, как оно могло бы быть перенесено и на целый ряд других государственных систем в России и вне России в разные времена. Также нет ничего общего между реакционной политикой финансового капитала, направленной против конституционно-демократических форм правления в интересах защиты интересов буржуазии от наступающего рабочего класса и дворянско-самодержавной крепостнической реакцией Николая I-го. Опять таки, только отвлечение от конкретно-исторической обстановки делает возможным, благодаря наличию признака реакционной политики в России, превратить Россию в страну империализма. А дальше уже нетрудно сделать тот вывод, что империализм есть порождение реакции и отсутствия возможности развития „скованности" производительных сил.

Так, в противовес всей теории империализма он превращается в явление, вырастающее на базе приостановки развития производительных сил, больше того, развитием производительных сил задерживается, превращается в политику отсталого крепостнического землевладения эпохи Николая I-го.

Эти взгляды М. Н. Покровского не случайны и излагаются в следующей его статье, в которой он опять-таки непосредственно подходит к вопросу об империализме: „Виновники войны" [2]), написанной в 1915 г.

Если в предыдущей статье говорится об империализме вообще то здесь говорится об империализме, как его понимает марксизм, т. е как о политике, свойственной „последней фазе капиталистического развития", политике „финансового капитала". Определение империализ

[1]) Р. Гильфердинг Opus cit гл. 23-я

[2]) М. Н. Покровский—„Внешняя политика".

ма вообще, опять-таки дается, но уже со ссылкой, приведенной нами выше цитатой из Р. Гильфердинга, причем, кроме только двух пунктов определения, которые были приведены в предыдущей статье, здесь дается и третий пункт („должна превратиться, в третьих, в область эксплоатации для национальных монополистических союзов“). Относительно же специально русского империализма, а речь идет о России пореволюционной (после революции 1905 г.), то он, попрежнему, несмотря на развитие к этому времени в России металлургической промышленности, остается „ситцевым“, п. ч. русская металлургия, несмотря на свое быстрое развитие, не чувствовала „засилия“ иностранной конкуренции и стеснения в сбыте, текстильная же промышленность терпела застой и была заинтересована в войне, „хотя удельный вес этой группы (текстильных фабрикантов и купцов—И. Г.) в России не так велик, чтобы она одна своей только тяжестью могла определять русскую внешнюю политику“.

Задача статьи в отношении империализма та же, что и в предыдущей статье:—доказать, что империализм вырастает не на почве развития производительных сил капитализма, а как раз, наоборот, империалистическая политика характерна для наиболее отсталых областей капиталистического развития и вырастает на почве политической реакции. Относительно войны 1914 г. М. Н. Покровский говорит, „и тут мы оказываемся перед фактом не менее изумительным. И в Англии, и во Франции, и в России за войну были не самые передовые, с точки зрения капиталистического развития, группы, а самые отсталые“.

Война не явилась в результате столкновения между быстро развивавшимися металлургическими промышленностями Германии, России и Франции, а против их интересов, главным образом, в результате столкновения интересов немецкого и венгерского агрария, с аграрием русским, которого поддерживали французские банкиры, не только заинтересованные в русских займах, но и в займах, вложенных в Сербии. Французских банкиров поддержали своим воинственным настроением французские ремесленники, которые страдали от германской фабричной конкуренции в области, т. н. articles de Paris (игрушки, мелкие изделия из мишуры и т. п.), которых Германия ввозила во Францию в 1903 г. на $7^1/_2$ мил. франков, а в 1912 г. уже на 85 мил. франков. „Германские фабрики засыпали парижского ремесленника его же товаром притом более дешевым и лучше сделанным“. Русский аграрий и французский банкир нашли поддержку в Англии, но не в Англии крупной промышленности („Легенда о промышленном соперничестве Германии, которая, якобы, „душит“ великобританскую индустрию, давно опровергнута в литературе“, говорит М. Н. Покровский), а в „английском юнкере“, переродившемся английском лорде, который теперь жил эксплоатацией мужика в аграрных странах—английских колониях. „Владельцами плантаций Виргинии и Ямайки, где работали тысячи невольников—негров, купленных, как скот, были младшие сыновья тех самых лордов, которые сделали свободными пролетариями последних английских мужиков в XVIII столетии. И в том же XVIII столетии у Англии завелся огромный коллективный „заморский мужик“ в лице цветного населения захваченных ею колоний. Новейшее английское юнкерство воспиталось именно на этом мужике—на египетском феллахе, на негре, в особенности на индусе“. „Для Англии настоящая война является именно войной за Индию“. „Буквально накануне войны английская буржуазия была настроена весьма мало решительно, без колебаний за войну с самого начала стояло консервативное крыло министерства Асквита, т. е. прежде всего Грей, обще-

ственную группу, которая стояла за Греем, мы выше обозначили, как „юнкерство“. Это юнкерство все время вело реакционную антипарламентскую политику в Англии. Обострившиеся в последние перед войной годы классовые отношения между буржуазией и рабочими принудили буржуазию подчиниться реакционным юнкерам. Буржуазия всех стран, идя на союз с юнкерами, ожидала от войны удушения социализма. „Эта идея загнала промышленную буржуазию под иго *правых* групп—аграрного капитализма в России, колониального в Англии, ростовщического во Франции“. Война же, как таковая, промышленному капитализму не была нужна и из столкновения промышленных интересов не вытекала.

Полное совпадание взглядов на империализм в первой и второй статье ясны. Указывая в начале статьи, что есть два понимания империализма—„как понимают его *историки*“—мы сказали бы буржуазные, т. е. с полным отрицанием империализма, как специфического периода в истории, вырастающего на базе монополистического капитализма, и как понимают его марксисты, т. е. в связи с третьим пунктом определения Гильфердинга; Покровский, вступая в полемику с Гильфердингом, принимает буржуазное (историков) понимание и монополистические союзы, оказывается, к империализму не только никакого отношения не имеют, но антиимпериалистичны и к войне 1914 г. также не имеют отношения, так что установившаяся в марксистской науке точка зрения на войну, как на войну империалистическую, в смысле столкновения интересов монополистических групп капиталистов, должна была бы быть сведена на нет, если бы мы приняли точку зрения М. Н. Покровского. Эту точку зрения М. Н. Покровский подтверждает в кратком предисловии к статье, написанном в 1918 г.

Подкупить в этом предисловии могут слова о том, что „империалистская бойня является симптомом не дальнейшего прогресса капитализма, но его разложения и упадка“, но слова эти ничего общего не имеют с учением революционного марксизма о „загнивающем капитализме“, о нисходящей фазе капитализма, являющейся результатом замедления и осложнения в развитии производительных сил в капитализме, „результатом расширенного воспроизводства“ присущих капитализму противоречий, которые должны взорвать на воздух всю капиталистическую систему в целом“, результатом того, что „взрыв капиталистических противоречий приводит к „хозяйственной разрухе“ и падению производительных сил“[1]); как раз, наоборот, как ясно видно из статьи, упадок и разложение капитализма выражается не в состоянии производительных сил, а в подчинении промышленной буржуазии аграрному капитализму в связи с обострением отношений между буржуазией и рабочим классом“.

Та картина политических взаимоотношений между классами в Англии, которую дает М. Н. Покровский, то что он называет подчинением промышленного капитализма, аграрному, тот раскол, который он изображает в партии либералов и наростание антипарламентских и антидемократических настроений в командующих классах английского общества, есть не что иное, как указанная нами выше консолидация реакционных, против рабочего класса, интересов всех собственнических и примыкающих к ним групп, выявленная не только Гильфердингом, но еще раньше его в 1907 г. Парвусом в—работе „Колониальная политика и крушение капиталистического строя“ и почти одновременно с ним. К. Каутским, а затем Р. Люксембург, в замечательной речи:—

[1]) Н. Бухарин—„Империализм и накопление капитала“ Госиздат 1925 стр. 128.

„Der preussische Wahlrechtskampf und seine Lehren“, произнесенной во Франкфурте на М. 17-го апреля 1910 г.

Нельзя между прочим не отметить, что высказываемые здесь взгляды на взаимоотношение между войной и системой капиталистического производства стоят в явном противоречии с принятым в марксистской науке, развивавшемся Марксом и Энгельсом с 1848 г. взглядом на войну, как на результат и выражение промышленных кризисов в процессе капиталистического производства.

Так же, как в предыдущих двух статьях понимает империализм М. Н. Покровский, когда написанную в 1914 г. 23-ю главу четвертого тома истории России начинает словами: „Казалось, что Крымская кампания навсегда покончила с *империализмом* николаевской эпохи. На двадцать лет исчезает со сцены наиболее бьющий в глаза его признак—*промышленный протекционизм.* Таможенные тарифы 1857-1868 г. г. были самыми льготными, какими пользовалась Россия в XIX стол.— если исключить короткий фритредерский период царствования Александра I (1819-1822 г.). Но вот уже в царствование Александра II-го вновь воскресает империализм, выражением которого является восстановление промышленного протекционизма и обострение отношений между Россией и Англией, вылившеееся в русско-турецкую войну 1876-78 г. г., причем этот империализм имеет своей базой рост русской промышленности, как металлургической, так и текстильной, и мы видим войну, поддерживаемую „представителями *крупного капитала*“. Этот русский империализм терпит поражение перед империализмом английским, поражение, которое находит свое выражение в Берлинском трактате 1878 г. Русский империализм еще мечтает о реванше, подготовляя походы в Индию, но с началом 80-х годов обострение отношений между русским и прусским помещиком в борьбе „за хлебный рынок“ переносит базу русского империализма с промышленного на аграрный капитализм. Дальнейшее развитие русского империализма, как его понимает М. Н. Покровский (аграрного), изложено уже нами при передаче предыдущей статьи „Виновники войны“. Так, совершенно в соответствии с этой статьей М. Н. Покровский пишет в конце указанной 23-й главы. „Так уже в 80-х годах наметился кризис, разрешение которого суждено было увидеть ныне живущему поколению. Основной смысл конфликта, *соперничество русского и прусского помещиков в борьбе на хлебном рынке*, было только подчеркнуто лишний раз самым последним из эпизодов, предшествовавших русско-германской войне: введением в России пошлин на германскую рожь. Как ни мелок кажется этот факт, но именно он должен был окончательно убедить более чуткую часть публики, что роковая развязка близится. Русско-французский союз был неизбежным *политическим* выводом из этой экономической схемы“.

То, что мы здесь впервые встречаемся у М. Н. Покровского с увязкой империализма с развитием производительных сил, ничего существенного в ранее изложенных взглядах не изменяет.

В дальнейшем мы еще четыре раза встречаемся у М. Н. Покровского с попыткой разрешения вопроса о русском империализме и вращаются они вокруг вопроса о причинах русско-японской войны и войны 1914 года. Первая попытка сделана в первом издании 1923 г. первого выпуска третьей части „Русской истории в самом сжатом очерке“[1]). На стр. 82-й мы читаем: „Русская дальне-восточная политика была несомненно зачатком *империализма*, но это был империализм,

---

[1]) М. Н. Покровский „Русская история в самом сжатом очерке“, часть 3-я, вып. I.

так сказать, „нормальный“, „естественный“. Его целью был захват *рынков*, а не покорение „земель и народов“, но в дальнейшем мы об'яснения сущности и характера этого империализма не имеем, о самом же возникновении войны, в изложении М. Н. Покровского, он никакой роли не играет. Война возникает в результате хищнических аппетитов дома Романовых, стремившегося нажить капиталы на золотых россыпях в Корее и стремления подавить путем войны и легкой победы существовавшее внутри страны брожение среди масс недовольных внутренней политикой. Указанные очерки писались, по свидетельству самого М. Н. Покровского, летом 21-го года[1]). Зимой 1923-24 г. М. Н. Покровский читал свой курс истории революционного движения в России XIX и XX вв.[2]). Здесь его точка зрения на причины, вызвавшие русско-японскую войну, совершенно меняется. „Об японской войне, пишет он, я написал целую главу в „Сжатом очерке“, написал летом 1921 г. Глава эта несомненно устарела... Мне (в этой главе—И Г.) не удалось отрешиться от старой формулы, по которой Николай своей глупостью и жадностью случайно вызвал войну... Те документы, те показания, точнее говоря, которые попали в мои руки, уже после написания этой главы, дают возможность иначе поставить этот вопрос[3]). И вот какова эта новая постановка вопроса. Русско-японская война есть война русского империализма, к этому убеждению приходит М. Н. Покровский „приглядываясь к тому историческому моменту, который переживала Россия в конце XIX-го и начале XX века“. Империализм и есть характерная черта этого „исторического момента“. „Николай II уже с самого начала своего царствования был последним империалистическим царем в России; был именно империалистическим правителем таким же, каким во Франции был Пуанкарэ, каким в Англии был Грей и Керзон, каким в Германии был сам Вильгельм II, Бюлов и т. д. Он был совершенно вровень с этими империалистическими акулами Западной Европы“. Наличие такого империалистического царя не случайность, а действительно существует русский империализм. М. Н. Покровский, как мы видели уже в 1914 г., определил признаки империализма и они сводятся, как мы знаем, к протекционизму и расширению территории. И вот, говорит М. Н. Покровский: „если мы с этого конца подойдем к России, конца XIX в., то увидим, что оба эти признака империализма: чрезвычайно высокие таможенные пошлины, чрезвычайно интенсивный протекционизм, с одной стороны, и стремление раздвинуть границы территории—с другой, они имеются у нас налицо в течение всей второй половины XIX века и уже безусловно в 90-х годах XIX века“. Но мы посмотрим на несколько страниц вперед и увидим, что и дореформенный империализм Николая I тоже имел те же признаки. Итак, основная причина всех войн в России, начиная с после наполеоновских—империализм, неизменно обладающий одними и теми же чертами. Но как быть с учением революционного марксизма о капитализме, которое видит в нем диалектический процесс развития и различает в этом процессе две стадии домонополистического и монополистического, доимпериалистического и империалистического капитализма. С этим учением, развитым революционным марксизмом, в течение 10 лет борется М. Н. Покровский, причем, что всего интересней, в последний раз опираясь на авторитет Ленина против Гильфердинга.

---

[1]) М. Н. Покровский „Очерки по истории революционного движения в Росси XIX и XX вв.“, изд. „Красная Новь“. М. 1924 г., стр. 114.

[2]) Opus cit.

[3]) Opus, cit стр. 114, 115.

Извиняясь за чересчур длинные цитаты, мы все же вынуждены сопоставить две выдержки из работ М. Н. Покровского: первую, относящуюся к 1923 г. из „Очерков по истории революционного движения в России в XIX и XX вв.“, вторую, относящуюся к 1914 г. из известной уже нам статьи „Виновники войны“.

„До тех пор, пишет в 1923-м г. М. Н. Покровский, пока мы понимали империализм и империалистическую войну по Гильфердингу, т. е. представляли себе, что империализм есть внешняя политика финансового капитала, а признаком господства этого финансового капитала для нас были синдикаты и тресты, трестизация и синдикализация промышленности и торговли, до тех пор нам, конечно, трудно было ввести в формулу империализма Россию даже и 1914 г., не говоря о временах более ранних, ибо, хотя у нас были и синдикаты, и тресты, но они вовсе не играли определенной роли, они никоим образом не были даже в 1914 г. господами положения. Но они не были господами положения в то время и во Франции, не были господами положения в то время и в Англии, хотя и во Франции и в Англии они были, но под формулу Гильфердинга помещались только две страны более или менее чистоганом: с одной стороны — Соединенные Штаты, с другой—Германия. Поэтому, с точки зрения Гильфердинга было трудно говорить даже об английском и французском империализме, потому что основного признака империализма по Гильфердингу,— господства финансового капитала с трестами и синдикатами,—не было ни тут, ни там. Во Франции и Англии, конечно, было господство финансового капитала, но оно принимало другие формы. В России тоже, конечно, было господство финансового капитала, но опять таки в иной форме. Ленин в своей книге: „Империализм, как последний этап капитализма“ внес чрезвычайно существенную, плодотворную поправку к формуле Гильфердинга, которую вы, наверно, помните. Он рассматривает империализм не как специфическую внешнюю политику финансового капитала только, а как определенную тенденцию этого капитала и *капитализма вообще* (подчеркнуто мной—И. Г. достойно внимания) *к установлению монополий*, причем отличие этих монополий от монополий более раннего периода заключается в том, что те не вытекали из необходимости экономической структуры капиталистического общества в данный момент, а что касается эпохи империализма, то тут уже буржуазия не может жить без монополии (какая упрощенность—И. Г.). Она должна установить монополию. Все страны уже не могут уместиться на мировом рынке: одни из них должны душить другие для того, чтобы иметь возможность развернуться. Так что эти новые монополии вытекают с железной необходимостью из общего положения капитализма в этот период“.

„Но суть дела не в синдикатах и трестах, а суть дела именно в этом стремлении к монополии, в какие бы формы оно не выливалось. Синдикаты и тресты попадают сюда, как частный случай. Как частный случай они, само собой разумеется, являясь средством установления монополии на данной территории для той или иной группы предпринимателей—этим покрываются, но сама формула шире“.

„С этой точки зрения, для того, чтобы оценить, вошла ли страна в империалистический период, нужно присматриваться не к тому, имеются ли у нее в достаточном количестве тресты и синдикаты, а к двум другим признакам, которые отмечает и Гильфердинг“.

„Этими признаками являются: во-первых, высокие таможенные пошлины, которые делают территорию страны монопольным достоянием отечественной промышленности, все равно синдицированной или

нет, а с другой стороны—стремление раздвинуть таможенные границы возможно дальше, стремление захватить в эти границы возможно более широкую территорию".

В 1914 г. М. Н. Покровский пишет: „Под словом „империализм", как понимают его историки (какие—И. Г.), разумеется стремление государства к громадному безграничному расширению своей территории, независимо от мотивов этого расширения... С этой точки зрения, всякая завоевательная война является империалистической. Но когда современная нам социалистическая литература говорит об „империализме", она имеет в виду нечто более специальное". Далее идет приводившееся уже нами определение империализма Гильфердинга, а затем продолжается: „образцом здесь послужили несомненно Соединенные Штаты. Из двух других капиталистических держав нашего времени Англии не хватает пока „таможенных стен". „Что касается Германии", то ей гораздо больше приходится терпеть от чужих таможенных стен, чем выигрывать от своих собственных. „Мы работаем для вывоза",—говорили представители германских промышленных кругов за два года до войны (1914 г.) „если мы перестанем вывозить, мы погибли". Мы наталкиваемся, таким образом, продолжает дальше М. Н. Покровский, на положение весьма мало отвечающее требованиям „эры империализма".

Германия XX-го стол. оказывается очень близка по своим интересам к Англии первой половины XIX-го. Для Германии, как тогда для Англии, оказывается нужна не возможно обширная хозяйственная территория", „огражденная от иностранной конкуренции таможенными стенами", а сокрушение всяких „таможенных стен" и „открытые двери повсюду". Как видим, М. Н. Покровский в 1923 г. только повторяет самого себя, и Ленин, работа которого об империализме писалась в 1915 г., ничего нового к теории империализма М. Н. Покровского не прибавил. Как и в 1914 г. и в 1923 г. М. Н. Покровский ту часть определения Гильфердинга, которая говорит о монополистических синдикатах, как мы уже отмечали, совершенно игнорирует, как игнорирует в 1923 г. эту же часть в характеристике империализма у Ленина. Нельзя здесь не отметить, что чисто механически воспринимая теорию Гильфердинга о взаимоотношении между покровительственной политикой и империализмом, М. Н. Покровский определяет степень империалистичности страны в зависимости от высоты таможенных ставок. А вместе с тем, чем более является страна отсталой в промышленном отношении, тем выше должны быть в ней таможенные ставки, для защиты отечественной промышленности от конкуренции более дешевой продукции промышленно более развитых стран. Вот чем об'ясняются чрезвычайно высокие таможенные ставки в России тогда, когда они не об'ясняются всегда господствующими в русской таможенной политике фискальными соображениями и поддержания русской валюты. Если исходить из теории М. Н. Покровского, то те страны наиболее империалистичны, которые наиболее промышленно отсталы.

Только в 1925 г. толкование М. Н. Покровского учения об империализме Ленина и империализма вообще встретило возражение в русской литературе в работе Н. Ванага—„Финансовый капитал в России накануне мировой войны". „В эпоху новейшего этапа капитализма, пишет Ванаг, возражая М. Н. Покровскому, монополия получает специфический характер. Этот иной характер последней заключается в определенной свойственной капитализму на очень высокой степени развития монополии—монополии, порожденной концентрацией произ-

водства сращиванием банкового капитала с промышленным... То, что „буржуазия не может жить без монополии“, что „она должна установить монополию“—это не может явиться достаточной характеристикой монополии эпохи империализма... Следовательно, т. Покровский в своей последней книжке неправильно ставит вопрос о монополистическом капитализме... Высокие таможенные пошлины сами по себе еще не являются достаточным признаком империализма... Точно также не всякое стремление раздвинуть таможенные границы может явиться признаком „новейшего этапа“[1]). Но дело то все в том, что для М. Н. Покровского не существует никаких этапов капитализма, для него существует только „капитализм вообще“ и без всяких затруднений ставится знак равенства между тенденциями английского хозяйства начала XIX века и немецкого хозяйства XX-го, не говоря уже о том, что сравнение стремления к уничтожению таможенных стен Англией в начале XIX века, в эру господства свободной конкуренции, при наличии свободной торговли в самой Англии с стремлением к уничтожению таможенных стен Германией начала XX века, когда свободная конкуренция отошла в область предания при существовании и все большем и большем укреплении протекционизма в самой Германии не выдерживает никакой критики. От революционно-марксистского понимания империализма М. Н. Покровский находится и в 1923 г. так же далеко, как и в 1914 г., несмотря на то, что в течение этого времени вопрос был ярко освещен классическими работами Бухарина и Ленина.

Книга Ванага вышла в 1925 г., но Покровский ознакомился с нею в рукописи еще в 1924 г. и следы ее непосредственного влияния видны в статье М. Н. Покровского вводной к книжке К. Каутского: „Как возникла мировая война“, под названием „Как же возникла мировая война“, написанной в 1924 г. В разбираемой статье М. Н. Покровский принимает поправки Ванага и мы имеем в ней совершенно новые теоретические положения, каких мы до сих пор у М. Н. Покровского не встречали „фактически, пишет он, не было национальных капитализмов—французского, английского или немецкого: был мировой капитализм“. Он соглашается с Ванагом в утверждении того, что в России только текстильная промышленность сохраняла свой индивидуалистический характер. Все остальное было уже об‘единено финансовым капиталом, хотя форменные тресты только начинали лишь образовываться, но гегемония банков означала по существу то же самое“. Русский империализм уже потерял в глазах М. Н. Покровского „ситцевый“ характер и приобрел ту твердую металлическую базу, которая всякому империализму свойственна. Вопрос о завоевании Константинополя в 1914 г. это уже не вопрос русского аграрного капитализма, а именно на металлургической базе выросшего империализма, действующего в содружестве с финансовым капиталом Франции, больше того, „благодаря переплету банковских капиталов, Россия уже входила в цепь мировых империалистических сил, к 1912 г. сгруппировавшихся окончательно в два лагеря—английский и германский“. Причины столкновения этих двух миров—борьба между металлическими монополистическими концернами. Что же касается Англии, то ее вхождение в войну об‘ясняется борьбой между ней и Германией за гегемонию „в области океанского мирового транспорта“. Как видим, между тем, как об‘яснял М. Н. Покровский, происхождение войны 1914 г., в 1914 и в 1924 г. г. разница колоссальная. Империализм вы-

[1]) Н. Ванаг „Финанс. капитал в России накануне мировой войны“ изд. Коммун. У-та им. Я Свердлова. Москва 1925 г.

растает не на базе отсталых капиталистических отношений, не на базе столкновения аграрных капитализмов, а на базе столкновения интересов финансового капитала двух монополистических систем, на базе наиболее развитых капиталистических отношений. Теперь М. Н. Покровский проводит грань между капитализмом эпохи, предшествующей финансовому капиталу и капитализмом эпохи финансового капитала, между завоевательной политикой первого периода и завоевательной политикой второго. „Для конца века приходится говорить об империализме в весьма точном, отнюдь не переносном смысле, не в виде метафоры, как для времен Николая I“. Только в 1924 году под непосредственным влиянием Ванага революционно-марксистская теория империализма одерживает верх над теорией империализма М. Н. Покровского[1]).

Наконец, в 4-м издании 1925 г. I части „Очерка истории русской культуры“ [2]) мы находим правильный теоретический подход к изображению российского империализма, как части мировой системы финансового капитала, и читаем, что к концу XIX века—„промышленный капитализм в России уже начал перерождаться в капитализм финансовый—перед 1914 г. Россия вступила уже в империалистическую стадию развития“: причем указывается, что „переход от промышленного капитализма к империализму Ленин определяет так: „Концентрация производства; монополии, вырастающие из нее; слияние или сращивание банков с промышленностью—вот история возникновения финансового капитала и содержание этого понятия“... „Русская буржуазия все более и более входила в шеренгу европейского империализма. Капитализм отсталой России был захвачен общим перерождением капитализма более передовых стран—и царскую политику больше определяли мировые, чем местные причины“.

Так, революционно-марксистская теория империализма с трудом завоевывала свое место в научных работах нашего крупнейшего историка революционного марксиста. Все, что в течение десяти лет с 1914 по 1924 г. писал об империализме М. Н. Покровский, никакого отношения к нему не имеет, потому что совершенно верно пишет Бухарин: „всуе говорить об империализме, если не понимать его специфически-исторических собственностей“[3]). А между тем, исходя из этой теории империализма, делались выводы и построения, которые, правда, начиная с 1924 г., исправляются в каждом новом издании М. Н. Покровского, но М. Н. Покровскому придется проделать еще большую работу, прежде, чем он все части своих работ приведет в соответствие с правильно воспринятой теорией империализма. В предисловии к „очеркам революционного движения“ (изд. 1924) М. Н. Покровский пишет, в связи с поправками, вносимыми в старые работы:—„Никогда еще история, которая пишется, не отставала так от истории, которая делается“, и нужно сказать, что в значительной части это отставание писанной истории от действительной у М. Н. Покровского об‘ясняется тем, что русская историческая наука в проблеме империализма отстала от развития марксистской теории. Так мстит за себя в истории, как и во всякой науке, отрыв от развивающейся теории марксизма в какой бы то ни было части.

[1]) В том же 1924 г. против указанного нами понимания М. Н. Покровским империализма возражал А. Слепков. („Большевик“ № 14 за 1924 г.), М. Н. Покровский принял во внимание критику А. Слепкова, но сам ссылается на критику Ванага, и именно с нею особенно считается.

[2]) М. Н. Покровский „Очерк истории русской культуры „часть 1 Госиздат Москва 25 г. стр. 122-125.

[3]) Н. Бухарин „Империализм и накопление капитала“ стр. 120.

III.

После М. Н. Покровского естественно привлекает к себе внимание Н. Рожков, 12-ти томная работа которого „Русская история в сравнительно историческом освещении“, наряду с другими его работами составляет монументальный вклад в русскую исгорическую литературу со стороны содержания, подхода к целому ряду вопросов, методов отдельных исследований, вне зависимости от положительного или отрицательного к ним отношения, и применения метода исторического материализма вообще. Для изучения проблемы империализма в его исторических работах наше внимание привлекают, главным образом, девятый, одиннадцатый и двенадцатый том названной выше истории России, соответственно вышедшие в 1924, 1925 и 1926 г., когда построение теории империализма уже завершило свое вышеописанное нами развитие.

Что, в первую очередь, бросается в глаза при чтении работ Н. Рожкова—это то, что термин *финансовый капитал* распространяется им без всяких оговорок и разграничений и на капитал, существующий в качестве денег, приносящих процент, и на ту особенную систему капиталистического хозяйства монополистического капитализма, которая получила название „финансового капитала“ или империализма.

Это употребление Рожковым термина финансовый капитал не случайно, а вполне соответствует его пониманию империализма и тому, как он им излагается.

Раньше, чем перейти к указанным трем томам, остановимся на одной работе Рожкова:—„Учебник истории труда“, вышедшей также в 1925 г. Излагая историю развития капитализма в Западной Европе, Рожков отмечает развитие „банкового (финансового) капитализма“ (стр. 85), при чем во Франции, например, банковский финансовый капитализм развивается именно благодаря отсталости индустрии:—„Разгром коммуны“ был тесно связан с экономическими и социальными условиями Франции начала 70-х годов, с ее недоразвитым полукультурным, не столько индустриальным, сколько с хозяйственным и финансовым капитализмом (стр. 95). Непосредственным результатом развития именно этого банкового, финансового капитализма, главным образом, в результате перенесения банковского кредита в колонии является империализм... Кредит, финасовый, банковый капитал, его приложение к промышленности не одних колоний, но, вообще, всех остальных стран, сыграли важную, главную роль в фактическом подчинении этих стран передовым капиталистическим странам, в так называемом империализме. Поэтому важное значение в происхождении империализма имеет развитие финансового, банковского капитала. Кредит—необходимое условие развития капитализма; без него ни одно капиталистическое предприятие существовать и развиваться не может, потому что не может без кредита достигнуть необходимой для конкуренции широты и мощи. Вот почему возникает и развивается кредитный капитал—банки и биржи“. (Стр. 118, 119).

Итак, империализм есть прямой результат развития кредита, история которого излагается с конца XVII века. Нигде никакой увязки между образованием империализма и концентрацией промышленности в тресты и синдикаты, между образованием монополистического на производственной базе капитализма нет. Важнейший в капиталистическом хозяйстве процесс диалектического развития все более расширяющегося применения капитала, повышения органического строения капитала, ведущий от конкуренции к монополии в системе Н. Рожко-

ва никакого места не занимает. А там, где об этом важнейшем процессе говорится, то вне связи с империализмом, вне связи с монополизацией производства. Но зато именно самая худшая, отсталая, давно опровергнутая теория, что монополистический капитализм, тресты и синдикаты возникают под влиянием протекционизма, излагается Н. Рожковым относительно хозяйства Северо-Американских Соединенных Штатов.—„Важное значение приобрел в Штатах один из признаков хищнического капитализма—протекционизм: американские таможенные пошлины были гораздо выше и французских и даже немецких, и составляли в конце XIX в. до 25% цены ввозимых из-за границы товаров.—Под крылышком протекционизма развивались в Штатах колоссальные доходы предпринимателей—Трестов“ (стр. 103, 104).

Введенное Н. Рожковым деление капитализма на „грубо-хищнический“ и „культурный“, при чем в процессе развития первый переходит во второй, создает, вообще, весьма поверхностную, мало обоснованную схематизацию, а по отношению к протекционизму создает неправильную теорию и неверное историческое освещение этого явления капиталистической экономики.

Во всем своем изложении: и в рассматриваемом нами учебнике, и в „Русской истории“ Н. Рожков указывает на протекционизм, как на черту неизменно присущую отсталому „хищническому“ капитализму, а на свободу торговли, как на черту, присущую развитому „культурному“ капитализму. А вместе с тем протекционизм может выростать и на базе чрезвычайно отсталой промышленности, „хищнического“ по терминологии Н. Рожкова капитализма и на базе чрезвычайно высоко развитого капитализма;—„культурного“ по терминологии Н. Рожкова. Как раз немецкий и американский протекционизм конца XIX и начала XX века выростали на базе высоко-развитой индустрии монополистического капитализма.—И не протекционизм создает монополистический капитализм, а монополистический капитализм усиливает протекционизм, там где он раньше имелся и создает его там, где его не было.

Дальше Н. Рожков говорит о влиянии американских трестов на европейский и мировой рынок, о сужении трестами производства с целью увеличения прибыли, но все это не увязывается у Рожкова с финансовым капитализмом, ко всему этому ни термин финансовый капитал, ни термин империализм не прилагается. Только участие банков в промышленности определяет империализм: „Банки кредитуют промышленные предприятия для под‘ема их техники, стремятся дать всем капиталам страны производительное назначение, приобретая акции промышленных предприятий, управляют ими, регулируют рынок, устанавливают цены на товары, стараются внести планомерность в капиталистическое хозяйство и ослабить кризисы“ (стр. 119, 120).

Денежный капитал *все* производительный, промышленный капитал, процессы в нем происходящие и его развитие никакой роли не играют; процессы, происходящие в денежном обращении, развитие банков и кредита все определяют. Мир разделен между союзами банковских капиталистов, и монополистический капитализм выражается в монополизировании банками промышленности. — Отсюда вытекает то, что возникающее в процессе капиталистического воспроизводства расширенное воспроизводство классовых противоречий капиталистического общества, которое должно вести к крушению капитализма, теряет свое место в выводах о неизбежном крушении капитализма. Здесь не видно, как именно развитие производительных сил фактом уничтожения конкуренции и создания монополистического капитализма стано-

вится в противоречия с развитием производительных сил в рамках капиталистического производства. Здесь не видно того процесса развития производительных сил, который порождает новую специфическую историческую эпоху финансового капитализма. Исторический процесс отрывается от его базы, изменения общественных отношений в связи с изменениями в процессе производства.

Н. Рожков находится под влиянием Р. Гильфердинга, но теория Рожкова есть гипертрофированный в одной части гильфердинизм, потому что Гильфердинг, несмотря на особый характер его работы, о котором мы говорим ниже, все-же уделяет внимание процессу капитализации, изменению строения капитала, изменениям, происшедшим в капиталистическом процессе производства. Гильфердинг не отрывает образование финансового монополистического капитала от производственной базы.

Книга Р. Гильфердинга „Финансовый капитал" имеет особый характер, который весьма многих вводит в заблуждение. Хотя она и имеет подзаголовок (Новейшая фаза в развитии капитализма), все-же она не в такой мере посвящена изучению всей системы капитализма в целом, сколько процессу денежного обращения... Из интереса к изучению процесса денежного обращения кредита она и возникла. Заголовок книги говорит больше о ее содержании, чем подзаголовок и этого нельзя упускать из виду при пользовании ею применительно ко всей системе капитализма в целом. Именно этим об'ясняется то, что у многих пользующихся Гильфердингом получается подчинение промышленного капитализма банковскому в большой мере, нежели это есть у Гильфердинга, вне зависимости от того, правильно или неправильно этот вопрос разрешается Гильфердингом.

Совершенно правильно говорит Отто Бауэр:—„Труд Гильфердинга „Финансовый капитал" является теорией *денег* и *кредита*" [1]). Именно изучение теории денег и кредита вынудило Гильфердинга окунуться с головой в изучение процесса обращения капитала, только мельком касаясь процесса производства, но это совсем не значит, что вся современная стадия капитализма родилась из процесса обращения, в большей мере она родилась из процесса производства".

К. Каутский по этому поводу говорит следующее: „Процесс обращения и процесс производства находятся в постоянном взаимодействии. Изображенный Гильфердингом процесс развития (современной стадии капитализма. И. Г.) представляет продукт воздействия не только процесса обращения. *Нет сомнения, что мощное воздействие в том-же направлении оказал и процесс производства, процесс техники*, но несправедливо упрекать Гильфердинга в том, что он не заметил этих фактов. *В план его сочинения не входило подробное их рассмотрение.* Он не недооценивал их, но его задача заключалась прежде всего в изучении фактов, проистекающих из процесса обращения,— фактов, значение которых для указанного развития было до сих пор слишком мало оценено и совершенно не подвергалось систематическому исследованию [2]).

Сам Гильфердинг не связывает усиленное пользование промышленности кредитом для вложения его в основной капитал с обязательным подчинением промышленности банкам. „В Англии, говорит он, где депозитные банки обслуживают только оборотный кредит.. про-

---

[1]) Отто Бауэр—„Финансовый капитал"—сборник „Основные проблемы полит. эконом." стр., 417.

[2]) К. Каутский—„Финансовый капитал и кризисы"—сборник „Основные проблемы полит. экон." Стр. 430, 431.

цент по вкладам стоит на минимальном уровне, чем (в тексте так. И. Г.) об'ясняется постоянный отлив вкладов в сферу промышленности, где они ищут себе приложения; средством этого отлива является покупка акций. Здесь сама публика непосредственно делает то самое, что делает банк, когда он представляет соединение промышленного и депозитного банка. Для английской промышленности это знаменует меньшую зависимость от банкового капитала по сравнению с германской промышленностью" [1]).—Значит, как теоретически, так и практически вполне возможно привлечение капиталов в промышленность без участия банков и это нисколько не ослабит процесса централизации, вытекающего из общих условий современного процесса производства.—Да и сам Рожков, рассказывая о трестах Сев.-Амер. Соед. Шт., говорит что они „известным образом организовали для себя также кредит, имели свои банки" (стр. 104). Вот почему ко всем явлениям современной стадии капитализма, как это делалось по отношению ко всем его предыдущим стадиям, нужно раньше всего подходить не со стороны обращения (кредита, банков), а со стороны производства. И если это в истории кардинально важно для того, чтобы, как мы выше указали, не отрывать исторического процесса от его базы—процесса производства, то это еще важнее в книге, которая назначается в качестве руководства для школ. Здесь развитие правильного отношения к общественным, историческим явлениям, развитие марксистского миросозерцания должно производиться путем самого выпуклого выявления доминирования производственных процессов и производственных отношений над всеми общественными явлениями и их изменениями.

У читателя, сколько нибудь знакомого с вопросами империализма, изложение Рожкова должно родить целый ряд недоуменных вопросов и между прочим такой. Общеизвестно, что передовыми и наиболее ярко выраженными странами монополистического капитализма, империализма являются Северо-Американские Соединенные Штаты и Германия, в изложении Рожкова странами наиболее развитого финансового капитализма (в смысле денежного обращения) являются раньше всего Англия, а затем Франция,—как-же это связать с их сравнительной отсталостью в области империализма.

Но может быть такое изображение империализма получилось в результате неудачного упрощения, неудачной популяризации. Обратимся к кардинальной работе Н. Рожкова двенадцати томной истории.

В 9-м томе, в главе 33 § 7 „Промышленный капитализм в Англии последних десятилетий XIX века" мы читаем об „Империалистических тенденциях" торизма Дизраэли—Биконсфильда. Чем вызывался этот империализм?—„Интересами финансового банковского капитала". Империализм явился совокупным результатом роста финансового капитализма в Англии и попыток капитализма промышленного, встретившего огромную, мощную конкуренцию Германии, найти себе приложение в новых и старых английских колониях". Ясно, что в данном случае Н. Рожков применяет термин „империализм" в том смысле, как его употребляют, по выражению М. Н. Покровского, „историки", или, как мы сказали-бы, буржуазные историки, которые не выделяют и не хотят выделить империализм, как специфический исторический период. Такого рода экспансия капитализма в колонии под влиянием иностранной конкуренции была ему свойственна еще в очень давние времена. По существу здесь нет речи об империализме, и если уже ко всякого рода капиталистической экспансии, следуя за буржуазными

---

[1]) Opus cit стр. 332.

писателями, прилагать термин „империализм", то для того, чтобы в интересах марксистской науки и ясности мысли не „топить", по выражению Н. Бухарина,—„специфические черты специфической, исторически отграниченной эпохи" в общем потоке капиталистической экспансии, необходимо указывать на это условное обозначение или, как выражается М. Покровский, на то, что здесь термин империализма употреблен в „переносном" смысле.

В следующем § 8 той-же главы - „Финансовый капитал в Англии конца XIX века", опять идет речь о финансовом капитале в смысле банкового капитала, но изображается, как под влиянием роста кредитных, банковских отношений создается новая фаза „последняя стадия развития капитализма".

Гипертрофированный гильфердинизм выступает здесь еще ярче, еще определенней и именно в связи с тем, что здесь затрагиваются изменения в процессе производства и совершенно обходится их влияние на уничтожение конкуренции и образование монополистического капитализма.—Отмечая изменение, происходящее в производстве в сторону повышения органического строения капитала, Н. Рожков говорит:—„постоянный же капитал весь или почти весь основан на кредите. Затем, т. к прибыль возникает в производстве, а не в обращении, то кредит стремится весь капитал превратить в производственный, что вынуждает кредитные учреждения принять активное участие в ведении промышленных предприятий... Создается олигархия высшей финансовой или банковой аристократии, которая имеет контроль над деятельностью акционерных предприятий. Этому процессу содействует потребность планомерно регулировать рынок с целью ослабить кризисы. Это дело могут взять на себя только крупные банки и их консорциумы".—Изменение органического строения капитала отражается только на том, что усиливает кредитование основного капитала промышленности банками и изменение в процессе производства отраженным образом влияет на образование монополистического капитализма, банки-же в данном случае делают все, новый этот капитализм рождается в процессе начинающегося с XVII века развития банковского капитала и история капитализма выливается в историю финансового (банковского) капитализма. „На предшествующих страницах не раз приходилось указывать на все росшую мощь и увеличивающееся влияние британского финансового капитала... на этот важный процесс, который должен был в XX веке дать финансовому капитализму в Англии господствующее значение, превратить Англию из индустриальной страны в страну финансового капитализма, где мы можем наблюдать генезис, процесс происхождения последней стадии капитализма в самой передовой стране Европы". Сокращение значения индустрии в общей системе хозяйства страны и рост значения денежного капитала создает последнюю фазу капитализма, а как быть с Германией и Сев.-Амер. Соед. Штат., в которых значение индустрии относительно значения денежного капитала в общей системе хозяйства не падало, там „последняя стадия капитализма" не должна была и появиться, а мы знаем и уже об этом говорили, что именно эти последние являются странами наиболее выраженной „последней стадии капитализма" и в качестве империалистических государств впереди идут они, а не Англия и значит дело не только в господстве денежного капитала, а еще и в чем-то другом.

„Именно, вследствие отсталости промышленного капитализма (во Франции) главным руслом, в какое направлялась капиталистическая

энергия во Франции, оказались биржа и банки. Французский капитализм уже в конце XIX века, раньше чем даже в Англии и Германии, стал по преимуществу финансовым—банковым и биржевым... Франция страна в сильной мере финансового капитализма“, рассказывает Н. Рожков о Франции конца XIX и начала XX века. О каком финансовом капитализме здесь идет речь, благодаря чрезвычайно неопределенному значению, которое имеет выражение „финансовый капитализм“ во всем изложении Н. Рожкова на протяжении всех трех интересующих нас томов, в какой-бы то ни было стране и в какой-бы связи ни трактовался этот вопрос, выяснить невозможно.—В каком-же отношении к империализму стоит Франция, какое место она занимает в общей системе мирового империалистического хозяйства—на это мы не находим ответа, а без ответа на этот вопрос для историка революционного марксиста выяснение каких-бы то ни было исторических вопросов нашего времени невозможно.

Та-же картина в отношении истории Германии конца XIX и начала XX века—чрезвычайно много внимания уделяется концентрации банковского капитала; „о росте промышленной техники, Н. Рожков не считает нужным долго говорить“, он совсем не говорит о процессе централизации и концентрации промышленности, как типичном именно для Германии процессе, ведущем к образованию монополистического капитализма; он совсем не говорит об империализме, его больше занимает вопрос о „грубо-хищнических“ и „культурно-хищнических“ чертах немецкого капитализма, хотя это оригинальное им самим в экономическую и историческую литературу введенное деление капитализма на две фазы, ровным счетом ничего не дает и приводит к прямому недоразумению, когда говорится, что „Германия не знала в XIX веке одного из существенных признаков настоящего развитого культурного капитализма—системы свободной торговли, царившей в Англии“. Здесь Н. Рожков далеко отстает от истории капиталистического развития; он еще находится в том времени, когда свобода торговли выражала высшую культуру капитализма, эта культура отошла в область преданий; теперь выросла новая культура капитализма, капитализма монополистического с системой протекционизма и целым рядом других явлений, которые стоят в полном противоречии с фактами культуры капитализма эпохи свободной конкуренции. Протекционизм не рождает монополистического капитализма, но монополистический капитализм неизбежно связан с протекционизмом и, конечно, потому его поддерживает и развивает, что последний способствует процветанию монополистического капитализма. Не исследуя изменений, происходящих в процессе производства в Германии, Рожков отмахивается от всей проблемы немецкого империализма, рассказывая о том, „что под влиянием протекционизма под его крылышком укрепились и размножились в Германии многочисленные союзы предпринимателей“, а дальше идет совершенно непонятное с точки зрения марксистского понимания буржуазной экономики рассуждение о том, что Германские (союзы предпринимателей) преследовали однако не одни культурные цели регулирования производства, борьбы с экономической анархией, свойственной капиталистическому хозяйству, но сплошь и рядом имели в виду повышение цен на товары, повышенную прибыль, наживу, для которой иногда не пренебрегали и искусственным сужением производства, т. е. не содействовали, а противодействовали развитию производительных сил“. Вот что значит в марксистское в общем и целом исследование ввести от диалектического развития свободное идеалистическое понятие, каковым у Н. Рожкова во всем его исследовании является „культурный

капитализм“, под влиянием этого появляются капитализм и капиталистические образования, чуждые интересов наживы и руководящиеся в своей деятельности высокими общественными задачами, капитализм, которого, к сожалению, нет в Германии и который как будто существует в других странах.—Самые характерные черты империализма, черты, характеризующие весь современный исторический период, фазу нисходящего капитализма, образование трестов, сокращение производства в интересах повышения прибыли Н. Рожков случайно вытряхивает из рукава, как какую-то мелочь и как особенные черты немецкого капитализма, потому что он еще не развился для того, чтобы быть достаточно культурным, в то время как именно эти черты выражают то, что германский капитализм достиг высочайшего в наше время развития и по своей капиталистической культуре пошел впереди английского, который Н. Рожков ставит в пример немецкому, как „культурный капитализм“.

Весьма мало может привлечь наше внимание заключительная часть 9-го тома, где на стр. 350 идут бессодержательные с интересующей нас точки зрения разговоры о культурном и хищническом капитализме, а на стр. 366 хотя и говорится „о капитализме и концентрации производства“, но ни о каких результатах этих процессов, приводящих к замене конкуренции монополией, создающих особую фазу в развитии капитализма и особую специфическую эпоху в истории, не говорится.

Переходя к проблеме русского империализма, мы видим, что Н. Рожков в 11-м томе своего труда в противовес раннему М. Н. Покровскому и не ищет его ни в экономической системе ни во внешней политике России до 1905 г. Он в переносном смысле говорит об „уродливом русском империализме отсталого русского капитализма“ (стр. 289), который лежит в основании Русско-Японской войны 1904-5 г. г. и соглашаясь с высказанным Н. Ванагом, в работе „Финансовый капитал в России накануне мировой войны“ (Москва 25 г.) положением, что финансовый капитализм в России начал развиваться после депрессии 1909 г. и с началом промышленного под‘ема 1910 г. К. Покровский говорит: „Уже этот факт свидетельствует, что преувеличивать его значения не следует“. Конечно и здесь финансовый капитал понимается только как развитие заграничными банками своих операций в России и влияние их на русскую промышленность.

Развернутое изложение теории образования финансового капитализма мы имеем в 44-ой главе 12-го тома. При чем здесь только под‘итоживается все то, о чем мы говорили выше о процессе концентрации производства; об изменении органического строения капитала хотя и говорится, но монополистический капитализм образуется исключительно под влиянием банков, которые самостоятельные функции промышленного капитала совершенно сводят на нет. Н. Рожков опирается не только на Гильфердинга, но и на Ленина.—Здесь не место входить в обсуждении вопроса о том, преувеличивает-ли Ленин значение банков в процессе образования монополистического капитализма, но он рассматривает банки только как один из факторов, усиливающих этот процесс, вырастающий на базе производственной:—„Банки во много раз усиливают и ускоряют процесс концентрации капитала и образования монополий“ [1]) пишет Ленин.—Ленин совершенно правильно методологически подходит к изучению империализма, начиная с изучения процесса производства, и выводит монополию из концентра-

[1]) Н. Ленин—„Империализм“, изд. 1917 г., стр. 37.

ции производства в 1-й главе „концентрация производства и монополия“ своей работы об империализме. Борьба между монополистическими образованиями изображается им вне зависимости от банковского капитала, а не как функция банковского капитала, и в той-же первой главе он говорит:—„поучительно взглянуть хотя-бы на перечень тех средств современной, новейшей, цивилизованной борьбы за „организацию“, к которым прибегают союзы монополистов и дальше идет перечисление: 1) лишение сырых материалов, 2) лишение рабочих рук посредством „аллиансов“ (т. е. договоров капиталистов с рабочими союзами о том, чтобы последние принимали работу только в картелированных предприятиях) и т. д.—„Как то же самое передает Н. Рожков:—„чтобы лишить возможности самостоятельного существования отдельные промышленные предприятия, *банки* (подчеркнуто мною М. Г.) лишают их сырья, отнимают рабочих, заключая договоры с профессиональными союзами о работе только в картелированных предприятиях и т. д.“ (стр. 198). Не удивительно после этого, что если Ленин видит в банках фактор „ускоряющий и усиливающий концентрацию“, Н. Рожков о проникновении банковского капитала в основной капитал промышленности говорит“—„таков один самый первоначальный корень происхождения финансового капитализма“ (стр. 196).

Мы уделяем столько внимания взглядам на империализм в историческх работах Н. А. Рожкова, потому что эти взгляды переносят базу исторического исследования с первичного фактора исторического процесса производства на вторичный фактор—обращение. С другой стороны, благодаря затушевыванию глубочайших причин происхождения новой исторической эпохи—империализма, уничтожается достаточное основание для отделения этой эпохи от предшествующих периодов капиталистического развития, как исключительно специфической. Здесь мало, как делает Рожков, утверждать наличие особой эпохи, это утверждение должно базироваться на отчетливо выявленных производственных процессах капиталистического общества.

В. Пичета.

Современная литература по истории народного хозяйства.

Революционная эпоха оказала большое влияние на развитие историко-экономического знания как в пределах территории СССР, так и за ее межами. Следует отметить появление ряда трудов по истории народного хозяйства, трудов как общего, так и специального характера, которые имеют большое научное значение и которые проливают свет на отдельные стороны хозяйственной жизни и хозяйственного развития тех частей территории, которые некогда входили в состав Российской империи. Правильная постановка преподавания экономической истории в высших школах создала необходимость в соответствующих пособиях, которые должны были стать настольными учебными пособиями для студентов при прохождении ими курса высших учебных заведений.

Учебные пособия, вышедшие за последнее время, делятся на две категории. Одни носят хрестоматийный характер и являются собранием отрывков из источников для самостоятельной работы учащихся. Другие работы являются работами обобщающего характера, которые знакомят с историей развития народного хозяйства вообще, и которые основаны в значительной мере на детальном изучении большого материала источников и литературы, накопившихся по мере движения научной мысли. Из числа хрестоматий нужно отметить хрестоматию по истории народного хозяйства России, составленную А. М. Большаковым и Н. А. Рожковым в двух выпусках. Лен. 1925 с приложением девяти исторических карт, составленных П. В. Кудряшовым. В этой хрестоматии собраны наиболее типичные документы, которые дали бы возможность ознакомиться с следующими моментами в развитии народного хозяйства: 1) с хозяйством семейно-родовым и племенным, 2) феодальным, 3) с хозяйством в эпоху перехода к торговому капитализму, 4) с эпохой полного развития торгового капитализма и 5) с эпохой производственного капитализма. Хрестоматия охватывает памятники, начиная с IX века и доводит до 1905 года. Некоторые из памятников, наиболее трудные для понимания, комментированы составителями хрестоматии. Приложенные карты к первому тому в количестве пяти—шести знакомят: 1) с торговыми путями древней Руси IX—X веков, 2) с торговыми путями Киевской земли на запад и восток, XI—XIII веков, 3) с торговыми путями Новгородской земли XIII—XV века, 4) с промышленностью Сибири XVI—XVII веков, 5) с промышленностью русского севера XV—XVII веков и 6) промышленностью Московской XVI—XVII веков. Следует признать, что эти карты составлены так, что ими очень трудно пользоваться, вследствие чрезвычайно неудачного их воспроизведения. Карты, приложенные ко второму тому, знакомят: 1) с распределением крепостного крестьянства в

России, 2) с распределением барщины и оброка в XVIII веке, 3) с распределением барщины и оброчных крестьян перед освобождением по данным десятой ревизии 1858 года, 4) с распространением улучшенных орудий для обработки почвы и с распространением горного дела, фабрично-заводского и свекло-сахарного производства XIX века. С. Вознесенский выпустил хрестоматию „Экономическое развитие и классовая борьба в России в XIX—XX веках". Том I. Ленинград. 1924. Главным содержанием хрестоматии является „экономическое развитие России на пространстве XIX—XX веков и порожденная им борьба классов в форме, как идеологических течений, так и активных общественных движений". Автор собрал в книге двоякий материал: отрывки из работ М. Н. Покровского, Н. А. Рожкова, М. И. Туган-Барановского, П. И. Лященко, В. И. Пичета, В. Н. Сторожева, Г. В. Плеханова, В. Чернышева, К. А. Пажитного и Д. Н. Овсянико-Куликовского. Кроме того, им приведены статистические данные, характеризующие социально-экономическую эволюцию в России в крепостную эпоху (стр. 89-129), охватывающую основные хозяйственные явления первой половины XIX века. Общественные движения представлены не только отрывками из статей вышеназванных авторов, но также отрывками из „Русской Правды" Пестеля, „Конституции" Никиты Муравьева, произведениями славянофилов, западников и петрашевцев. Перу того же автора принадлежит и другая книга „Экономика России XIX—XX веков". Выпуск 1. „Крепостная Россия". Лен. 1924. В противоположность первой книге, последняя книга представляет собою хрестоматию, в которой помещены только одни статистические данные, характеризующие социально-экономическое развитие России XIX-XX веков. Автор не только ограничивается приведением соответствующих данных, но в некоторых случаях, в виде примечания сопровождает последние весьма ценным толкованием. Статистический материал заимствован С. Вознесенским из различных работ, посвященных изучению хозяйства в до-реформенную эпоху, а также из разных статистических изданий.

И. В. Чернышев выпустил хрестоматию под заглавием „Сельское хозяйство довоенной России и СССР" М. Л. 1926. В хрестоматии собран фактический материал, касающийся: 1) пространства и населения, 2) землевладения и землепользования, 3) почвенных и климатических условий сельского хозяйства, а также и угодий, 4) посевов и оборотов, 5) посевов и сборов специальных культур, 6) скотоводства, 7) цен на сельско-хозяйственные продукты, 8) внешней торговли и 9) лесов и лесного хозяйства. Некоторым отделам предпосланы небольшие статейки вводного характера. Б. Д. Греков опубликовал хрестоматию „История русского народного хозяйства". Промышленный капитализм. До-реформенный период. Л. 1926. В этой хрестоматии собраны очень ценные отрывки, знакомящие с основными моментами в развитии народного хозяйства в до-реформенное время. Автор распределяет материал по рубрикам: сельское хозяйство, фабрика, торговля, финансы, пути сообщения. Б. Д. Греков также опубликовал и до сих пор не изданные материалы. К числу этих относится наказ управляющему, составленный помещиком Смоленской губернии Храповицким, и имеющий большую ценность для характеристики опытов постановки предпринимательского крепостного сельского хозяйства. Самый документ находится в библиотеке Смоленского университета. Общая характеристика этого документа была впервые дана В. И. Пичета (1922).

В. Алгасов в своей хрестоматии „Декабризм и декабристы" Харьков. 1926, поместил отрывки из сочинений П. А. Рожкова и М. И. Ту-

ган-Барановского, которые касаются развития хозяйства России первой четверти XIX века и развития промышленности за тот же период. Иного типа является хрестоматия Н. Ванаго и С. Томсинского „Экономическое развитие России со второй половины XIX века до февральской революции 1917 года“. В хрестоматии весьма удачно подобраны отрывки из произведений видных историков и экономистов, которыми составители хрестоматии хотели характеризовать следующие моменты в развитии народного хозяйства жизни в России. Следующие моменты представлены в хрестоматии: 1. Разложение крепостного хозяйства, 2. Аграрный кризис, 3. Промышленный под‘ем 90-х годов, 4. Сельское хозяйство накануне революции 1905 г., 5. Промышленный кризис конца XIX и начала XX века, 6. Революция 1905—1907 года и сельское хозяйство, 7. Промышленная депрессия, 8. Аграрная реформа Столыпина, 9. Промышленный под‘ем 1910—1913 года. Все эти хрестоматии имеют учебно-педагогическое значение и предназначаются для высшей школы в качестве пособий для самостоятельных занятий студентов.

В течение последнего времени вышел целый ряд работ, которые рассматривают вопросы, касающиеся истории народного хозяйства России. Так, в 4-х томной работе М. Н. Покровского „Русская История“ дано освещение всех основных моментов экономического развития России. В другой работе М. Н. Покровского „Очерк истории русской культуры“. Том 1. М. 1923. М. Покровский дает общий очерк экономического развития России в применении к последнему несколько видоизмененной схемы Бюхера. М. Н. Покровский делит экономическое развитие России на следующие периоды: первобытного хозяйства, городского хозяйства, торгового капитализма, крепостного хозяйства и современного капитализма. Н. А. Рожков в своей многотомной „Русской Истории России“ в сравнительно историческом освещении М. 1922-1926, при изучении каждого отдела, дает яркую характеристику состояния народного хозяйства. Кроме того, основные моменты народного хозяйства России представлены Н. А. Рожковым в его небольшой книжке „История труда“ Л. 1925, и, наконец, Н. А. Рожков в Учебнике истории труда дает картину основных моментов в развитии народного хозяйства в России в сравнительно историческом освещении. Кроме этого, стали выходить книжки, специально посвященные вопросам истории народного хозяйства. К числу этих книг относится: История народного хозяйства в России XIX—XX веков, М. 1923, и второе издание—1925, написанная В. И. Пичета. Автор ставит своей задачей ознакомить учащуюся молодежь с основными моментами в развитии народного хозяйства в России в том предположении, что студент, заинтересовавшийся отдельными хозяйственными явлениями, получит возможность для дальнейшего более детального и специального изучения тех или иных вопросов. В начале работы дана краткая характеристика народного хозяйства IX—XVII веков. В другой главе, под заглавием „Начало индустриализации в России и крепостное хозяйство в XVIII веке“ автор знакомит с состоянием народного хозяйства в XVIII веке. Третья глава посвящена началу промышленного капитализма и разложению крепостного хозяйства. В своей работе автор касается следующих вопросов: внешне-торговой политики, торговых договоров, внешней и внутренней торговле, состояния промышленности, сельско-хозяйственной политики, сельского хозяйства и земледелия. При характеристике крепостного хозяйства автором использованы не опубликованные архивные материалы. Тот же автор в работе „История крестьянских волнений в России“ М. 1923, доводя свой рассказ до начала

XX столетия, характеризует крестьянские волнения за тот или иной период, предпосылает каждому периоду детальную характеристику состояния народного хозяйства в России.

И. М. Кулишер выступил с целым рядом работ по истории народного хозяйства в России. Прежде всего он выпустил книжку, посвященную „Истории промышленности“ XVIII века П. 1924. Потом дал весьма полезную книгу, под заглавием „История русской торговли“, которую автор рассматривает с древнейших времен и доводит до конца XX столетия. Автор обнаружил большое знание материалов и источников, хотя не все вопросы, связанные с изучением внешней торговли, получили одинаковое освещение. Наконец, тот же автор дал и „Историю русского народного хозяйства“ том 1. 1925 и том II—1925. Автор доводит свое изложение до конца XVII века и обнаружил большое знакомство, как со всей литературой, так и основными источниками. Следует сказать, что автору удалось весьма удачно выполнить свою задачу. И Кулишер не только знакомит с развитием и состоянием производительных сил в ту или другую эпоху, но также рассматривает состояние труда, положение сельского хозяйства, касается положения крестьян, а также финансов и финансовой политики и денежного обращения. Автор рассматривает при этом совершенно правильно XVII век, как первый момент развития капитализма в стадии первоначального накопления капитала. Работа Кулишера, безусловно, является весьма ценной.

Работа В. П. Анисимова „Капитализм в России“, часть 1. Харьков 1924 г., охватывает эпоху торгового капитала, мануфактуры и крепостного хозяйства. Она выросла из тех лекций, которые автор читал в разное время и в разном об‘еме в ВУЗ‘ах Харькова. Автор широко воспользовался всей доступной ему литературой и рядом специальных работ по истории народного хозяйства в России. Основной задачей всей этой работы в целом является „посильное об‘яснение всего хода экономического развития в России со всеми его особенностями, в мирохозяйственной и международной политической обстановке конца XIX и начала XX века, как предпосылке рабоче-крестьянской революции“. Первая часть работы заканчивается переходным периодом 80 годами, вернее изложением тех средств ускорения капиталистического процесса, какие были в этот период применены и эта первая часть является, как-бы историческим введением к основной части работы, темой которой будет государственный капитализм и частный капитал в СССР. Нужно сказать, что автор сумел весьма удачно нарисовать основную картину развития народного хозяйства. Автор полагает, и конечно совершенно правильно, что привилегированное положение дворянского землевладения клало препятствие к развитию капиталистических отношений в сельском хозяйстве. Класс помещиков—стал против крестьянства в целом, как класс бесполезных, более того, вреднейших эксплоататоров. „Развитие машинной индустрии и парового транспорта создавали предпосылки двух великих революций—пролетарской и крестьянской, соответствующих двум великим областям общественного деления труда, труда промышленного и сельско-хозяйственного и противостоящих двух эксплоататорским классам капиталистам и землевладельцам“. Работа Финн-Енотаевского „Капитализм в России“, 1890—1917, том 1—является переработкой и дополнением известной работы автора „Современное хозяйство в России“, вышедшее в 1911 году. Автор последнюю книгу, которая раньше встретила весьма сочувственное к себе отношение со стороны экономистов, совершенно переработал. Признавая бесспорность теории

закономерности экономических явлений, автор старался установить внутренние связи явлений, вскрыть внутренний, движущийся в противоречиях процесс, определить тенденцию, основную линию направления, в перекрещивающихся между собою движениях различных и все усложняющихся моментов экономической жизни, подчиненных своим законам.

Исходя из этих предпосылок, автор сначала дает изложение теории рынков, как последние ставились в экономической литературе, как за-границей, так и в России. Автор вполне разделяет теорию Маркса и подвергает обстоятельной критике русских критиков Маркса. В главе: Теория кризисов, автор также разбирает все теории кризисов и заканчивает изложением основных черт теории кризисов. Во втором отделе дана история промышленности, начиная с промышленного под'ема и кончая промышленным кризисом 1902 года. Автор дает отчетливую картину, как общего промышленного под'ема и кризиса, так и состояние рабочего класса в эту же эпоху. Одновременно, автор рассматривает движение банкового капитала и состояние внутренней и внешней торговли. Третья часть книги посвящена мелкой промышленности и отхожих промыслов, рассмотрение которых автор доводит до 1917 года. Автор рассматривает отдельно кустарную промышленность и ее положение в отдельных районах, городскую мелкую промышленность и, наконец, отхожие промыслы и перераспределение рабочих сил в связи с войной и революцией. Четвертая часть книги посвящена регрессивным процессам в сельском хозяйстве и выяснению основных факторов революции 1905 года. Пятая часть книги рассматривает во всех деталях финансовую политику с 1899 г. по 1917 год. В главе этой уделено очень много места вопросу об источниках финансирования войны. Глава шестая посвящена денежному обращению, как до войны, так и после войны. В седьмой главе дается общая картина движения общего капитала, в связи с общим обзором экономической жизни за 1903—1916 годы. Последний заключается в рассмотрении состояния торговли и промышленности и сельского хозяйства в период 1914-17 года. Книга автора отличается изобилием фактического материала, обоснованностью выводов и положений. Работа П. А. Берлина „Русская буржуазия в старое и новое время“, Москва 1922, состоит из двух частей. В первой части рассматривается положение русской буржуазии до освобождения крестьян, а во второй части—положение буржуазии в пореформенное время. Автор правильно подчеркивает, что с начала XVIII века Правительство взяло под свою оборону русскую буржуазию и что вся экономическая политика правительства определялась в интересах буржуазии. Автор отмечает, что на протяжении XVIII-XIX веков русская буржуазия была на стороне правительства и только в начале XIX века, перед созывом Государственной Думы, русскую буржуазию охватило некоторое политическое недовольство, которое выразилось в известном политическом оживлении, накануне созыва Государственной Думы, и в отрицательном отношении к политике дворянского сословия относительно земледельческого класса. В общем надо признать, что работа Берлина довольно удачно суммирует накопившуюся за последние годы историко-экономическую литературу и дает в общем верное представление, как о русской буржуазии в ее историческом развитии, так и об отношении к ней правительства.

История русской промышленности представлена рядом работ общего характера. Еще в 1923 году Л. Мартов выпустил работу под заглавием „Развитие крупной промышленности и рабочее движение

в России". Работа является перепечаткой статей, напечатанных ранее в „Истории России", изданной Гранат. Несмотря на сжатое изложение, автор довольно удачно нарисовал картину вопроса, бывшего предметом его специального изучения. В работе три главы. В первой главе он рассматривает развитие крупной промышленности и рабочее движение до 1892 года. Во второй главе рассматривается проблема „Крестьянство и народническое движение" и, наконец, третья глава посвящена развитию крупной промышленности и рабочего движения с 1893 по 1903 год. Книга кончается описанием попыток легализации организаций рабочих. К. А. Пажитнов выпустил очень ценный труд „Положение рабочего класса в России". „Период крепостного труда". Том 1. 1923. В этой работе обработан весь материал, разбросанный по разным изданиям, а также привлечен к делу и неизданный архивный материал. Вопрос, затронутый автором уже частично, был впервые рассмотрен В. И. Семевским в его известной работе „Крестьяне в царствовании Екатерины II". Сам Пажитнов давно работает в этой плоскости и в журнале „Архив истории труда в России" напечатал ряд ценных статей, которые вошли в изданный труд в виде отдельных глав или частично в виде материала для главы. Автор касается в книге следующих вопросов: роста крупной промышленности и роста рабочего класса, женского и детского труда, рабочего дня, жилищных условий, рабочих волнений, законодательств о труде, рабочих организаций, рабочей дисциплины, санитарных условий. Особенно много дается нового материала в главе „рабочее волнение". Тот же Пажитнов выпустил небольшую книжечку под заглавием „Промышленный труд в крепостную эпоху". 1924. Это является хрестоматией, составленной из отдельных отрывков из первоисточников. Наконец, Пажитнов выпустил работу под заглавием „Положение рабочего класса в России", „Революционный период". 1905-1920. Петр. 1924. Эта книга является переработкой и дополнением, еще ранее вышедшей книги того же автора, под тем же заглавием. Автор рассматривает те же вопросы, какие им были рассмотрены при изучении положения рабочего класса в до-реформенную эпоху. Те же вопросы были изучены М. Балабановым в работе „Очерки по истории рабочего класса в России". Часть 1—3, 1922-1925. Первая часть рассматривает историю рабочего класса в крепостной России, а вторая и третья часть рассматривают капиталистическую Россию, начиная с 60 годов и кончая кануном революции 1905 года. Работа автора основана на тщательном изучении всего опубликованного материала и, как сводная работа, конечно, имеет большую ценность. Очень ценны данные автора относительно положения рабочих по отдельным районам. Наконец, В. Фриче в работе „Очерки по истории мирового рабочего движения. Рабочее движение в России".—Хар. 1923—дал конспективный обзор рабочего движения в России. Книга не представляет собою никакой ценности и не имеет никакого научного значения, но как работа популярного характера она заслуживает внимания.

Вопросы сельского хозяйства и аграрных отношений также были предметом внимания со стороны ряда исследователей. Так, С. Дубровский в своей работе „Очерки русской революции", „Сельское хозяйство", часть 1. М. 1922, дал историю сельского хозяйства и аграрных отношений после отмены крепостного права. В 1925 году работа вышла в значительно-дополненном виде. Уже в последней работе С. Дубровский отвел значительное место Столыпинской реформе, которая им впоследствии была специально изучена в отдельной работе под заглавием „Столыпинская реформа". М. 1925. Автор знакомит читателя

с развитием сельского хозяйства и аграрных отношений, а также с настроением крестьянства до начала столыпинской реформы. Затем, в книге дано подробное описание всей истории столыпинской реформы и того влияния, которое она оказала, как на состояние сельского хозяйства, так и мобилизацию земельной собственности. Автор весьма подробно рассматривает те экономические предпосылки, которые сделали возможным проведение столыпинской реформы. Д. Бруцкус в своей работе „Аграрный вопрос и аграрная политика“ П. 1922 касается также проблемы землевладения и аграрной политики в связи с реформой Столыпина. Автор всецело сочувствует аграрным мероприятиям Столыпина, в результате которых наступила гибель общины и стало расширяться индивидуальное землевладение. Те же вопросы затрагиваются в работе П. А. Месяцева „Земельная и сельско-хозяйственная политика в России“, М. 1922. Автор рассматривает земельную и сельско-хозяйственную политику до-революционного периода, как введение в изучение той же политики уже в революционный период. Д. А. Батуринский, в своей работе „Аграрная политика царского правительства и крестьянский поземельный банк“ М. 1925, дает общий очерк аграрной политики, начиная с 1861 года и подробно отчерчивает деятельность поземельного банка до 1916 года. Автор блестяще выявил классовый характер вновь учрежденного крестьянского поземельного банка. Наконец, П. Лященко в своей работе „Очерки по истории аграрной эволюции в России“ Петр. 1923, дополнил свои соображения в книге, вышедшей под тем же заглавием в дореволюционное время. Автор рассматривает вопросы, связанные с капитализацией сельского хозяйства и с развитием хлебной торговли.

Вопросы о влиянии иностранных капиталов на народное хозяйство в довоенной России рассмотрены в работах П. Оля „Иностранные капиталы в народном хозяйстве в довоенной России“. Лен. 1925. Книга сообщает очень ценные статистические данные об иностранных капиталах в России, вложенных в торгово-промышленные, кредитные и страховые, акционерные и паевые предприятия, обязанные публичной отчетностью с самого возникновения таковых. Эта работа является подготовительной работой для приготовляемого автором к печати труда „Влияние иностранных капиталов на развитие производительных сил в России“. Того же вопроса касается Н. Ванг в работе „Финансовый капитал в России накануне мировой войны“ Л. 1925. Автор не только приводит статистические данные относительно наличия капиталов иностранных в России, но также отмечает проникновение в Россию иностранного капитала в связи с системой монополистического капитализма в русскую тяжелую индустрию в транспорт, в русскую легкую индустрию. Автор отмечает, что для иностранного капитала были открыты все возможности для своего приложения. Русский же капитализм, как более отсталый, без банкового капитала западной Европы, развиваться не мог. Автор отмечает, что в русской капиталистической промышленности накануне войны франко-английский капитал являлся преобладающим.

За последнее время, кроме вышеназванных общих работ, появился целый ряд отдельных монографий и статей, посвященных отдельным вопросам по истории народного хозяйства. Отметим самые главные: Прежде всего накопился ряд материалов, касающихся торговли. Так Р. Р. Фасмер в своей ценной работе сообщает ценные данные о болгарских монетах, значение которых для изучения восточной торговли является громадным. (Известия Каз. Арх. Общества, 1926). Тот же автор в исследовании о кладе куфических монет, найденный в Новго-

роде в 1920 году, рассматривает подробно его содержание. Все найденные монеты относятся к VIII—IX веку. („Известия Рос. Акад. Материальной Культуры". Том IV. 1925). П. Любомиров в статье „Торговые связи древней Руси с востоком". (Ученые записки Саратовского Университета, Отдел Педаг. 1923), пересматривает вопрос, которого неоднократно касались исследователи. Главная заслуга автора—это обработка монетного материала, который дал ему возможность высказать целый ряд новых ценных соображений. Эта работа получила надлежащую оценку со стороны Бауэра в немецком журнале: Zeitscrift für slavische philologie, Band. III, 1926.

Кроме вопроса о торговле, исследователей интересовал вопрос об организации труда в эпоху примитивного хозяйства. Тут следует отметить работу И. Кулишера из „Истории крестьянского труда в древней Руси" („Архив истории труда в России", 1923, книга X) и работу В. Ю. Гесена „история ремесленного труда в России". Оба эти автора, не приводя никаких новых данных, широко использовали уже известный материал, весьма полно его обработали и высказали целый ряд ценных соображений.

Эпоха феодального хозяйства также нашла свое отражение в исследованиях. Так, Г. Меерсон в своей работе „Перемещение местных центров производства, средств сельско-хозяйственного производства в экономической истории в древней России" (Ученые записки Сар. Университета том V, вып. II. 1926), автор рассматривает взаимоотношения сельского хозяйства и ремесла в патриархальной коммуне, в феодальной вотчине и, наконец, в ремесленном городе при наличии внутреннего сельско-хозяйственного рынка. К этому моменту автор относит выделение ремесла из хозяйства большого двора, оно было связано с поселением на посадах бывших холопов и дворовых мастеров. Этот процесс уже до начала XV века дал известный результат. С половины XV века происходил процесс выделения ремесла из сельского хозяйства, из домашнего производства крестьян, из крестьянского населения. Тот же вопрос о выделении ремесла из сельского хозяйства, в связи с диференциацией крестьянства в конце XV и в начале XVI века, был также частично освещен автором в работе „Семейно-трудовая теория и диференциация крестьянства в России", 1925.

Эпоха торгового капитала также была отмечена литературой целым рядом отдельных статей. Прежде всего следует отметить ряд хрестоматийных сборников источниковечского характера. Сюда относятся сборники: С. Ф. Платонова „Социальный кризис смутного времени" П. 1924., А. Д. Греков „Монастырское хозяйство в XVI—XVII веках. Лен. 1924, и А. А. Введенский „Торговый дом в XVI—XVII веках". Лен. 1925. В этих источниках собраны изданные и неизданные материалы по затронутым авторам вопросам. Эти книги имеют большое значение для самостоятельных практических занятий. Что же касается статей, то проблема сельского хозяйства, в связи с землевладением и образованием крепостного права, привлекла к себе наибольшее внимание исследователей. Так, С. Тхоржевский напечатал небольшое исследование „Государственное земледелие на южной окраине Московского государства в XVII веке". (Арх. Ист. 1923, VIII). В. Петров в статье „Соборное уложение" 1584 года об отмене тарханов (собр. статей, посвящ. С. Ф, Платонову, 1922), касается очень важного вопроса в истории привилегированного землевладения, вопроса, который до сих пор недостаточно полно освещен в литературе. Проблема образования крепостного права нашла отражение в работах целого ряда исследователей. Так, А. Е. Пресняков в статье „Судьбы кресть-

янства в русской историографии и задачи их изучения“ дает общий очерк учений о происхождении крепостного права, а также общими штрихами характеризует состояние литературы по истории крестьянства и отмечает целый ряд задач, которые подлежат изучению (Арх. ист. труда, 1923, книга 1). С. Тхоржевский в статье „Поместье и крестьянская крепость“ (Труд России, 1924, том 1) указывает на ту связь, какая была между развитием поместного землевладения и развитием крестьянской крепости. И. Кулишер в статье „Несвободное состояние крестьян и один из признаков его—юридическое и фактическое прекращение перехода в XVI—XVII веках“ знакомит читателя с положением крестьянина в эту эпоху и с властью помещика, которая давала возможность последнему распоряжаться личностью, трудом и имуществом крестьянина. Для истории происхождения вотчинного режима имеет громадное значение работа С. Б. Веселовского—К вопросу о происхождении вотчинного режима М. 1926, написанная на основании тщательного изучения иммунитетных грамот. Автор приходит к тому выводу, что вотчинный суд уже в половине XVI века стал общим правом служилого землевладения. Свои исследования автор начинает с анализа литературы по аграрному вопросу и зарождения служебного иммунитета уже в эпоху Русской Правды.

Вопрос о русской промышленности в XVII веке не был еще предметом специального исследования. Обобщающий очерк состояния крупной промышленности в XVII веке был дан Туган-Барановским. Вполне понятно, что этот очерк являлся весьма сжатым, так как еще не производилось изучения отдельных архивных материалов, которые касались фабрики. После Октябрьской Революции интерес к изучению промышленности повысился, что и выразилось в появлении ряда статей по этому поводу. Новицкий опубликовал две очень ценных статьи по истории промышленности в Москве. В одной статье он изучает историю и состояние бумажной мельницы на реке Яузе, которая была открыта в 1663 году и инициатива открытия принадлежала фон-Свендену, который сначала в 1660 году взял в аренду бумажную мельницу на реке Пахре. Фактически же мельница начала работать под руководством иноземных мастеров Ягана Отендоля и Берента Отендоля, которые были приглашены Свенденом в Москву. Сам Свенден умер в 1669 году. Новицкий сообщает историю построения фабрики, дает описание построенных зданий и самого процесса строительных работ, а затем знакомит с техникой самого производственного процесса. Какая судьба постигла ново-открытую бумажную фабрику—является неизвестным, но в 1676 году она находилась в аренде у иноземца Еремея Локвина (Труд в России, 1—1924). В другой работе „Из истории насаждения суконных фабрик в XVII веке“ автор знакомит читателя с историей устройства суконного завода голландским купцом Ильей Таубертом. Кроме того, иностранец Захарий Паус организовал бархатное производство. Исследования автора опровергает мнение предыдущих исследователей о том, что в Москве в XVII веке не было суконной фабрики. Обе фабрики существовали только благодаря поддержке и помощи правительства. Очень ценной является статья А. Введенского, посвященная изучению вопроса о наемных рабочих в крестьянском хозяйстве и в крупном хозяйстве в XVI—XVII веке. Правда, эти вопросы уже получили освещение в других работах, но автор использовал новый материал до сих пор не использованный („Архив истории труда в России“ № 6-7). Из работ, посвященных внешней торговле XVII века, заслуживает особенного внимания статья В. Кордта „Русское зерно на голландском хлебном рынке в

Голландии в 30-х годах XVII века“ (Техника, Экономика и право“, том 1, 1925). Народное хозяйство XVIII века является проблемой менее всего изученной исследователями, в особенности в отношении сельского хозяйства. За последнее время и по этим вопросам не вышло никаких новых работ. За то по истории промышленности XVIII века появилось несколько статей, написанных на основании свежего материала и в значительной степени дополняющих наши сведения о фабрике XVIII века. К этим работам относится статья К. Базилевича— „На старейших полотняных фабриках“ („Арх. истории труда“ № 10). Автор дает внешнюю и внутреннюю историю полотняных фабрик, основанных в Москве в начале XVIII столетия. Исследования Ив. Полосина—„Промышленная статистика в XVIII веке“ (Труд в России—1924) показывает неточность статистических данных XVIII века и невозможность на основании этих статистических данных составить полное представление о количестве крупных фабрик и заводов в XVIII веке. Благодаря исследованию Полосина подорваны цифры целого ряда исследователей, в том числе и Туган-Барановского. Народное хозяйство в первой половине XIX века представлено рядом новых работ. В этом отношении столетний юбилей Декабрьского восстания оказал известное влияние. Н. Л. Рубинштейн в своей статье „Экономическое развитие России в начале XIX века, как основа движения Декабристов“ („Каторга и ссылка“—№ 8—1925), дает подробное описание состояния народного хозяйства в начале XIX века и отмечает полное несоответствие организаций последнего с новыми явлениями и фактами в его развитии. Экономическая программа Декабристов была попыткой ликвидировать старый хозяйственный строй. Автор отмечает быстрый экономический рост народного хозяйства в России и медленный рост социальный, что задерживало выработку буржуазной программы, которая бы отвечала характеру состояния народного хозяйства. Б. Греков в своей статье „Хозяйственное состояние России накануне выступления Декабристов“ („Бунт декабристов“, издание „Былое“—1926) также отмечает с одной стороны несоответствие организации народного хозяйства темпу развития народного хозяйства, с другой стороны отмечает хозяйственный кризис 20 годов XIX века, который имел большое влияние на выработку экономической программы Декабристов. Е. Щепкина сообщила некоторые данные о состоянии помещичьего хозяйства Декабристов: Каховских, Якушкиных, Вишневских и Повало-Швейковских („Былое“—№ 4, 1925). Изучение помещичьего хозяйства в первой половине XIX века нашло отражение в работе В. Пичета „К истории крепостного хозяйства и труда“. Автор изучает хозяйственную организацию небольшого имения в Тульской губернии накануне ликвидации крепостного права. („Труд в России“—том 1— 1925). Л. Андреевский в исследовании „Очерк крупного крепостного хозяйства на севере“, Вологда—1922, изучает организацию и постановку ведения хозяйства, большой крепостной вотчины в селе Никольском, принадлежащем помещику Межакову. Межаковский архив, сохранившийся полностью, дает возможность нарисовать картину хозяйства крупной вотчины накануне отмены крепостного права. Работа богата цифровым материалом. К работе приложено наставление управляющему в местечке Александрополе приказчику, составленное самим помещиком. Материал имеет большую ценность, так как количество напечатанных инвентарей для первой половины XIX века— весьма незначительно.

Евг. Дюбик в интересной работе „Подольская вотчина Кондалинцева в 40-х годах XIX-го века“ (Труды Костром. Научного Общества

по изучению местного края, т. VII) опубликовал очень интересные материалы по истории помещичьего крепостного хозяйства в Костромском крае. Материалы относятся к 1844 и 1845 годам прошлого столетия. *Д. А. Жаринов* в большой статье *Крестьянская диференциация перед падением крепостного права* (Труды Б. Г. У. № 6)—продолжил работу, начатую П. Б. Струве. Материалом для работы служили данные, почерпнутые автором из разных экономических журналов первой половины XIX столетия.

По-реформенная история народного хозяйства представлена в следующих работах. Так, Ю. Ларин в своей книге „Экономика до-советской деревни“ М.—1926, собрал ранее напечатанные, но весьма ценные, статьи. Книга состоит из трех частей. Первая часть под заглавием „Эпоха низких мировых цен“—знакомит читателя с состоянием русского земледелия и крестьянского вопроса к началу XIX века. Автор отмечает наличие классовых противоречий, как результат развития народного хозяйства. Вывод, к которому пришел автор—общеизвестен. Условия ликвидации крепостного права должны были содействовать развитию классовых противоречий между землевладельцами и земледельцами, а также быстрому росту классовой диференциации внутри самой деревни. Часть вторая посвящена эпохе высоких мировых цен. Автор констатирует, что развитие предпринимательского хозяйства заставляло часть помещиков относиться отрицательно к политике самодержавия и требовать новых основ для организации политической жизни страны. Политика же правительства шла совершенно в ином направлении и стремилась, опираясь на крепостнические интересы аграриев, ликвидировать Государственную Думу. Третья часть книги уже посвящена современности. В небольшом эскизе автор рассматривает аграрную революцию 1917-1919 года. Революция 1905 года вызвала целый ряд работ, в которых вопросы состояния народного хозяйства накануне революции были предметом всестороннего изучения. Прежде всего нужно обратить внимание на книгу, изданную Центроархивом, под заглавием „Аграрный вопрос в Совете Министров в 1906 году“ М. 1924 г., в которой приведены подлинные документы, позволяющие выяснить направление всей аграрной политики правительства в это время, а также установить и внутреннюю борьбу в самом Совете Министров относительно ближайшей задачи аграрной политики правительства. Из работ, специально посвященных пореформенной промышленности, обращает на себя внимание работа М. Цвибака „Из истории капитализма в России“ („Хлопчато-бумажная промышленность в XX столетии“) Л. 1925. Работа очень ценная. Задачей автора было вскрыть главные моменты в развитии той отрасли промышленности, которая, стоя на грани между городом и деревней, с особенной яркостью отразила в себе основные типические стороны русского капитализма. Автор знакомит читателя с структурой хлопчато-бумажного производства, с капиталистической организацией хлопчато-бумажной промышленности, с общей производительностью и условиями реализации хлопчато-бумажных товаров на внутреннем рынке, с хлопчато-бумажным экспортом. Автор отмечает тяжелое положение хлопчато-бумажной промышленности, вследствие отсутствия внутреннего рынка, так как сельская буржуазия росла весьма медленно и предпочитала покупать плуги и сеялки, а не хлопчато-бумажные изделия. В. Н. Сарабьянов выпустил небольшую работу „Металлопромышленность в России“, 1922 г., в которой дал детальное состояние последней, как накануне Октябрьской Революции, так и после Октябрьской Революции до 1919 г. Комиссия по изучению естественных

производительных сил при Академии Наук СССР опубликовала работу *А. Д. Брейтермана* „Медная промышленность России и мировой рынок“ Лен. 1925, ч. II, в которой имеется весьма ценный исторический очерк развития медеплавильной промышленности России до XX века, и притом прекрасно разработанный. В сборнике „Тяжелая индустрия в СССР“—уголь, нефть, железо и медь даны вводные статьи, которые детально знакомят с организацией и состоянием железной, угольной, нефтяной, железоделательной и медной промышленности. Работа является очень ценной и необходимой для всякого, кто занимается историей народного хозяйства. Кроме того, в изданиях ВСНХ—„Русская промышленность за 1922-1923-1924—сообщаются статистические данные относительно состояния промышленности в до-реформенное время. Вопросам экспорта посвящена работа В. Н. Дэна—„Положение России в мировом хозяйстве“ 1922 г., в которой автор анализирует состояние русского довоенного экспорта, а также дает общую картину положения России в мировом хозяйстве до войны, констатируя отсталость русского народного хозяйства. Профессор Огановский в своей работе—„Народное хозяйство в СССР в связи с мировым“—М. 1925—сообщает целый ряд фактов, касающихся внешней торговли в России в XX столетии до революции и войны. Автор отмечает связанность до-революционного народного хозяйства с общим мировым хозяйством. Наконец, работа С. Прокоповича „Война и народное хозяйство“—М. 1922—указывает на те изменения, которые произошли в организации народного хозяйства во время войны к началу революции. Указанными работами не исчерпывается вся та большая литература по истории народного хозяйства, которая имеется в настоящее время. Журнал „Архив истории труда в России“, журнал—„Труд в России“ сообщают множество отдельных фактов для истории хозяйства и труда, начиная с древнейших времен и до революции. Точно также и в остальных экономических журналах, обзор которых будет сделан отдельно, помещено много интересных статей и заметок относительно истории народного хозяйства России. Краеведческое движение в СССР содействовало появлению ряда провинциальных изданий, в которых вопросам народного хозяйства отведено надлежащее место. Из таких изданий обращает на себя внимание работа А. А. Гераклитова—„История Саратовского края в XVI-XVI веках“. —Саратов—1923. Автор сообщает ряд ценнейших сведений по истории народного хозяйства Саратовского края, начиная с IX века. А. А. Савич в своей книге „Прошлое Урала“, на основании изученного опубликованного и неопубликованного материала, дает очень интересную исчерпывающую картину хозяйственной истории Урала, начиная с эпохи Новгородской колонизации и кончая XIX веком. Точно также сборник статей под заглавием „Московск. край“ содержит в себе ряд статей по экономике XVI-XIX столетия, в которых исчерпаны все известные источники и литература по данному вопросу. Следует обратить внимание на издание Костромского Кредитного банка. Таким образом, надо констатировать, несомненно, большие сдвиги вперед в смысле изучения истории народного хозяйства. Этот обзор, и не претендующий на какую-нибудь полноту, свидетельствует лишь о том, что вопросы, связанные с изучением истории народного хозяйства в России, в настоящее время являются предметом большого интереса и внимания со стороны исследователей.

Андрэй Бурдзейка.

Земляўласьнік і земляроб па Літоўскаму Статуту 1566 г.

УСТУП.

Дадзеная праца напісана на аснове Літоўскага Статуту 1566 году. Праз тры гады пасьля зьяўленьня гэтага Статуту адбылася Люблінская вунія. Час зьяўленьня яго супадае з часам напружанай барацьбы з Маскоўшчынай. Як адно гэта зьявішча, так і другое ня было выпадковасьцю гэтага часу, а толькі вынікам эканамічных і гаспадарчых перамен у жыцьці, як Беларуска-Літоўскай дзяржавы, так і краін, акружаючых яе.

Усе гэтыя факты выклікалі перамены ў становішчы розных сацыяльных групаваньняў у Беларуска-Літоўскай дзяржаве. Вынікамі гэтых перамен зьяўляецца разьвіцьцё і ўзмацненьне шляхэцтва. Зразумела, што шляхэцтва, пачынаючае іграць новую ролю ў палітычным жыцьці дзяржавы, жадала замацаваць у юрыдычнай форме сваё новае становішча, патрабавала зьмен у існуючых законах дзяржавы. Яно падымае пытаньне аб пераглядзе статуту 1529 году з мэтай яго паправеньня. На Берасьцейскім сойме ў 1544 годзе яно першы раз канкрэтна ставіць пытаньне аб выданьні новага статуту. Яно прапануе абраць дзесяць асоб „як Лацінскага закону, так і грэцкага“, якія павінны пераглядзець статут, паправіць яго і падаць на першы будучы сойм[1]). Але ўлада, відаць, ня зусім згаджалася з неабходнасьцю зрабіць гэта так скора, і к будучаму сойму, які быў у Вільні ў 1547 годзе ня толькі ня быў паданы папраўлены Статут, але ня была да гэтага часу яшчэ абрана камісія. Шляхце прышлося яшчэ раз напомніць аб гэтым. Вялікі князь падцьвердзіў сваё абяцаньне і прапанаваў шляхце абраць гэтых дзесяць асоб[2]), але і на гэтым сойме чамусь-та яны ня былі вызначаны, бо аб гэтым самым яшчэ раз гаворыцца на сойме 1551 году[3]). Пэўных вестак, чаму ня была ў 1547 г. абрана камісія для паправеньня Статуту, у нас няма. Можа думка, якую высунуў адносна гэтага праф. Любаўскі, будзе і правільнай. Праф. Любаўскі гаворыць: „Станы сейма просили, чтобы комиссию назначил сам господар в расчете на то, что в таком случае и жалованье этой комиссии будет выдавать он же, из земского скарба. Господар же, предоставляя самим станам избирать комиссию, полагая, что избиратели обязаны будут вотировать и содержание этой комиссии, определить для этой цели „поданок“ из своих имений. По крайней мере, на следующем виленском сейме 1551 года господар согласился назначить комиссию совместно с панами-радою под тем только условием, если станы сейма изыщут для нее содержание. Очевидно, что станы сейма 1547 года поняли смысл королевской предупредительности и потому

[1]) Русская Историческая библиотека т. XXX. (Литовская метрика книга IV публичных дел) стр. 121—122.
[2]) Там жа стар. 138—139.
[3]) Там жа стар. 183—184.

уклонились на этот раз от предоставленной им чести"[1]). Так яно было, ці можа і ня так, ва ўсякім разе на гэты раз камісія была вызначана, і на сойм 1554 году быў ужо пададзен новы статут, толькі ў не закончаным выглядзе. Шляхта прасіла зацьвердзіць тое, што ўжо зроблена, але вялікі князь адлажыў гэтую справу да аканчаньня паправы Статуту[2]). У 1559 годзе шляхта зноў падае просьбы „иж до статуту новага стегаються" і атрымлівае такіж самы адказ[3]).

Толькі ў 1563 годзе вялікі князь устанаўлівае тэрмін на паправеньне і уфаленьне „нововчиненного" Статуту Тэрмін гэты вызначан у 20 тыдняў пасьля таго, як войска будзе распушчана. Цяпер справа пайшла хутчэй—і 1 ліпеня 1564 года на Бельскім сойме „Господар исполнил желание станов и выдал им привилей, коим утверждал новый статут и обязывался за себя и своих потомков соблюдать этот статут и не допускать никаких нарушений его другими лицами; если обнаружится надобность в чем-нибудь его дополнить и исправить, предоставлял сделать это „с полным и одностойным помышлением, радою и звольнением" всех станов на будущем сейме, а на настоящем сейме дозволял установить „новый порядок и расправу к засаженью судов, обиранью врадников" и назначить места для этих судов и для положения и хранения книг судовых. Новый статут по этому привилею должен был войти в действие со дня св. Мартина, т.-е. с 11-го ноября, при чем судебные дела, возбужденные ранее этого числа, должны были вершиться на основании старого статута"[4]). Цэлы шэраг розных аб'ектыўных прычын: як вайна з Маскоўшчынай, знаходжаньне вялікага князя ў Польшчы і немагчымасьць яго прыехаць, дзякуючы неабходнасьці вырашыць там некаторыя свае тэрміновыя справы не далі магчымасьці зрабіць усю падгатоўчую працу, каб у вызначаны тэрмін новы статут можна было ўвесьці ў жыцьцё[5]). Толькі праз два гады, у 1566 годзе вялікі князь, згодна просьбы шляхты, абвясьціў для ўжываньня новы статут, хоць ён яшчэ і цяпер не канчаткова быў прыгатован. Вялікі князь, зацьвярджаючы новы статут, тут-жа агаварваецца што ён не зацьвярджае артыкула аб абароне земскай, аб вольнасьцях шляхты, аб судох і судзьдзях. Потым, тое, чаго яшчэ не пасьпелі зрабіць вызначаныя для „паправеньня" статуту асобы, павінна быць тэрмінова зроблена імі і падана на зацьверджаньне к наступнаму сойму. Такім чынам прайшло 22 гады, як пачалі гаварыць аб новым статуце, аб скасаваньні старага статуту. Урэшце стары быў скасован, новы ўведзен афіцыйна ў жыцьцё, але гэта ня быў яшчэ сталы пэўны збор законаў, бо цэлы шэраг разьдзелаў, вялікіх і вельмі важных для шляхты, ня быў канчаткова зацьверджан. Справа апрацоўкі новага зборніку законаў цягнецца далей. У 1568 годзе на Горадзенскім сойме зноў падымаецца пытаньне аб „паправеньні" статуту, зноў вызначаецца сьпэцыяльная камісія і вызначаецца месцам іх працы горад Вільня[6]). У 1569 годзе зноў гаворыцца аб гэтым самым. Цяпер пытаньне паправы Статуту ставіцца ў сувязь з Люблінскай vуніяй, на сойме тлумачаць неабходнасьць гэтага, як неабходнасьць прыстасаваць законы Беларуска-Літоўскай дзяржавы да законаў Польшчы, але гэта ёсьць больш фраза чым факт, чым сапраўдны матыў, як гэта добра

[1]) Любавский-Литовско-русский сейм стр. 520—521. Чтения в императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1901 г. к. 2.

[2]) Русская Историческая Библиотека т. XXX стр. 244. за 1901 г. кн. 2

[3]) Там же стр. 270.

[4]) Любавский-Литовско-Русский сейм стр. 678—679.

[5]) Падрабязна аб гэтых прычынах гаварыцца ў Любаўскага-Літоўска-Рускі сойм стр. 679—680.

[6]) Русская Историческая Библиотека т. XXX стр. 466—467.

даводзіць праф. Лаппа. Перш за ўсё Польшча ў гэты час сама ня мела сталага збору законаў, а па-другое, у камісію па „паправеньню“ статуту ня было высунута ні аднаго паляка, і яна была складзена выключна з прадстаўнікоў Беларуска-Літоўскай дзяржавы, якія так упарта адстайвалі сваё дзяржаўнае значэньне і самастойнасьць на Люблінскім сойме[1]).

Адсюль праф. Лаппа робіць, на мой погляд, правільны вывад, што гэта камісія павінна была працаваць у тым-жа напрамку, што і да Люблінскага сойму, і я думаю, што Люблінская вунія зьявілася тут больш афіцыйнай зацэпкай, чымся сапраўдным матывам. Ня Люблінская вунія прымусіла зноў гаварыць аб „паправеньні“ статуту, а тое, што да гэтага часу ня было яшчэ сталага збору законаў, што тыя законы, якія існавалі, якія толькі нядаўна былі абвешчаны для ўжываньня, ужо не здавальнялі шляхту, ужо ня зусім правільна адбівалі сапраўднае палажэньне яе. Такім чынам з выданьнем статуту 1566 г. яшчэ не прыпынілася ні на адзін момант барацьба за новыя законы, ня было стала, юрыдычна афармлена палажэньне шляхты. Мне здаецца, ня праў быў праф. Любаўскі, калі ён гаварыў, што „Великий вольный сейм 1565—1566 г. был завершителем всей той сложной и продолжительной работы политической мысли, которая развивалась на предшествующих сеймах с конца великокняжения Сигизмунда Старого, и родоначальником новой эпохи в истории Литовско-русского сейма, связанной с теми преобразованиями, которые были приняты на этом сейме и утверждены вторым статутом, получившим окончательную санкцию так же на этом сейме“[2]). Статут 1566 года ня завяршыў яшчэ „работы политической мысли“, бо ня быў яшчэ завершан к гэтаму году той пярыяд сацыяльнай барацьбы, які вёўся ў гэты час у Беларуска-Літоўскай дзяржаве паміж рознымі сацыяльнымі групаваньнямі. Праф. Любаўскі павялічыў, мне здаецца, значэньне Статуту 1566 году. Галоўныя, асноўныя палажэньні гэтага статуту разьвіваліся далей і канчатковае завяршэньне сваё атрымалі толькі ў Статуце 1588 году. Статут жа 1566 году ёсьць толькі адбітак яшчэ не канчатковага замацаваньня палажэньня розных станаў Беларуска-Літоўскай дзяржавы. Гэта ёсьць дакумэнт такога пярыяду барацьбы, калі старае парушана, новае ідзе ўперад, але яшчэ не дайшло да вышэйшага пункту свайго разьвіцьця, дзякуючы гэтаму лепш выяўляюцца і тыя групы, якія не займаюць галоўнага палажэньня, але якія так сама маюць не малую ролю ў жыцьці, у барацьбе. Усё гэта адбілася на характары статуту 1566 году і, як гэта мы ўбачым з далейшага, там ёсьць многа пунктаў, выходзячых з розных досыць супярэчных палажэньняў. Вось гэтае ўсё і робіць для нас статут 1566 году асабліва цікавым.

Афіцыйнага тэксту Статуту 1566 г. да нас не дайшло ні ў рукапісу, ні ў друку. Нават больш таго, не захавалася ні воднага рукапісу напісанага моваю беларускаю, на якой, як дзяржаўнай, бязумоўна, быў напісан першапачатковы рукапіс. Тыя рукапісы, якія маюцца, напісаны моваю лацінскаю і польскаю[3]). Польскія вучоныя, выдаўшыя ў

---

[1]) И. И. Лаппо. Западная Россия и ее соединение с Польшею, стр. 152. Прага 1924 г. -. Дружчыц—палажэньне Л.-Б. дзяржавы пасьля люблінскай вуніі працы БГУ кн. 6-7.

[2]) Любавский. Литовско-Русский сейм стр. 690—691.

[3]) Ёсьць рукапісы на беларускай мове так званага „Валынскага статуту“ Многія вучоныя лічаць, што „Валынскі Статут“ і Статут 1566 г. адно і тое. Але такое аб'яднаньне гэтых статутаў не падмацована шчыльным параўнаньнем паміж імі. Я лічу, што да тэй пары, пакуль такога параўнаньня ня зроблена, нельга ставіць знак роўнасьці паміж „Валынскім Статутом“ і „Статутом 1566“. Лепш пакуль што заставіць гэтае пытаньне адчыненым.

1900 годзе Статут 1566 году[1]), лічаць рукапісы, якімі яны карысталіся пры выданьні, неаўтарызаванымі перакладамі. Маецца яшчэ адно выданьне Статуту 1566 г., гэта выданьне „Временника Московского общества истории и древностей российских". Зьмешчана яно ў 23 кніжцы „Временника".

Я для сваёй працы карыстаўся выданьнем „Archiwum Komisyi Prawniczej". Ня дзеля таго, што гэта выданьне лепшае, але дзякуючы таму, што ў габінэце гісторыі Беларусі БДУ маецца толькі гэта выданьне, а ў дзяржаўнай бібліятэцы зусім няма Статуту 1566 г. Параўнаньня паміж выданьнем „Archiwuw Komisyi Prawniczej" і выданьнем „Временника" мне не прышлося зрабіць, да і ня лічыў гэта патрэбным пры атсутнасьці магчымасьці карыстацца належнымі рукапісамі.

Зрабіўшы невялікія заўвагі адносна матар'ялу, можна цяпер бліжэй падыйсьці да сутнасьці тэмы.

Перш за ўсе трэба ўмовіцца, каго мы будзем разумець пад землеўласьнікам і каго пад земляробам. Раней, чым выявіць поўны сэнс гэтых тэрмінаў, трэба разабраць, хто мае права валадаць зямлёю. У статуце 1566 году мы сустракаем падзел самай зямлі на некалькі асобных груп. Так ёсьць іменьня земскія[2]). Гэтыя ж самыя землі ў другіх выпадах называюцца іменьнямі шляхецкімі[3]). Потым маюцца яшчэ землі гаспадарскія[4]), духоўныя[5]). Асаблівай розьніцы паміж землямі духоўнымі і землямі шляхецкімі ў статуце не праводзіцца. Землі-ж гаспадарскія адрозьніваюцца ад зямель—земскіх ці шляхецкіх. Так, трымаўшыя гаспадарскія землі ў заставе не павінны былі выпраўляць на вайсковую службу людзей з гэтых іменьняў[6]). Ужо гэтай пастановай землі гаспадарскія ставяцца ў асобую групу. У другіх разьдзелах статуту гаворыцца галоўным чынам аб землях земскіх-шляхецкіх. Аб гаспадарскіх-жа землях зазначаецца часта толькі ў такім выпадку, што за той ці іншы выпадак зямля спадае на гаспадара, як напрыклад, не адзін раз гэта сустракаецца ў разьдзеле I, II і III. Такім чынам гаспадар, вялікі князь зьяўляўся ня проста землеўласьнікам, а землеўласьнікам дзяржаўным, вышэйшым, і яго правы на зямлю і абавязкі гэтае зямлі былі іншага характару, чым усіх астатніх землеўласьнікаў. З гэтым пытаньнем мы яшчэ сустрэнемся ў другой частцы нашай працы. Такім чынам астаецца галоўнай часткай, зямлі гэта зямля земская шляхецкая. Аб правох і абавязках гэтай зямлі і гаворыць галоўным чынам статут. Землеўласьніка земскай зямлі мы і будзем разглядаць. Зямля гэта, як я ўжо зазначыў, называецца яшчэ зямлёю шляхецкаю. Гэтая назва дае права думаць, што валадаць ёю маглі толькі шляхціцы. Але статут паказвае, что гэта было ня зусім так. У пастанове аб праве распараджацца сваёю маемасьцю[7]) гаворыцца паміж іншым і аб зямлі. Тут, праўда, ня вызначана аб якой зямлі ідзе гаворка, але ўва ўсякім разе разглядаемая намі зямля не выключаецца. Дадзенае месца статуту дазваляе прадаваць, дарыць і так далей сваю зямлю, спадкавую і ўсякую іншую. Не гаворыцца аб тым, што шляхецкая зямля можа быць перададзена толькі шляхцічу. Наогул, нідзе ў статуце мы не сустракаем забароны няшляхціч у вала-

[1]) Azchiwum Komisyi Prawniczej том VII Krakow 1900 r. Nakladen Akodemii Umiejentnosci.
[2]) Разьдзел II арт.
[3]) { Разьдзел II арт. 9. Разьдзе III арт. 20.
[4]) Разьдзел II арт. 1.
[5]) Разьдзел II арт. 2.
[6]) Разьдзел II арт. 1.
[7]) Jbidem Разд. VII, арт. „Artikul iedęn za cztery" стар. 154.

даць шляхецкаю зямлёю. Толькі адзін артыкул [1]) катэгарычна забараняе няшляхце валадаць зямлёю шляхецкаю, але гэта гаворыцца аб чужаземцах нешляхецкага стану. Наадварот, ёсьць прамыя паказы ў статуце аб праве няшляхты быць уласьнікамі шляхецкай зямлі. Так, артыкул I другога разьдзелу, пералічваючы з каго павінна ісьці служба зазначае „tak y mieszczanie miest naszych, maiący ziętmskie imięni“. Такім чынам, мяшчаны маглі мець земскія іменьні [2]), але ці карысталіся яны тымі ж правамі, як уласьнікі шляхецкай зямлі, як і шляхта. Адносна гэтага пытаньня мы сустракаем такі паказ у статуце. Артыкул чацьвёрты III разьдзелу абяцае шляхце, што шляхецкія грунты і людзі, якія жывуць на іх, ня будуць давацца нікому, хто не належыць да шляхты. Але абяцанак гэты ня носіць характару катагарычнасьці, бо ў канцы зазначана, што тыя іменьні, якія папалі да гаспадара, а раней былі ў каго небудзь нешляхецкага стану, то на такія землі і людзей на іх жывушчых, хоць-бы яны былі баярамі і нават шляхцічамі, пастанова раней выказаная ў даным артыкулу не пашыраецца. Такім чынам тут зноў зазначаецца, што землямі могуць валадаць і няшляхцічы. Землі гэтыя, судзячы па паказаньням артыкулу, нічым ня адрозьніваюцца ад земскіх. Розьніца будзе толькі тая, што раней імі карыстаўся няшляхціч. Але мы бачылі, што ў першым артыкуле другога разьдзелу сказана, што земскія іменьні могуць быць у мешчаніна, так што папярэдняе карыстаньне імі няшляхцічам яшчэ не дае права выключыць іх з групы зямель земскіх. Ёсьць яшчэ адзін прамы паказ статуту аб праве валадаць зямлёю людзям нешляхецкага стану. Статут забараняе яўрэям, татарам і наогул людзям не хрысьціянскай веры, якія бязумоўна не маглі належаць да шляхецкага стану, валадаць зямлёй і трымаць у няволі сялян хрысьціян. Але, як і ў папярэднім артыкуле, забарона гэта ня мае катагарычнага характару. У канцы артыкулу знаходзім такую занатоўку. Калі гаспадар усё-ж дасьць зямлю татарыну якому небудзь, ці яўрэю, ці якому небудзь іншаму нехрысьцьяніну, то гэты нехрысьціянін павінен насельнікаў гэтай зямлі „Ku padatkom y sluzbom niezwyklym nieprzyniewolali“[3]). Так што гэты артыкул зноў нельга лічыць забараняючым няшляхце валадаць зямлёю. Усе разгледжаныя намі пастановы статуту дазваляюць нешляхце валадаць зямлёю земскаю. Статут лічыцца з фактам, што земская зямля можа быць у руках нешляхты, але тут вельмі яскрава праводзіцца імкненьне зрабіць гэты факт толькі выпадковым зьявішчам. Як правіла, Статут вельмі проста і ясна кажа, што зямлёй земскай ня маюць права валадаць нешляхцічы і толькі, як выключэньне з агульнага правіла, ідзе гаворка аб праве валадаць зямлёю нешляхце. Статут імкнецца, як гэта мы бачылі ў папярэднім артыкуле, абмежаваць гэтыя выпадкі і ня даць магчымасьці ім пашырацца. Апошні-ж артыкул робіць у гэтым напрамку яшчэ больш значны крок. Ён дае права сялянам паноў нехрысьціян, калі на іх накладаюцца ня звыклыя падаткі іх панамі, выходзіць з такой зямлі, садзіцца на зямлю шляхецкую ці гаспадарскую, і такія людзі будуць ужо вольнымі. „Ale iesliby ci ludzie naszy za takowym zniewolęnięm precz adesli y zasiedli na ziemiach naszych abo kniaskiech, panskiech y slacheckiech, takowych za wolnych miec chcęmz nizli ziemie ich mają zostac przy tako-

---

[1] Разьдзел III, артыкул 17, стр. 53.

[2]) Праф. М. Любаўскі ў сваёй працы „Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства“ даводзіць на основе паказаў Літоўскай мэтрыкі што мяшчане валадалі земскай зямлёю. Очерк III, стр. 526-528. Чтение в императорском обществе истории и древностей российских за 1893 год., книга III.

[3]) Разьдзел XII, арт. 5, стр. 220

wum, komu dano wedle daniny naszey“[1]). Яшчэ яскравей праводзіцца імкненьне ўтрымаць землі шляхецкія у руках шляхты і забараніць магчымасьць пашырацца нешляхецкаму земляўласьніцтву ў пастановах аб „o prawie, posagu i o więnie“[2]). У артыкуле II гэтага разьдзелу гаворыцца, што, калі шляхцянка выйдзе замуж за няшляхціча, то траціць сваё іменьне „iako oyczystych, tak y macierzystych“. Блізкія кроўныя забіраюць сабе гэтае іменьне, а ёй сплачываюць па рахунку, вызначанаму ў гэтым-жа артыкуле. Цэны паказаны тут, як аб гэтым артыкул і зазначае, на палову меншыя звычайнай цаны. Нізкія цэны даюць поўную карысьць сваякам выкупляць зямлю і робяць гэты артыкул зусім жыцьцёвым. Яны даюць надзею думаць, што шляхта не праміне выкарыстаць гэта права і ня пусьціць зямлі шляхецкай у рукі людзей другога стану. Такім чынам, земляўласьнік няшляхціч ёсьць выключэньне з агульнага правіла. Па агульнаму правілу земляўласьнік і шляхта сынонімы. Толькі земляўласьнік-шляхціч зьяўляецца поўнапраўным земляўласьнікам. Усе-ж іншыя земляўласьнікі абмяжованы ў сваіх правох на карысьць шляхты. Такім чынам, пад земляўласьнікам мы будзем разумець земляўласьніка поўнапраўнага, земляўласьніка-шляхціча.

Цяпер пяройдзем да пытаньня аб тым, каго мы будзем разумець пад земляробам.

Земляўласьнік меў ў сябе розных слуг. Статут ужывае многа розных тэрмінаў для вызначэньня людзей, залежаўшых ад земляўласьніка, сядзеўшых на яго зямлі і правіўшых яму тую ці іншую службу. Але ня ўсіх гэтых людзей можна аднесьці да катэгорыі земляробаў. Мы і папрабуем зараз рагледзець належную тэрміналёгію статуту 1566 г. і вызначыць каго з хаваючыхся пад гэтымі тэрмінамі можна аднесьці да земляробаў, каго мы будзем разумець пад гэтым тэрмінам.

Перш за ўсё выяўляецца, што слугамі земляўласьніка магла быць і шляхта[3]). Далей статут дае нам такія назвы слуг земляўласьніцкіх: слугі панцырныя, слугі пугныя, бортнікі, цяглыя людзі, парабкі[4]), сяляне[5]), слугі і людзі айчыстые[6]), слугі і людзі[7]) нявольнікі[8]), чэлядзь нявольная[9]), чалавек просты[10]), хлоп[11]), мужык[12]), людзі непахожыя[13]). Ужо самыя назвы паказваюць, што пад слугамі, земляўласьніцкімі разумеюцца людзі розных катэгорый. Але ўсіх гэтых людзей можна падзяліць на некалькі асноўных груп. Першай групай мы будзем лічыць слуг-шляхту. Працівалеглай ёй будзе зьяўляцца група людзей простых. Апошняя катэгорыя ў сваю чаргу дзеліцца на людзей вольных і нявольнікаў. Якія-ж з гэтых катэгорыяў увойдуць у зьмест тэрміна-земляроб? Перш за ўсё мы адхіляем групу слуг-шляхту. Прыналежнасьць іх да пануючай групы насельніцтва дае ёй такія правы, што іх ніяк нельга разглядаць разам з усім астатнім насельніцтвам. Потым,

[2]) Разьдзел XII, арт. 5, стар. 220.

[2]) Разьдзел V, арт., II, стар. 139.

[3]) Разьдзел III, арт. 8, стар. 47. Разьдзел III, арт. 4.

[4]) Разьдзел XII, арт. 1, стар. 217.

[5]) Разьдзел III, арт. 28, стар. 6[1].

[6]) Разьдзел III, артыкул 29, стар. 63.

[7]) Разьдзел IV, артыкул 29, стар. 98.

[8]) Разьдзел IV, арт. 53, стар. 116. Разьдзел VIII, арт. 1, стар. 165. Разьдзел VIII, арт. 4 стар. 167.

[9]) Разьдзел III арт., 29, стар. 63. Разьдзел XII, арт. 10, стар. 223. Разьдзел XIII, арт. 5. стар. 228.

[10]) Разьдзел VIII, арт. 5, стар. 167.

[11]) Разьдзел IX, арт. 9, стар. 175.

[12]) Разьдзел XIV, арт., 11 стар. 240.

[13]) Разьдзел XII, арт., 9 стар. 222.

нельга дапусьціць, што яны былі земляробамі. Скарэй можна лічыць, што яны выконвалі абавязкі слуг панцырных, путных і другія прывілейныя абавязкі. Такім чынам, разам з катэгорыяй слуг-шляхты мы адхіляем і слуг панцырных, і слуг путных. У статуце нідзе няма адзнакі, што толькі шляхта можа несьці абавязкі слуг панцырных і путных. Але сама назва гэтых абавязкаў паказвае што іх, бязумоўна, нельга лічыць земляробамі. Такім чынам, у нас застаюцца яшчэ людзі вольнае і нявольнікі. Пад тэрмін зямляроба падыходзяць абедзьве гэтыя катэгорыі.

І тыя і другія сядзелі на панскай зямлі і працавалі на ёй. Але яны ня былі роўнымі. Кожная з гэтых катэгорыяў мела свае асобныя правы і абавязкі. Статут вельмі часта і яскрава вызначае гэта. Для прыкладу пакажу тут толькі на адну розьніцу. Нявольнік зусім ня можа аб „rzeczach swoich ruchomych" тэстамэнт утварыць[1]). Чалавек жа прасты можа адпісать каму ён хоча трэцюю частку сваіх рухомых рэчаў[2]). Распараджацца зямлёю роўна ня можа ні той, ні другі. Аб розьніцы паміж імі мы будзем яшчэ гаварыць ніжэй, але ўжо гэтая розьніца паказвае, што іх нельга разглядаць разам. З другога боку, нельга дапусьціць, што толькі нявольнікі былі земляробамі. Статут нідзе не паказвае, што, скажам, селянін і нявольнік адно і тое-ж, ці цяглы і нявольнік адно і тое ж. З прамых„ жа паказаў Статуту вельмі легка можна вывесьці, што цяглы чалавек мог быць і не нявольнікам. Так, артыкул другі дванадцатага разьдзелу гаворыць аб галоўшчызнах для войтаў, старост, цевунаў і лаўнікаў селавых. Усім гэтым асобам вызначана галаўшчына 40 коп грошай, а калі гэтыя пасады будуць займаць нявольнікі, то за іх плаціцца 20 коп грошай. У папярэднім жа артыкуле такая ж сума (20 коп грошы) вызначана для бортнікаў і цяглых людзей, а за путнага слугу 30 коп. Параўнаньне гэтых галоўшчызн дае магчымасьць лічыць, што пад цяглымі людзьмі першага артыкулу разумеюць не нявольніка, бо іначай за войта-нявольніка павінна была-б быць большая сума грошай. Цяглага-ж чалавека, бязумоўна, ніяк нельга ня лічыць земляробам. Сама назва ўжо гаворыць за сябе. Такім чынам, мы можам прызнаць, што земляробамі маглі быць і вольныя людзі. Так, мы маем дзьве катэгорыі замляробаў вольных людзей і нявольных людзей. Пад вольнымі людзьмі мы будзем разумець тых, каго статут называе бортнікамі, цяглымі людзьмі, сялянамі, чалавек просты, хлопамі, мужыкамі, слугамі і людзьмі, парабкамі, калі не адзначана, што яны нявольнікі, і калі аб слугах не гаворыцца, што яны належаць да другіх катэгорый слуг. Аб асобным жа становішчы нявольнікаў статут выразна заўсёды гаворыць. Мы і папрабуем паказаць становішча, наскольні гэта можна выявіць з статуту, кожнай гэтай групы земляробаў асобна.

У нас паўстае тут пытаньне адносна таго, да якой катэгорыі аднесьці людзей айчыстых і людзей непахожых (ня маючых права пераходзіць). Статут дае адказ на гэта запытаньне. Так статут устанаўлівае даўнасьць ў 10 гадоў для людзей панскіх, якія ўцякуць ад яго і будуць жыць не далей як на дзесяць міль. Пасьля гэтага тэрміну пан ўжо ня можа прад'яўляць якія небудзь прэтэнзіі на гэтага чалавека[3]). Людзі панскія ў гэтым артыкуле называюцца людзьмі айчыстымі.

Ёсьць у статуце па гэтаму-ж пытаньню яшчэ адзін артыкул, у якім гаворыцца так сама аб уцяканьні. Толькі тут маецца на ўвазе

[1]) Разьдзел VIII, арт. 1, стар. 165.
[2]) Разьдзел VIII, арт. 5, стар. 167.
[3]) Разьдзел XII, арт. 8, стар. 221.

ўцяканьне ў горад. Тут ўжо ідзе гаворка аб слугах, людзях айчыстых і чэлядзі нявольнай. Пры чым у пачатку артыкулу гаворыцца—слугі і людзі айчастыя, а ў канцы гэтыя дзьве групы аб'яднаны ў адну і называюцца ўсе разам слугі, і пастаўлены яны ў працівалегласьць чэлядзі нявольнай. Людзі айчыстыя і слугі карыстаюцца у гарадох правам 10 гадовай даўнасьці, пасьля якога тэрміну пан ужо ня можа іх даходзіць, а чэлядзь нявольная гэтым правам не карыстаецца, яе заўсёды пан мая права зьвярнуць да сябе[1]). Такім чынам статут адрозьнівае людзей нявольных і людзей айчыстых. Гэта асобныя катэгорыі людзей.

Іх мы і будзем разглядаць у групе людзей вольных, паказаўшы асаблівасьці гэтай групы, паколькі гэта можна выявіць на аснове статуту. Статут ужывае яшчэ назву людзей непахожых. Гэты тэрмін значыць тое-ж самае што і людзі айчыстыя. У разьдзеле XII, арт. 9, у якім гаворыцца аб парадку павярненьня ўцекачаў людзей панскіх, у пачатку артыкула ўжываецца тэрмін: „людзі непахожыя“, а ў канцы артыкулу гэты тэрмін падменьваецца тэрмінам „oyczysty“. Такім чынам, мы маем тут адну катэгорыю людзей—людзей айчыстых ці непахожых.

У канцы трэба зазначыць, што ўстанаўленьне тэрміну земляроб, як і тэрмін земляўласьнік мае ў нас толькі ўмоўны характар. Як мы бачылі статут ужывае цэлы шэраг розных тэрмінаў і не праводзіць пэўных межаў паміж асобнымі тэрмінамі, бо ня было вызначана гэтых межаў і ў жыцьці. Ясная і пэўная мяжа праведзяна толькі паміж шляхтаю і ня шляхтаю, але і сюды ўрываецца жыцьцё, якое заўсёды ідзе ў перадзе права і ўносіць нейкую мешаніну і тут. Так, панам мог быць і шляхціч і ня шляхціч, так сама і слугою. Усе гэтыя прычыны і прымушаюць нас замест шматлікай і блытанай тэрміналёгіі статуту прыняць тэрміны земляўласьнік і земляроб, умоўна вызначыўшы іх межы. Зразумела, што такія ўмоўныя межы ня зусім ахопяць як адну катэгорыю, так і другую. Ёсьць катэгорыі насельніцтва, якія зусім застаюцца па за межамі нашых тэрмінаў. Так баяры панцырныя і іншыя пры нашым падзеле ня ўваходзяць ні ў межы тэрміну земляўласьнік, ні ў межы тэрміну земляроб. Часткаю іх трэба было-б аднесьці і туды і туды. Мы лічым лепш заставіць іх па-за межамі нашых тэрмінаў, каб ня ўносіць кожны раз блытаніны і думаем, што такое спрашчэньне працы не адаб'ецца на правільным выяўленьні агульнага праўнага становішча земляўласьнікаў і земляробаў і іх суадносін.

РАЗЬДЗЕЛ I.

Земляўласьнік.

Правы земляўласьніка як асобы. Вышэй ужо было паказана, што пад земляўласьнікам мы будзем разумець земляўласьніка-шляхціча. Увесь статут цалкам носіць характар збору праў шляхты. Ужо гісторыя ўтварэньня статуту паказвае, што галоўнай мэтай выданьня яго было сабраць, запісаць, замацаваць правы шляхты. Дзякуючы гэтаму статут вельмі шчодра дае месца для зазначэньня праў шляхты, наогул і шляхты-земляўласьнікаў у першую чаргу.

Перш за ўсе, каб быць земляўласьнікам-шляхцічам трэба было быць падданым вялікага княства Літоўскага. Статут проста і рашуча кажа, што ніякім замежнікам і чужым „zagranieznikom y postronnym“ і суседам вялікага княства грунты даваць забаронена і асобны вы-

[1]) Разьдзел III. арт. 29 стар. 62.

падак дазваляецца за асобую службу і то толькі тады, калі ён стане падданым вялікага княства „pzysete na osiadloci“,[1]) але і ў гэтым разе ён ня ўсімі правамі карыстаецца, бо ня можа быць абраным на які небудзь урад сьвецкі ці духоўны. Такім чынам поўнапраўным земляўласьнікам можа быць толькі тубылец вялікага княства і ніхто іншы, а наогул земляўласьнікам толькі падданы княства. Гэта будзе першы вал, якім літоўска-беларускае земляўласьніцтва хацела агарадзіць сябе ад чужых, ад пашырэньня сваёй групы. Другім валам будзе зьяўляцца рэлігія. Адносна рэлігіі статут усё насельніцтва дзеліць на дзьве катэгорыі: хрысьціяне і няхрысьціяне. Земляўласьнікам-шляхцічам можа быць толькі хрысьціянін. Вольнасьці шляхецкія, гэта ёсьць вольнасьці хрысьціянскія[2]). Няхрысьціянін ня мая права купляць хрысьціян і трымаць іх у няволі. Калі хрысьціянін за даўгі ці закуп пападзецца ў няволю да няхрысьціяніна, то на працягу ня больш як сямі гадоў ён адпрацоўвае вінную яму суму грошай. „Zakupięn y zakupka za siedm lat stych pięniędzy wyrobis się ma“[3]). Такім чынам апроч абмежаваньня свайго кругу тут яшчэ праведзены лепшыя ўмовы для поўнапраўнай клясы земляўласьнікаў эксплёатаваць земляробаў Калі-ж мы ўспомнім, што ў гэтым-жа артыкуле надаецца права земляробам хрысьціянам у выпадку налажэньня нязвыклых для іх падаткаў ад няхрысьціяніна кінуць яго і ісьці да хрысьціяніна, дзе будуць лічыцца вольнымі за гэты ўход то нам вельмі яснай стане перавага земляўласьнікаў-хрысьціян над няхрысьціянамі. Дзякуючы гэтаму, рабочыя рукі пераважна замацоўваліся за імі і давалася магчымасьць лёгка зьвярнуць іх ад нехрысьціян, калі яны туды папалі, бо ня так трудна давесьці, што падаткі, ці работы ёсьць нязвыклыя. Такім чынам гэтым замацоўваўся ня толькі грунт, але і ўмовы для карыстаньня ім.

Адносна нацыянальнага пытаньня трэба зазначыць, што Статут не бярэ пад увагу нацыянальнасьць. Нідзе не адзначана, што тая ці іншая нацыянальнасьць бярэ перавагу, што земляўласьнікам-шляхцічам можа быць асоба толькі той ці іншай нацыянальнасьці. Праўда, артыкул, толькі што намі разгледжаны, падзяляе ўсё насельніцтва на дзьве часткі: яўрэі, татары з аднаго боку і ўсе астатнія з другога боку. Потым, забараняе яўрэям хадзіць у каштоўным убраньні, убірацца ў золата і серабро[4]). Тут як бы ставіцца ў асобна дрэнныя ўмовы нацыянальнасьць яўрэйская і татарская. Але мне здаецца, што тут галоўная справа не ў нацыянальнасьці, а ў рэлігіі. Урэшце мы бачылі што артыкул 5 гэтага-ж разьдзелу пачаўшы аб яўрэях, татарах і басурманах у далейшым ставіць супроць іх .людзей не якой небудзь нацыянальнасьці, а гаворыць аб хрысьціянах і няхрысьціянах, якіх называе басурманамі. Яўрэй, татарын разглядаецца статутам не як чалавек другой нацыянальнасьці, а як чалавек другой рэлігіі. Рэлігія замяняла сабой нацыянальнасьць, і гэта вельмі зразумела, бо і цяпер, калі прашло каля 400 год, часта яшчэ ня ўмеюць адрозьніць рэлігію ад нацыянальнасьці. Такім чынам, рэлігія зьяўлялася другой надворнай умовай, неабходнай для прыналежнасьці к пануючай групе земляўласьнікаў. Асоб-жа, належных да гэтай групы, статут 1566 г. вельмі старанна аховываў. Правы тут былі двух катэгорый. З аднаго боку земляўласьнікі карысталіся агульнымі шляхецкімі правамі, а з другога боку на іх, як на земляўласьнікаў, статут зварочваў асаблівую ўвагу. Зразумела, што шляхціч-земляўласьнік мэг у поўнай меры карыстацца

[1]) Разьдзел III, арт. 4 і 9, стар. 44, 47-48.
[2]) Разьдзел III, арт. 2.
[3]) Разьдзел XII, арт. 5, стар. 220.
[4]) Разьдзел XII, арт. 4, стар. 219.

судовымі і другімі дзяржаўнымі ўстановамі, адказваць перад судом, сам быць поўнапраўнай юрыдычнай асобай, абы ён меў 14 гадоў[1]: ня быў страціўшым розум[2]) бо інакш ён ня нёс поўнай адказнасьці за сваю дзейнасьць. Усе гэтыя правы былі зразумелы самі сабою і на тлумачэньне іх статут 1566 г. не зварочвае вялікай увагі. Статут, галоўным чынам, клапоціцца высьвятленьнем таго, чаго нельга рабіць як самой гэтай асобе, так і адносна яе. Мы раней разгледзім правы асобы шляхціча наогул, а потым, што дададзена яшчэ статутам адносна шляхціча-земляўласьніка. Перш за ўсё зазначаецца, што нікога ня будуць судзіць за вочы, без яўнага суду. Толькі на яўнам судзе, у прысутнасьці абвінавачанага можна давесьці яго віну і давесьці яе трэба добра, бо інакш сам панясеш тую кару, якая выпала-б абвінавачанаму, калі-б яго віна была даведзена[3]). Тут трэба зазначыць, што статут прадбачыў, што можа хто небудзь ці па сваёй віне, ці па аб'ектыўнай умове не зьявіцца на суд, і з гэтай прычыны зрабіў належныя пастановы, як суд павінен рабіць у такім выпадку[4]). Нас у даным разе гэтыя пастановы ня цікавяць. Нам важна толькі, што Статут дае права кожнай асобе самой даказваць і бараніцца ад абвінавачаньняў, карае за няправільнае абвінавачаньне. Даная пастанова носіць агульны характар, тут не адзначана, што гэта датычыцца толькі шляхты, але для аховы асобы шляхты, бязумоўна гэтыя пастановы мелі вялікае значэньне. Але статут побач з гэтай пастановай паставіў і другую, якая ахоўвае толькі асобу шляхты. Калі справа ідзе аб абражэньні маестату і абвінавачанаму пагражае трата чэсьці ці горла, то гаспадар павінен судзіць толькі на сойме ў вялікім княстве[5]). Зразумела, што судзіць ў сабраньні сваёй жа шляхты, па такой вострай справе, як абраза вялікага князя, ёсьць вялікая забясьпека, што суд будзе скарэй больш лёгкі, чым суровы. Апрача гэтай гарантыі справядлівага суду статут зазначае яшчэ і другую ў справах абразы маестату. Аб абражаньні маестату павінна быць даведзена добрымі сьведкамі-шляхтай і сваёй прысягай[6]). Такім чынам асоба шляхціча вельмі добра была захована ад няправільных нападаў з боку ўлады ў такім важным праступку, як абраза маестату. Да гэтых пастаноў блізка падыходзіць пастанова аб абвінавачаньні шляхціча ў якой небудзь другой справе, калі ён ня быў злоўлен, як гаворыцца, „с поличным“. У такім разе абвінавайца павінен падтрымаць сваё абвінавачаньне належнымі довадамі, а калі не, то плаціць шляхцічу навязку. Але і ў тым разе, калі абвінавайца сваё абвінавачаньне падтрымае якімі небудзь заслугоўваючымі ўвагі довадамі, то і тады яшчэ шляхціч сваёй прысягай можа зьняць з сябе ўсякае абвінавачаньне, але не атрымлівае навязкі. Калі гэта самае здарыцца ў другі раз, то апрача яго прысягі патрэбна прысяга яшчэ двух шляхцічаў і ў трэці раз ён можа застацца чыстым калі знойдзе шэсьць сьведак-шляхты, якія разам з ім прысягнуць, што ён ня вінен, а калі ня хопіць аднаго ці двух сьведкаў, то шкоду плаціць, але ня лічыцца яшчэ вінаватым, бо статут тут-жа зазначае, што заплаціўшы шкоду, шляхціч шукае вінаватага. Толькі ў чацьверты раз ён можа панесьці кару, калі абвінавайца сам трэцьці прысягне ў падтрыманьне свайго абвінавачаньня[7]). Са-

[1]) Разьдзел XIV, артыкул 8 (стар. 239).
[2]) Разьдзел VIII, артыкул 1 (стар. 165).
[3]) Разьдзел I, артыкул 2.
[4]) Галоўным чынам аб гэтым гаворыцца ў разьдзеле IV, маецца яшчэ ў разьдзеле I арт. 22 і разьдзеле III, арт. 7.
[5]) Разьдзел I, артыкул 3.
[6]) Разьдзел I, артыкул 5 (стар. 4).
[7]) Разьдзел XIV, артыкул 7, (стар. 238).

ма пастанова гэтая ўжо вельмі яскрава паказвае імкненьне статуту абараніць асобу шляхціча ад усякіх няпраўдзівых абвінавачваньняў, а яшчэ больш ясна гэта робіцца, калі мы параўнаем гэтую пастанову з аналёгічнай ёй, дзе абвінавачаным зьяўляецца толькі няшляхціч. У такім разе, калі які небудзь няшляхціч абвінавачваецца ў зладзействе шляхцічам, то хоць бы гэты быў чалавек непадазроны і ў абвінавайцы ня было ніякіх слушных прычын, то толькі калі ён абвінавачаны ў першы раз, то можа зьняць з сябе абвінавачаньне прысягай сваёй і двух суседаў, таксама людзей непадазроных і веры годных, а калі ён будзе абвінавачан у другі раз, то ўжо ніякая прысяга яму не паможа і ён караецца, як злодзей [1]). Тут не гаворыцца нават аб тым, што шляхціч павінен прасягнуць у падтрыманьне свайго абвінавачаньня, у тым разе, як для абвінавачаньня шляхціча ставіцца цэлы шэраг цяжкіх умоў. Шляхцічу даецца поўная магчымасьць лёгка знайсьці вінаватага сваёй крыўды, тым больш, што Статут не гаворыць, што ён павінен будзе чым небудзь узнагародзіць абвінавачанага, калі таму ўдасца адвесьці ад сябе абвінавачаньне, як гэта было паказана ў пастанове аб абвінавачваньні шляхціча. Ахована асоба шляхціча і ад усякай абразы дзеяньнем. Пры гэтым, тут зноў прымаецца пад увагу, хто абразіў, калі шляхціч шляхціча, то вінаваты караецца грашмі і турмой, а калі мешчанін, альбо чалавек просты раніць шляхціча, то руку траціць, а калі якая небудзь частка цела дзякуючы параненьню згубіць сваю працаздольнасьць, то вінаваты горла траціць. Тут зноў падкрэсьліваецца шляхетнасьць статуту, бо калі такая-ж абраза будзе ня шляхцічу, то кара значна менш і ў залежнасьці ад сацыяльнага становішча пакрыўджанага [2]).

Трэба адзначыць яшчэ адно права асобы, якім мог карыстацца па літаральнаму разуменьню пастановы статуту 1566 г. і няшляхціч, але зьмяшчэньне гэтай пастановы ў разьдзел аб вольнасьцях шляхецкіх дае магчымасьць думаць, што тут мелася на ўвазе галоўным чынам шляхецтва. Я разумею права вольнага выезду за межы дзяржавы. Статут дае поўнае права чалавеку рыцарскаму і „вшэлякага стану“ выехаць за межы дзяржавы, апрача зямель непрыяцельскіх, на першым месцы з якіх стаіць Маскоўшчына [3]). Гэта дазваляецца нават ў тым выпадку, калі жадаючы выехаць зрабіў які небудзь выступ, выключаючы абразу маестату. У такім разе ён павінен толькі здаволіць пакрыўджанага [4]). Такое права ў XVI сталецьці зноў зьяўляецца важным правам характэрызуючым вольнасьць асобы. Урэшце, трэба адзначыць яшчэ і той прынцып, абараняючы вольнасьць асобы, які прама, асобным артыкулам зацьверджан у статуце. Я гавару аб пастанове статуту, што ніхто за віну другога не адказвае, апрача абразы маестату [5]). Праўда, тут трэба прыняць пад увагу, што ўжо ў самым гэтым артыкуле прыведзена выключэньне, і што кара падданых якога небудзь пана, бязумоўна, была шкоднай для гэтага пана, бо закранала яго маемасьць, так што гэта пастанова ня мела такога ўжо бязумоўнага, усеагульнага характару. Але вольнасьць асобы яна абараняла, бо пры ўсіх выключэньнях адказнасьць датыкалася толькі маемасьці, а праў асобы не зачэплівала. Па літаральнаму зьместу пастановы яе трэба разумець, як пастанову маючую, распаўсюджваньне ня толькі на

[1]) Разьдзел XIV, артыкул 17, (стар. 243).
[2]) Разьдзел XI, арт. 13, 15, і (стар. 204); разьдзел XII, артыкул 1-3, стар. 218).
[3]) Разьдзел III, артыкул 13, (стар. 50).
[4]) Разьдзел I, артыкул 7, (стар. 5).
[5]) Разьдзел I, артыкул 14, (стар. 10).

шляхту, але на ўсе станы, ці было так у жыцьці, гэта ўжо другое пытаньне, аб якім мы тут казаць ня будзем.

Усе гэтыя пастановы, якія мы да гэтага часу разглядалі абараняюць часткаю права асобы ўсіх станаў, а часткаю толькі шляхты. У гэтых пастановах уся шляхта разглядаецца, як адно цэлае. Пастановы носяць выразна паказаны саслоўны характар. Тут кляса земляўласьнікаў і сасловія шляхты зьліваюцца ў адно цэлае і ахоўваюцца аднымі законамі. Раней-жа мы бачылі, што земляўласьнік не заўсёды бывае шляхцічам, што шляхціч можа быць слугою земляўласьніка і значыцца належаць да другой зусім клясы насельніцтва. Статут констатыруючы ў сваіх пастановах гэты факт паклапаціўся і аб тым, каб і аховы правоў асобы таксама адрозьніць іх і ня зусім зьмяшаць у адно цэлае. Асобы шляхціча-земляўласьніка больш ахоўваецца, чым шляхціча не земляўласьніка. Шляхціч земляўласьнік, шляхціч аседлы ня можа быць ні арыштованым, ні пасаджаным у турму „wedle prawa nieprofwany“, гэта значыць бяз суда, адміністрацыйна. Нават кароль ня мае права адміністрацыйна яго арыштаваць. „Praw ad nas horpodrza u ot zadnego urzędu i ten u więzieniu sadząby nięta“ [1]). Гэта пастанова не пашыраецца на шляхту неаседлую і трэба лічыць важнай прывілегіяй для хляхты земляўласьніка [2]). З другога боку мы бачылі, што земляўласьнікамі маглі быць і не шляхцічы і такім чынам яны ў клясавых групіроўках падыходзілі да земляўласьнікаў-шляхты больш чым шляхта ня маючая зямлі. Такое зьявішча разыходу групаваньня саслоўнага і клясавага таксама прынята пад увагу статутам і перавага ў даным разе аддадзена клясаваму падзелу, а не саслоўнаму. Пытаньне ідзе аб ахове асобы пана ад яго слугі. Мы ведаем, што панам мог быць і няшляхціч як слугой у такога пана мог быць шляхціч. Статут у даным выпадку становіцца на бок пана супроць слугі. Слуга забіўшы ці раніўшы са злым умыслам свайго пана, горла траціць, а калі нават і ня раніў, а толькі падняў супроць свайго пана, зброю, то руку траціць [3]). Аб саслоўнай належнасьці і слугі і пана пастанова зусім маўчыць. Праўда, даная пастанова знаходзіцца ў разьдзеле аб глаўшчызнах і навязках шляхецкіх, але гэта яшчэ не дае права нам лічыць, што яна не магла быць аднесена да пана няшляхціча. Зьмяшчэньне яе ў разьдзеле шляхецкім падкрэсьлівае толькі тую думку, што земляўласьнік няшляхціч ёсьць выпадковасьць, ці больш правільна сказаць, разглядаецца статутам, як выпадковасьць. У гэтым самым разьдзеле ўва ўсіх другіх пастановах складальнікі статуту не забывалі кожны раз асобна паказаць да каго належыць гэта пастанова, калі гэта датычыцца шляхціча і калі не. Так што маўчаньне гэтага артыкулу аб саслоўнай прыналежнасьці пана і слугі дае магчымасьць лічыць, што тут пад панам разумеўся і нешляхціч, а пад слугою і шляхціч. Асабліва клясавы характар гэтай пастановы стане больш выразным калі ўспомнім што кара за рану ня толькі шляхціча шляхцічам, але і простым чалавекам шляхціча была больш лёгкая, чым паказана ў гэтым параграфу і што пры налажэньні кары статут заўсёды старанна адрозьнівае саслоўную прыналежнасьць як пакрыўджанага, так і пакрыўдзіўшага.

На аснове разгледжанага да гэтага часу матар'ялу мы можам прыйсьці да вынікаў, што асоба земляўласьніка карысталася шырокімі

[1]) Разьдзел III арт. 7 (стар. 17).

[2]) Розьніца паміж караю за адны і тыя-ж праступкі неаселага і аселага шляхціча заўважана і адным з ранейшых дасьледчыкаў статута Г. В Демченка-Наказание по Литовскому статуту—Киев—1894 г. стар. 237.

[3]) Разьдзел XI арт. 18 (стар. 207).

правамі і старанна ахоўвалася статутам. Статут лічучы агульным правілам, што шляхціч і земляўласьнік адно і тое-ж, зьліваючы паняцьце клясы з паняцьцем стану, у тым-жа разе не забывае, што ёсьць выключэньне з агульнага правілу, што станы і клясы часамі разыходзяцца, і пастановы статуту, трактуючыя галоўным чынам аб правох шляхціча, наогул, пераходзяць час ад часу на абарону і правоў ці спэцыяльна шляхціча-земляўласьніка, ці земляўласьніка наогул, калі ім працівалежыць не земляўласьнік.

(Працяг будзе)

И. Я. Герцык.

Новейшие течения в Политической Экономии в связи с проблемой кризисов [1]).

I.

В моей статье „О некоторых проблемах теории Политической Экономии [2]) я старался выяснить, какие изменения вносятся в теорию Политической Экономии исследователями новейшей фазы развития капитализма. Категории нашей науки, которые рассматривались представителями классической школы, как основы существующего строя, тесно с ним связанные и обусловливающие его развитие и процветание,—закон конкуренции и образования рыночных цен, закон уравнения нормы прибыли и др.—значительно модифицировались под влиянием новых условий экономического развития наиболее могущественных и передовых в хозяйственном отношении стран. Основная тенденция новейшей фазы экономического развития капитализма— стремление преодолеть анархию производства, установить план хозяйственного развития, хотя-бы в пределах отдельных стран. Но стремление к планированию противоречит основам капиталистического строя, является фактически отрицанием его сущности, главных признаков, отличающих его от других хозяйственных форм. Усилия, направленные к планированию, не могут поэтому привести к цели при сохранении существующих хозяйственных условий капиталистических стран. Они являются доказательством неизбежности перехода к другому экономическому строю, на других основаниях зиждящемуся. В вышеуказанной статье я считал нужным отметить бессилие идеологов капитализма разобраться в новейших условиях хозяйственной жизни, построить теорию, их об'ясняющую. Ученый, заранее предубежденный против необходимости изменения существующего строя, не может разобраться в пестроте новых явлений, проходящих перед его глазами. Немногие попытки анализировать, понять общее развитие хозяйственной жизни оказались неудовлетворительными [3]).

Недостаточность общепринятых экономических теорий для выяснения процессов текущей хозяйственной жизни выявляется с каждым годом все более и более. В Германии, где в настоящее время особенно усиленно подвигается вперед разработка отдельных важнейших теоретических вопросов экономической науки, крупнейшие представители этой дисциплины прямо ужасаются распадению стройных теорий, пару десятков лет тому назад казавшихся прочными, незыблемыми.

Проследим вкратце судьбу наиболее популярной в последние десятилетия, в особенности в университетских кругах, теории психологической школы. Еще около 50-ти лет тому назад, после того как классическая школа Смита-Рикардо дала начало целому ряду направлений в Политической Экономии, когда, наконец, она нашла свое

[1]) Доклад, читанный в Научном Обществе при Б. Г. У. в январе 1927 г.
[2]) Труды Белорусск. Госуд. Унив. № 11.
[3]) См. Труды Бел. Гос. Унив. стр. 26—28.

логическое завершение в теории Маркса, официальные экономисты-профессора отворачиваются от нее. Принцип об'ективизма, положенный в основу учения классической школы, признается ее первородным грехом, приводит, по мнению указанных экономистов, к отклонению от правильного пути научного исследования и является причиною целого ряда неверных выводов. После относительно кратковременного торжества исторической школы начинает свое победоносное шествие школа суб'ективная, психологическая. Эга школа захватывает одну кафедру за другой, распространяется из Австрии, где она зародилась (Менгер, Бем Баверк) и из Англии (Джевонс, Маршалл) по всему европейскому континенту и перекидывается за океан в Соединенные Штаты. Основная теория этой школы—теория предельной полезности—еще в 1922 г. экономистом-агрономом Б. Д. Бруцкусом в журнале „Экономист", выходившем тогда в Ленинграде, провозглашается, как „великое достижение", как последнее слово науки [1]). И что-же? В 1926 г. один из крупнейших экономистов Германии, причисляемый к главным представителям суб'ективного направления в экономии, Р. Лифман заявляет в обширной статье „Subjektivismus u. Objektivismus in der neueren Wirtschaftstheorie", что „сопротивление против теории предельной полезности все более усиливается. Замечается даже частичный возврат к классической теории и об'ективизму со всеми его недостатками, как у Ф. Опенгеймера, или немного модернизированному, как у Г. Касселя с принципом недостаточности („Prinzip der Kuappheit)". „Готль, замечает далее Лифман, выражается в новейшее время об этой теории ценности, как об умирающей. То, что указанная теория находит и в настоящее время своих защитников в лице некоторых американцев и австрийцев, учеников главных представителей названного направления, как Ландауэр и др., не мешает отметить очевидный факт потери данной теорией в новейшее время в значительной степени своего влияния". Р. Лифман находит и мы можем вполне к нему присоединиться, „что эту теорию постигла ее судьба не незаслуженно", „не неправильно, говорит он, утверждают противники этой теории, что, несмотря на все старания ее представителей, ей в течение 50-ти лет не удалось удачно разрешить, хотя бы одну из главных проблем нашей науки, хоть немного лучше, чем старой теории (т. е. классической школе И. Г). Если присмотреться ближе, то теория предельной полезности по отношению к главным проблемам нашей науки—учению о ценах и об источниках доходов, несмотря на известную теорию процентов Бем-Баверка, не пошла дальше выводов классиков. И для нее главными основными пунктами хозяйственной науки являются теории издержек производства и спроса и предложения. Вся суб'ективная теория ценности у всех ее представителей не более, как надстройка, которая не находится в органической связи со старым зданием учения, принятым по традиции... Да, этому учению мы обязаны отсутствием системы в науке о народном хозяйстве, ее распаду на ряд не связанных между собою учений, что так характерно для настоящего времени" [2]). Но сам автор статьи должен признать, что новой общепринятой теории, заменяющей старую, пока нет. Ведь только этим и можно об'яснить, что крупные экономисты всецело отказываются от понятия ценности, ограничиваются учением издержек производства и спроса и предложения, которые без соответствующего более глубокого обоснования ничего не

[1]) № 1, стр. 61—62 статья „Проблемы народного хозяйства при социалистическом строе".

[2]) „Zeitschrift für die gesammte Staatswissenschaft"—80 Iahrgang 1925/1926 стр. 39—40.

могут об'яснить. Эти ученые невольно подают руку вульгаризаторам нашей науки 30—40 г.г. пр. ст., времени распада классической школы. Своей теории нет, обратиться же к теории Маркса, использовать его метод для анализа новых явлений последней фазы развития капитализма „убеждения" не позволяют. Р. Лифман, доказывая в другом месте цитированной нами его интересной статьи необходимость более глубокого познания связи экономических явлений, заявляет, что без такой теории „невозможно опровержение, построенных на основе об'ективизма, ложных теорий и прежде всего научного социализма" [1]).

Благодаря указанным условиям, состояние нашей науки представляет собою в настоящее время рассыпанную храмину. Чуть-ли ни каждый крупный ученый имеет свою теорию, которую он и его ученики считают единственно правильной, а остальные общие теории ошибочными. Часто встречаешься с сектантским, не критическим отношением учеников-профессоров к учению главы школы, „мейстера". Суб'ективисты (наиболее значительный представитель этой школы в настоящее время, как мы уже указали, Р. Лифман) ведут неустанную борьбу с об'ективистами (Фр. Оппенгеймер, Г. Кассель и др.), обвиняют их в „ужасном грехе", проникновении социалистической тенденцией [2]), но шагу вперед в смысле подготовления новой общей теории, об'ясняющей более или менее удовлетворительно развитие хозяйственной жизни в последнее время, мы отметить не можем. Да и ожидать такой теории от ученых, заранее предубежденных против марксистского метода, нельзя.

II.

Если общая теория экономической науки, охватывающая всю хозяйственную жизнь последнего периода капитализма, и заставляет себя ждать, то отдельные проблемы разрабатываются в послевоенный перод весьма энергично и изучение этих исследований представляет огромный интерес. Конечно, отсутствие общего миросозерцания порою жестоко мстит за себя. Ученые, более всего боящиеся попасть в тенета научного социализма, по их мнению „утопической" мечты, задаются действительно утопическими проектами, давно уже опровергнутыми и в теории, и на практике. Так один из крупнейших американских авторитетов по вопросам денежного обращения, Ирвинг Фишер, предлагает план введения, неизменяющейся в своей ценности валюты [3]). Этот проект, конечно, не выполним: так как в товарно-капиталистическом хозяйстве цены товаров не могут не колебаться, установить постоянную, независимую от рынка цену какого-либо товара, в том числе денег, невозможно. Страницы у Маркса в „Критике Политической экономии", трактующие об „идеальной единице денежной меры", посвященные критике подобных плану И. Фишера теорий писателей пр. ст., исчерпывающе раз'ясняют этот вопрос [4]). И. Фишер впрочем не счел даже нужным в своем об'емистом труде не только опровергнуть доводы Маркса, фактически направленные против его проекта, но и обмолвиться, хотя бы одним словом, о работах Маркса в интересующей его области.

Еще более чем проект Фишера, является утопическим план известного английского экономиста Кейнса денежной реформой и посто-

---

[1]) Zeitschrift etc. стр. 223—224

[2]) do „ 240

[3]) Ирвинг Фишер „Покупательная сила денег" Финанс. Издат. Москва 1926 см. главу „Проблема создания более устойчивой покупательной силы денег" стр. 239-262.

[4]) Изд. Шиповник 1907 г. СПБ пер. П. П. Румянцева глава „Теории единицы денежной меры" стр. 62—67.

янным банковским контролем достигнуть неизменного уровня товарных цен. Очень благожелательно к нему относящийся австрийский экономист И. Шумпетер весьма правильно замечает, что препятствовать необходимым колебаниям уровня товарных цен значило бы расстроить весь механизм товарных цен и тесно с ним связанную систему народного хозяйства, основанную на частной собственности на средства производства [1]). И в этой новизне мы можем отметить старые идеи 30-40 г. г. пр. столетия, в том числе прудоновские, тоже много десятков лет тому назад отвергнутые и теорией, и жизненной практикой. Но указанные и им подобные проекты представляют для нас огромный интерес. Они доказывают, как стремление капиталистического хозяйства устранить присущую ему анархию производства наталкивается на границы, перешагнуть которые при сохранении настоящей хозяйственной системы невозможно. Но такое стремление, безусловно имеется, оно, конечно, не случайного характера, оно должно быть отнесено к числу противоречий капиталистического строя и особенно характерно для последней фазы его развития.

С этой точки зрения, мне кажется, нам крайне важно знакомиться с новыми течениями экономической мысли. Развитие экономической науки идет в настоящее время по двум главным направлениям. В Англосаксонских странах преобладает статистикоэмпирический метод. Во главе исследовательских институтов мы должны поставить Горвардский институт в Нью-Иорке. Благодаря огромным средствам, предоставленным в его распоряжение, этому институту удалось привлечь крупнейшие научные силы и поставить дело собирания и разработки материалов, касающихся экономических явлений, на недосягаемую высоту. Несомненно, издания этого и других исследовательских учреждений помогут разрешению многих важных вопросов современности и вместе с тем предоставят будущим историкам-экономистам незаменимые материалы для изучения нашей эпохи. Теоретические же исследования занимают, главным образом, немецких ученых. В Германии теоретическая мысль особенно усиленно бьется над разрешением важнейших проблем современности.

III.

Остановимся на вопросе, составляющем одно из самых больных мест капиталистического строя, на вопросе о кризисах. Уже с начала XIX-го столетия одним из ужаснейших зол товарнокапиталистического хозяйства являются кризисы с сопровождающими их явлениями массового разорения, безработицы, гибели народного богатства и т. д Только экономисты начала XIX-го ст., Рикардо и эпигоны классической школы, Сей, Джемс Милль и др., оптимистически относились к этому вопросу. По их мнению, кризисы представляют собою детскую болезнь капитализма, общее перепроизводство невозможно, бывает только частичное перепроизводство одних товаров, которому всегда соответствует недопроизводство других. Эти неустройства, казалось указанным экономистам, должны были постепенно изживаться с дальнейшим развитием капитализма. У Рикардо глава, посвященная этому вопросу (в его основном труде „О началах политической экономии и о налогах"), носит название „О *внезапных* [2]) изменениях в направлениях торговли". Указав, что „великая мануфактурная страна особенно подвергается временным переменам и случайностям, вытекаю-

---

[1]) I. Schumpeter „Kreditkontrolle" в Archiv fur Sozialwissenschaft u Sozialpolitik 54 Band 1925 стр. 312-313.

[2]) Курсив мой И. Г.

щим из передвижения капиталов из одного помещения в другое", автор относит причины этого явления к войнам, производящим „вообще большие замешательства в торговле" и к изменению мод на мануфактурные товары, „спрос на которые зависит не только от потребностей, но также и от вкуса и каприза покупателя". Далее заявляет Рикардо, что „в странах богатых и могущественных, где затрачено много капиталов на машины, бедствие, происходящее вследствие изменения в направлении торговли, будет более чувствительно, нежели в странах более бедных, где сравнительно меньше постоянного и больше оборотного капитала и где, следовательно, более значительная часть работы производится ручным трудом. Оборотный капитал не так затруднительно извлечь из того помещения, в которое он может быть затрачен, как капитал постоянный". Но Рикардо находит, что „зло это есть одно из тех, которым должна подвергаться богатая нация, и жаловаться на это не имело бы более смысла, как богатому купцу печалиться о том, что корабль его подвергается морским опасностям в то время, как хижина его бедного соседа находится в защите от всех таких случайностей"[1]).

С дальнейшим ростом капитализма и выяснением его противоречий бедствия промышленных кризисов все сильнее дают себя чувствовать. Сисмонди и Родбертус бьются над поисками избавления культурного человечества от этих зол или, по крайней мере, их смягчения, но приходят к пессимистическому выводу тщетности всех предлагаемых мер при сохранении основ существующего экономического строя.

Углубленное исследование этого вопроса дает Маркс во II-м и III-м томе „Капитала". Он нам рисует яркие картины капиталистического развития производства и сопутствующих ему периодически повторяющихся кризисов с их последствиями—разорением широких кругов средних и мелких собственников, использованием их бед немногими крупными капиталистами для целей наживы и все большей концентрации в своих руках народного богатства. Маркс выяснил, какие условия необходимы для бесперебойного развития производства при существующей хозяйственной системе[2]). Внимательное изучение этих условий не оставляет ни малейшего сомнения, что соблюдение их при капиталистическом строе невозможно, кризисы при этом строе неминуемы, хотя действие их в разные периоды развития капитализма различно.

Гильфердинг, на основании исследований кризисов конца XIX-го и начала XX-го ст., указывает, что характер их проявления сильно изменился, они становятся менее острыми; в развитых капиталистических странах замечается все более постепенный переход от периода процветания к периоду депрессии. Гильфердинг, подробно выясняя причины изменения характера кризисов, обращает внимание на влияние в этом отношении крупных промышленных об'единений и банков. Картели стараются урегулировать производство, контингентировать его размеры, банки, при начинающихся затруднениях в сбыте, не стесняют, по возможности, благонадежных фирм в кредите под залог товаров и документов и тем облегчают им воздержание от выбрасывания массы продуктов на рынок, что раньше приводило к обесценению то-

---

[1]) Сочинения Д. Рикардо перев. Н. Зибера С.-Петербург Изд. Л. Ф. Пантелеева 1882 г. стр. 164-167.

[2]) „Das Kapital' II, Band Hamburg 1893 стр. 366-500.

варов и к разорению многих предпринимателей и денежных капиталистов[1]).

Отмеченный Гильфердингом факт изменения характера кризисов, их меньшей остроты, находит свое подтверждение и в исследованиях более позднего времени. „Расстройство в хозяйстве и паника, так характерные для прежних времен, пишет Шумпетер, не имеют места в настоящее время". Он приводит сведения из доклада известного американского экономиста Митчеля, представленного последним в 1923 г. комиссии по исследованию причин и условий безработицы в Соединенных Штатах Америки. Согласно цитируемым Шумпетером данным, разница в доходах лучших и худших годов в Соединенных Штатах составляет 15-20%, а по сравнению худших со средними всего 8-12%. Необходимо заметить, что в Соединенных Штатах колебания эти, вследствие большей интенсивности хозяйственной жизни, гораздо значительнее, чем, например, в Англии и Франции. Уже в 1913 г. известный исследователь хозяйственных кризисов Афталион приходит к выводу, подтверждаемому целым рядом индексовых чисел, что общее падение цен на товары во время кризиса и в первый год периода депрессии, так характерное для кризисов XIX-го столетия, происходит в XX-м стол. в гораздо меньших размерах. Так, 13% исследованных цен товаров не изменилось вовсе, около 1/4 товаров даже повысились в цене, а около 3/5 продукции действительно подверглось быстрому изменению цен. Количество безработных в Западной Европе в самые острые моменты составляло 10%, в 4 раза более, чем в нормальное время (не приняты во внимание неполные недели работы). Общая сумма реальной заработной платы значительно понижается по сравнению с периодом расцвета. Бедствия кризисов и в XX-м ст. тяжело отражаются на положении трудящихся классов и должны привлечь к себе самое серьезное внимание исследователей и практических деятелей, но однако Шумпетер считает нужным отметить, что промышленные кризисы в нашем столетии протекают менее остро, чем в XIX-м. Конечно, заявляет он, при изучении кризисов послевоенного периода, необходимо выделить социальные бедствия, являющиеся прямым результатом мировой войны [2])[3]).

IV.

После войны продолжается, как мы уже указали, главным образом в Германии, теоретическое изучение причин и форм проявления кризисов, а также выяснение средств доведения до минимума причиняемого ими народному хозяйству зла. Уже к 60-70 гг. пр. ст. выделились два главных направления в теории кризисов. Одно направление видело основную причину кризисов в условиях обмена, в неправильности денежного обращения (Маклеод, Лавеле, Жугляр и др.). Другое же направление—в условиях производства и распределения (школа Рикардо, Сисмонди, Родбертус, Маркс)—мы не касаемся их

---

[1]) Гильфердинг „Финансовый капитал". Госуд. Издат., перев. с немецкого И. Степанова 3-е издание 1923, стр. 336-351. (Оригинал вышел в свет 1909 г. и с тех пор перепечатывается без изменений).

[2]) Schumpeter „Kreditkontrolle" в Archiv etc. стр. 321-322.

[3]) Для сравнения считаю нелишним привести некоторые данные о кризисе 80-х г.г. пр. ст. В своей известной работе „Периодические Промышленные Кризисы" Т. Барановский отмечает, что по официальному статистическому обследованию нескольких кварталов Лондона в марте 1887 г., когда безработица стала несколько уменьшаться, из 29451 рабочих 27% было без работы. Из числа 29 тыс рабочих было более или менее продолжительное время без работы 53% в течение периода от октября 1886 г. до марта 1887 г. (Книгоизд. Т-во „Книга" Петроград-Москва 1923 г. стр. 367).

внутренних расхождений). С тех пор много воды утекло, развитие капитализма сильно подвинулось вперед, более рельефно выявились его противоречия, более тщательно были изучены различные категории капиталистического хозяйства, но обе главных школы сохранились до сих пор, хотя под влиянием времени заметно модифицировались их аргументы. Первая школа, называвшаяся раньше монетарной, денежной школой, теперь именуется денежнокредитной школой. Она имеет своих крупных представителей преимущественно в Англии и Соединенных Штатах Америки, как Кейнс, Howtree и др. Примыкает к этой школе также известный шведский экономист Г. Кассель. Разделяет также взгляды этой школы один из лучших наших исследователей кон'юнктуры и кризисов проф. Первушин.

К сторонникам школы, видящей главную причину кризисов в условиях производства и распределения капиталистического хозяйства, относятся в настоящее время крупные теоретики как Репке, Бунятян, Туган-Барановский и др.

Среднюю позицию между этими двумя направлениями занимают немецкие экономисты И. Шумпетер и А. Hahn.

Как мы выше указали, сторонники первой школы усматривают причину кризисов в условиях денежного обращения и кредита. Очень ярко выражает идеи этой школы проф. Первушин в своем труде „Хозяйственная кон'юнктура". „Причина кризиса или депрессии, пишет он, лежит в условиях денежного обращения или кредита: перенапряжение кредита, кредитная инфляция и, как ее следствие, резкое расхождение общественного предложения с общественным спросом, а также общественного спроса с общественным доходом, влекут за собою явления общего перепроизводства и кризиса" [1]). В другом месте этого труда он замечает: „кредитная инфляция или дефляция, распределение кредитов между городом и деревней, между тяжелой и легкой индустрией, является одним из самых основных факторов, определяющих русскую кон'юнктуру [2]).

Крайние представители этого направления заявляют, что „процветание и депрессия чисто монетарный феномен", а Howtree даже говорит, что волны хозяйственных колебаний с их мрачной свитой, борьбой за заработную плату, безработицей, кризисами и банкротствами надо отнести за счет изменения цен (вызываемого кредитной инфляцией и дефляцией И. Г. [3]).

Какие же аргументы пред'являют представители этой школы в доказательство своей теории? Они исходят из правильной мысли, что период процветания, расширения производства, неизбежно приводит к депрессии, а иногда и к кризису. Но чем же вызывается период процветания? По их мнению, кредитной инфляцией. Надо, указывают они, различать кредиты капитальный и оборотный. Первый состоит, как это отметил и Гильфердинг, в превращени бездеятельных денег в деятельные. При посредстве банков бездеятельные суммы, находящиеся в распоряжении отдельных лиц и фирм, направляются в производство. Этот кредит не создает новых капиталов, он использовывает только имеющиеся. Бездеятельные суммы, становясь деятельными, создают новый спрос на товары, на средства производства. Но капитальный кредит возможен только при имеющихся накоплениях и потому действие его сравнительно ограничено.

---

[1]) Изд. „Экономическая Жизнь" Москва 1925 г. стр. 70.
[2]) „Хозяйственная кон'юнктура" 69.
[3]) Цитирую по I. Schumpeter „Kreditkontrolle" в Archiv etc. стр. 317.

Гораздо большее значение имеет оборотный кредит. Банки, выпуская банкноты и передавая их на производительные цели, создают новый широкий спрос на товары. Этот кредит предоставляет предпринимателю власть направлять промышленность, согласно поставленным им себе целям, отклонять ее от производства продуктов потребления к производству средств производства. Этот усиленный спрос вызывает повышение цен на средства производства, на заработную плату и, конечно, на изготовляемые товары. Увеличение прибыли, благодаря повышению цен, приводит к дальнейшему расширению производства, к новым требованиям кредита, к повышению нормы процента. Но расширение производства не может продолжаться значительное время. Банки не могут превышать норму капитального кредита, несоответственно имеющимся у них пассивным счетам. Эмиссионные банки не могут также выпускать банкноты, не сообразуясь с имеющимся у них покрытием. По чувству самосохранения они вынуждены сокращать кредиты, что затрудняет сбыт товаров, приводит к понижению их цен, к лишению возможности оправдания обязательств, к кризису и депрессии [1]).

V.

Можем ли мы согласиться с представителями изложенной теории? Нет, ни в коем случае. Аргументы против этой школы мы можем получить в изобилии из арсенала другой школы, ищущей причины кризисов в условиях производства и распределения капиталистического строя. Общий метод денежной школы—чисто количественное противопоставление денег товарам—применяется ими и в вопросе о кризисах. Несомненно кредит является могучим стимулом накопления капиталов. Но ограничиться исключительным изучением условий кредита значит скользить по поверхности явлений, не вникая в их сущность. Кризисы составляют неизбежное условие развития капиталистического хозяйства с начала XIX ст., т. е. в его более зрелых формах. Нельзя выяснить основные причины их неминуемого повторения, не разобравшись в вопросе, в каком отношении находится накопление к потреблению и как происходит в капиталистическом хозяйстве при характерной для него анархии производства его постоянное расширение.

Этот вопрос уже интересовал первых представителей классической школы и теория Сей-Рикардо является наиболее зрелым выражением взглядов этой школы по данному вопросу. Указанная школа видит основную причину кризисов не в общем перепроизводстве, а в непропорциональности производства различных отраслей народного хозяйства. Наиболее выпукло выразил эту мысль Рикардо. „Продукты, говорит он, покупаются всегда только за продукты или за услуги, деньги же представляют лишь орудие, с помощью которого совершается обмен. Может быть произведено слишком большое количество известного продукта, которое может повлечь такое изобилие в нем на рынке, что нельзя будет возвратить того капитала, который израсходован на него; но это излишество не могло-бы иметь место в отношении ко всем продуктам. Спрос на хлеб ограничивается числом ртов, которые должны потреблять его; спрос на башмаки и платья числом лиц, которые должны носить их; но хотя бы общество или часть общества и могла иметь столько хлеба и столько шляп и башмаков, сколько она могла бы или пожелала бы потреблять, нельзя сказать

---

[1]) I. Schumpeter „Theorie der wirtschaftlichen Entwickelung стр. 214, излагаю по Röpke „Kredit u Konjunkt." Iahrbücher für Nationalökonomie uud Statistik März-April 1926 стр. 254-255.

того же обо всех произведениях природы или искусства. Некоторые лица потребляли бы более вина, если бы имели средства приобретать его. Одни, имея довольно вина для своего потребления, пожелали бы увеличить количество своей мебели или иметь мебель более красивую. Другие могли бы пожелать украсить свои дачи или увеличить размеры своих домов. Желание сделать все это или что-нибудь подобное врождено человеку, только нужно иметь средства, а ничто не может доставить их, кроме возрастания производства" [1]). В этом об'яснении кризисов допущено много ошибок, но имеется и правильная мысль, указание значения непропорциональности производства в различных отраслях промышленности. Сей и Рикардо, как мною уже выше отмечено, слишком оптимистически относились к кризисам, предполагали возможным постепенно их изжить при капиталистическом способе производства. Кроме того, благодаря относительно недостаточному развитию капитализма в их время, они не обратили внимания, что гораздо большие последствия влечет за собою диспропорциональность в производстве средств производства, чем в производстве предметов потребления. При анархии производства несоответствие размеров производства в отраслях промышленности, зависящих одна от другой (напр., быстрое развитие металлургии с непоспевающим за нею добыванием каменного угля, ускоренное развитие прядильного дела при недостатке хлопка и наоборот) является несомненно одной из главных причин периодически повторяющихся кризисов.

Совершенную, законченную форму этой теории придал Маркс. Как я уже выше указал, Маркс во втором томе „Капитала" неопровержимо доказал, как при анархии производства капиталистического хозяйства, при сложных условиях разделения труда соблюдение требуемой пропорциональности производства является совершенно невозможным. Маркс отметил также правильность основной идеи теории Сисмонди, что при узкой базе потребления широких масс населения неминуемо должно повторяться нарушение соответствия производства потреблению. В III-м томе „Капитала" он указывает, что „условия производства и реализации не идентичны... Первые только ограничены производственными силами общества, вторые пропорциональностью различных отраслей производства и потребительной силой общества. Эта последняя определяется не абсолютной производительной силой и не абсолютной потребительной силой, но потребительной силой на основе антагонистических условий распределения, сводящих потребление широких народных масс к минимуму, изменяющемуся в более или менее узких пределах" [2]).

К сожалению, даже лучшие экономисты несоциалистического лагеря не могут до сих пор отнестить об'ективно к Марксу и марксистской школе в экономии. И Репке, талантливый исследователь, чуткий к чужим мнениям, тонко разбирающийся в нюансах различных школ, любовно изучающий их, крайне невнимателен, даже небрежен, по отношению к марксистской школе. Он, например, подробно и интересно излагая теорию школы Сея-Рикардо, совершенно умалчивает о том важном, что было внесено Марксом в эту теорию. Мало того, он отожествляет взгляды Р. Люксембург по вопросу о кризисах со взглядами всей марксистской школы, что совершенно неверно. Гильфердинг ничего общего с теорией Р. Люксембург не имеет. Бухарин выступал с подробным опровержением этой теории [3]); Репке же, излагая

[1]) Рикардо. Собр. сочин. стр. 183.

[2]) „Das Kapital" III Band Erster Theil Hamburg 1904 Verlag Otto Meissner стр. 225—226.

[3]) В целом ряде статей „Под знаменем марксизма" за 1924 и 1925 гг. под названием „Империализм и накопление капитала" (вышло отдельное издание).

означенную теорию, заявляет, не соответственно действительности, что эта теория представлена в литературе, кроме Р. Люксембург, Лениным и в известной степени Гильфердингом [1]).

Остановимся однако на его критике теории Р. Люксембург, так как она представляет интерес.

Как известно, в основном теория Р. Люксембург сводится к мысли, что неминуемо расширяющееся производство капиталистического хозяйства не может найти потребителей в среде капиталистического общества. Чистый капитализм при его экспансии производства не мог бы существовать. Капитализм развивается, только благодаря существованию некапиталистической среды (крестьянство, колониальные страны), представляющей рынок для капиталистических хозяйств. С вовлечением некапиталистических хозяйств в орбиту мирового капитализма, с разрушением их докапиталистических форм, у капитализма уходит почва из-под ног и он, по чисто экономическим причинам, должен рушиться; его существование, лишенное необходимой для него некапиталистической среды, не может продолжаться [2]).

Репке, мне кажется, верно замечает, что теория Р. Люксембург не дает удовлетворительного об'яснения современного развития капитализма. Предполагая невозможным расширение потребления в капиталистическом обществе, об'яснять экспансию производства капиталистического хозяйства сбытом продуктов в некапиталистические страны—значит только отодвинуть разрешение вопроса. Ведь продукты капиталистического производства не предоставляются даром некапиталистическим хозяйствам, а продаются за наличные деньги или в кредит. В первом случае, при увеличении количества денег в стране, поднимаются цены на товары, экспорт становится невыгодным, сбыт еще более затрудняется. При увеличении импорта товаров на притекшие из некапиталистических стран деньги, товары эти не могут найти потребителей, раз верно наше предположение, что население неплатежеспособно. Если же продукты продаются некапиталистическим странам в кредит, то с наступлением срока возврата долга и процентов капиталистическое хозяйство попадет в вышеуказанное безвыходное положение [3]).

И так, некапиталистическая среда не может об'яснить расширение производства при недостаточности потребления капиталистических стран, хотя некапиталистические страны и являются важным фактором капиталистического развития из-за неравномерного распределения естественных благ, в особенности сырья, что отмечает в числе других и Р. Люксембург [4]).

Необходимо признать и в капиталистическом хозяйстве рост потребления широких масс населении, но он, конечно, значительно отстает от увеличивающейся производительности труда.

VI.

Вернемся однако к изложенным нами теориям двух основых направлений в экономической науке по вопросу о кризисах.

Мы выше пришли к выводу, что кредитная школа недостаточно углубленно ставит вопрос о кризисах, она не анализирует основ су-

---

[1]) Röpke „Kredit u Konjunktur" в Iahrbücher etc. стр. 261.

[2]) R. Luxemburg „Die Akkumulation des Kapitals" Berlin 1913 Verlag Buchhandlung Vorwärts. См. 26 Kapitel „Die Reprodukiton des Kapitals und ihr Milieu стр. 318-339.

[3]) Röpke „Kredit u Konjunktur" в Iahrbücher etc. стр. 261-7.

[4]) Die Akkumulation des Kapitals стр. 329.

ществующего строя, противоречий производства и потребления, диспропорциональности производства средств производства, куда особенно направляются капиталы в годы расцвета и производства предметов потребления. Эти вопросы изучались и изучаются второй школой, ищущей основные причины кризисов в условиях развития производства и потребления в капиталистическом хозяйстве.

Но, как я уже заметил, и эта школа признает, что кредит имеет большое влияние на ход и развитие кризисов. Без кредита невозможна была бы экспансия капитала в тех размерах, в каких это имело место в течение всего XIX и XX ст. Признание важности кредита в развитии кризисов делает возможным общее отыскивание средств их смягчения.

Выше было указано, что одной из причин менее острого характера кризисов в конце XIX и XX ст. является рост организованности промышленности, значительное увеличение числа трестов, синдикатов и картелей. Уже в 80-ые гг. крупная промышленность начинает усиленно об'единяться, появляются в большом числе тресты и картели, на них возлагаются надежды по упорядочению производства и смягчению кризисов. Еще в 1889 г. Л. Брентано в брошюре „Ueber die Ursachen der heutigeu Noth" заявляет „картели суть об'единения предпринимателей, имеющие целью при помощи планомерного приспособления производства к потребностям устранить перепроизводство и сопровождающие его бедственные последствия: падение цен, банкротства, обесценение капитала и безработицу" [1]). Но картели ведь частнокапиталистические предприятия, стремление к немедленной прибыли заслоняет у них часто даже понимание собственных интересов. Так некоторые картели по выделке чугуна заставляли своих покупателей во время высокой кон'юнктуры заключать долгосрочные контракты по высоким ценам, а во время кризисов и депрессии принуждали их принимать товар по этим ценам, что причинило большие убытки их покупателям и имело серьезные последствия для всей хозяйственной жизни [2]). Кроме того, необходимо заметить, что картели охватывают только часть промышленности, преимущественно тяжелой. Влияние их поэтому ограниченное. Они не могут регулировать отношения между организованными производствами. Туган-Барановский, которого нельзя обвинить в недооценке положительных сторон капиталистических учреждений, говорит в цитированном уже мною его труде „Промышленные кризисы": „я отнюдь не склонен умалять значение такого рода союзов (картелей, синдикатов, трестов И. Г.); распространение их является, в моих глазах, самым характерным показателем банкротства в современной хозяйственной жизни принципа свободы конкуренции и необходимости планомерной организации национального производства. Картели представляют собою огромный шаг вперед капиталистического хозяйства по пути концентрации производства. Но все же я считаю совершенно невероятным, чтобы картели устранили периодические приливы и отливы капиталистической промышленности. Картель может ввести планомерную организацию в отдельную отрасль промышленности, но взаимные отношения таких организованных производств остаются такими же неорганизованными и непланомерными, как и раньше [3]).

В общем, несмотря на указанные трудности, являющиеся следствием частнособственнического хозяйствования, картели и тресты,

---

1) Цитирую по Момберту „Введение в изучение кон'юнктуры и кризисов" Госуд. Изд. стр. 184.

2) По Момберту „Введение в изуч." и т. д. стр. 185.

3) Промышленные кризисы стр. 382.

благодаря своему знанию рынка, возможности обозреть его, могут в значительной степени регулировать цены, ввоз и вывоз. Я не буду останавливаться на мерах, использованных с этою целью промышленными об'единениями. Сведения о них имеются в целом ряде трудов по экономии, назову только Гильфердинга „Финансовый капитал“, Лифмана „Картели и тресты“, недавно появившийся на русском языке перевод книги Момберта „Введение в изучение кон'юнктуры и кризисов“.

Не меньшее влияние, чем картели, могут иметь на ход и развитие кризисов банки. Мы уже отметили, какое огромное значение имеет кредит для расширения производства во время промышленного под'ема. При стеснении кредита в начале под'ема расширение производства возможно будет в гораздо более узких пределах, чем это наблюдается в настоящее время, и, следовательно, депрессия будет значительно смягченной. Но целесообразна ли с точки зрения развития производительных сил задержка темпа под'ема, не лишаем ли мы этим капитализм средства проявления его творческих возможностей? Крупные экономисты по этому вопросу не единодушны.

И. Шумпетер считает нужным оттенить положительную сторону периода под'ема. „Повышение цен в период под'ема, говорит он, выражает новый спрос для целей производства на имеющиеся продукты. Оно дает возможность извлечь продукты из оборота для новых промышленных комбинаций. Оно стимулирует развитие производительных сил и направляет их к новым целям. Что в социалистически организованном хозяйстве выполнялось бы распоряжением центрального бюро, в хозяйстве, основанном на частной собственности, проявляется, благодаря совместному действию предпринимателей и банковских кругов в описанном механизме, существенною частью которого является повышение цен. Ясно, что нельзя без дальнейших рассуждений отказаться от механизма, являющегося основою хозяйственного развития“[1]). Шумпетер поэтому, считая необходимым плановое регулирование производства и придавая ему большое значение, требует однако осторожного отношения именно во время под'ема к инициативе промышленников, являющихся, по его мнению, пионерами новых направлений в хозяйстве,

Репке с этим мнением несогласен. Он исходит из взгляда, что „одной из основных причин кризисов является несоответствие производства потреблению; благодаря относительно медленному росту потребления, соотношение между производством и потреблением может изменяться только в узких пределах. Кризис происходит из-за несоблюдения этих пределов во время под'ема. И чем больший шаг делается в запрещенную землю, тем чувствительнее наказание, тем острее период кризиса и депрессии. Кризис и депрессия, говорит Репке, выражают лихорадочное стремление народного хозяйства восстановить нарушенное равновесие между накоплением и потреблением. Ясно, что эти конвульсии тем острее и опаснее, чем более было отклонение народного хозяйства от указанного равновесия“. Поэтому он не считает возможным видеть в под'еме прогресс промышленности, он не признает апологии этой фазы развития и полагает необходимым, чтобы кредитные учреждения удерживали промышленность от слишком быстрого развития, Он обращает внимание, что повышение нормы процента и затруднение этой мерой расширения кредита должно иметь место не к концу периода под'ема, как было до сих пор, а к его на-

---

[1]) Schumpeter „Kredikontrolle“ в Archiv etc. стр. 318.

чалу, дабы не дать стихии овладеть народным хозяйством. Следует поэтому стремиться по крайней мере воспрепятствовать производству возрости в такой мере, чтобы была неминуема реакция[1]).

VII.

По вопросу о мерах регулирования кредита, мнения также расходятся. Репке обращает внимание, что надо различать количественный и качественный кредитный контроль. Первый означает, что кредит по отношению ко всем предприятиям надо регулировать на одинаковых основаниях, так, чтобы удерживать экспансию производства и хозяйственные колебания в самых узких границах. Качественный кредитный контроль ставит себе более сложные задачи. Он разбирается во взаимных отношениях отдельных отраслей народного хозяйства. Соответствующие кредитные инстанции распределяют кредит по заранее выработанному плану, руководствуясь своим знанием общего хозяйственного положения и состояния отдельных отраслей промышленности [2]).

Интересно, что Шумпетер, как мы видели, горячий сторонник нестеснения инициативы и самодеятельности промышленников, особенно во время под'ема, отстаивает красноречиво необходимость качественного контроля. Он находит, что центральный банк страны должен стремиться к ознакомлению со всеми явлениями хозяйственной жизни. По отношению к этому учреждению не должно быть никаких коммерческих тайн. Все калькуляции, планы и перспективы отдельных предприятий должны быть перед глазами руководителей этого учреждения. Центральный кредитный институт не может ограничиться при разборе каждого конкретного случая обсуждением общего состояния промышленности страны. Он должен анализировать отдельные симптомы и принимать соответствующие меры. Если в какой-нибудь отрасли промышленности ненормальная безработица, то надо эту отрасль поддержать усиленным кредитом за счет других отраслей. Страдает какая-нибудь отрасль народного хозяйства из-за бросовой конкуренции заграницы, кредитополитическая обязанность (kreditpolitische Aufgabe) банка помочь этой отрасли в ее трудной борьбе. Если на основании анализа мирового хозяйства центральное кредитное учреждение придет к выводу, что перспективы данной отрасли промышленности весьма безотрадны, оно должно будет удержать ее развитие, отказывая ей в кредите. Оно при представлении кредита должно будет руководствоваться не только экономическими соображениями, но и общегосударственными, социальнополитическими интересами народного здравия и т. д. Уже Маршал и Эджворт, говорит Шумпетер, как ни отстаивали они основы существующего строя —свободу конкуренции и частную инициативу, в своих работах на целом ряде примеров доказали, что рациональное хозяйственно-политическое вмешательство внешней инстанции приводит к лучшим результатам, чем предоставление промышленности самой себе. Последователи Маршала, в особенности Пигу шли дальше в этом направлении. К этой же школе реформистов, заявляет Шумпетер, принадлежит и Кейнс. В противоречие с ранее высказанными им соображениями о нестеснении частной инициативы, ставящей себе целью проторивание новых путей для народного хозяйства, Шумпетер присоединяется ко взгляду Кейнса, что прогресс промышленности все менее обязан сильной личности и все более является ре-

---

1) Röpke „Kredit u konjunktur“ в Jahrbücher etc. стр. 262—263
2) do стр. 281

зультатом реализации выводов научного познания в практической действительности. Поэтому, заключает он, не следует преувеличивать значение частной инициативы[1]).

Умеренный и осторожный Репке не считает возможным согласиться с пылким, увлекающимся Шумпетером. Репке находит, что не следует поддаваться кредитному энтузиазму Шумпетера. Пример германской империи, проводившей такую политику во время войны и первые годы после войны—предоставление кредитных льгот отдельным избранным отраслям народного хозяйства, как жилищное строительство, экспортная промышленность и т. д., не является, по его мнению, ободряющим. „Это означает, говорит он, отступление от общего принципа, согласно которому капитал, как всякий фактор производства, должен быть предлагаем на одинаковых основаниях, если стремятся к его рациональному использованию". „Всякое стремление направлять извне хозяйство, продолжает Репке, вызывает опасение бюрократического произвола, заменяющего автоматический, капиталистический механизм. Оно приводит к поддержке нежизнеспособных предприятий, к несоответствующему хозяйственным условиям страны направлению промышленности, к напрасной трате народных средств и неминуемому крушению искусственно созданных предприятий, со всеми присущими ему бедами". Репке готов согласиться в исключительных случаях допустить использование кредита для поощрения той или другой отрасли промышленности, но качественный кредит, как общий принцип, он считает недопустимым [2]).

К каким же выводам мы приходим? В настоящее время ни один более или менее значительный экономист и немарксистского лагеря не тешит себя иллюзиями возможности полного уничтожения перебоев при капиталистическом строе. Репке прямо заявляет, что о полном устранении колебаний кон'юнктуры не может быть и речи [3]). Туган-Барановский в „Промышленных кризисах", подводя итоги своей работе по вопросу о кризисах, пишет: „Может ли капитализм, оставаясь самим собою, т. е. способом производства, основанным на руководстве хозяйственным процессом индивидуальными предпринимателями, работающими при помощи наемных рабочих, избавиться от промышленного цикла—периодической смены приливов и отливов промышленности, хронического резерва безработных, от безработицы стареющих работников и проч.? И теория и опыт говорят обратное" [4]). П. Момберт, указав ряд средств для ослабления действия кризисов, приходит в своем труде „Введение в изучение кон'юнктуры и кризисов" к заключению, что „все рассмотренные нами до сих пор средства кон'юнктурной политики, понимая последнюю в смысле планомерного сознательного воздействия на смену кон'юнктуры и прежде всего в период под'ема, представляют только политику *маленьких средств* (курсив автора И. Г.). В числе их нет ни одного средства, которое было бы в состоянии вообще устранить колебания кон'юнктуры [5]).

Предлагаемые меры ставят себе целью только уменьшение размеров зла. Согласно вышеизложенному, к важнейшим относятся, во-первых, регулирование крупными об'единениями размеров роста промышленности, ее направления и товарных цен; во-вторых кредитный контроль и соответствующее воздействие центрального банка

[1]) Schumpeter „Kreditkontrolle" в Archiv etc. стр. 323—328.
[2]) Röpke „Kredit n Konjunktur" в Iahrbücher etc. стр. 281—282.
[3]) do 281.
[4]) Стр. 384.
[5]) Стр. 208.

в каждой стране, в особенности недопущение значительного расширения кредитов в начальный период под'ема.

Представители обоих изложенных нами направлений считают также необходимым для смягчения последствий перехода от периода под'ема к периоду депрессии страхование от безработицы, концентрирование государственными и коммунальными учреждениями своих работ во время депрессии, т. е. „работы, которые не связаны с определенным сроком, должны быть, по возможности, отложены на те периоды, когда испытывается недостаток в работе“ [1]).

---

[1]) П. Момберт „Введение в изучение кон'юнктуры и кризисов“ стр. 150.

В Пичета.

IV. Рабочее движение в Белоруссии в 1905 г.*)

Белорусский пролетариат ремесленного происхождения был численно невелик. Тяжелые экономические условия его жизни, однако, постепенно развивали самосознание рабочих и заставляли последних выступить на борьбу со своими эксплоататорами для улучшения своего экономического положения[1]). По мере общего роста рабочего движения во всей царской России и превращения последнего в движение политическое, и рабочий класс в Белоруссии принимал обще-рабочую политическую программу, получившую столь отчетливое выявление в конце 90-х годов XIX века.

Рабочее движение на Белоруссии вспыхнуло как политический протест против Петербургских событий 9 января 1905 года. Рабочий пролетариат, организованный РСДРП и „Бундом“, ответил на события 9 января забастовками, которые охватили всю Белоруссию в течение 11-25 января. Так, в городе Вильно 11 января утром забастовали рабочие чулочных и заготовочных мастерских. К вечеру 11 января забастовали все фабрики и заводы, а также и типографии. Местные газеты не вышли. Рабочие не пред'явили никаких требований. Тишина и порядок в городе не были нарушены. Забастовка протестов прекратилась 17 января[2]). На следующий день все фабрики и заводы были на полном ходу. Жизнь окончательно восстановилась 20 января. 13 января забастовали рабочие кожевенных заводов в Сморгони и устроили демонстрацию, в которой принимало участие около 2.000 человек, в том числе: подростки, мальчики и девочки, которые двигались по улицам с криками: „Долой самодержавие“[3]). 22 января в городе Лиде была устроена демонстрация, в которой принимала участие рабочая молодежь. Развернув флаг с пением и с криками: „ура, долой самодержавие“, „да здравствует демократическая республика“, участники демонстрации стали разбрасывать прокламации с протестом против кровавой бойни на улицах Петербурга, Варшавы и других городов[4]). Под влиянием событий в Петербурге, настроение рабочих в Гродно было весьма возбужденным. 16 января была предпринята попытка организовать демонстрацию со стороны рабочих чугунно-литейного завода Вечерека. К вечеру стали некоторые частные типографии. 17 января началась забастовка в мелких механических мастерских, которая и охватила затем переплетные фабрики: Лангборта, Харина и Вайсбрема[5]). 18 января забастовка прекратилась. На всех фабриках работы пошли обычным порядком. В городе Белостоке общей забастовки не было. Всего прекративших работу было около 400-500 человек. Бастовали, главным образом, ремесленники. 17 января вспыхнула общая забастовка многочисленных кожевенных заводов в местечке Крынок, Гродненского уезда. Забастовавшие рабочие устроили демон-

*) Працы Бел. Дз. Унівэрсітэту, №№ 11 и 12.

страцию, напали на почтовое отделение, уничтожили книги и различного рода документы, поломали мебель и все аппараты, вынесли портрет Николая и прострелили его. Квартира начальника почтово-телеграфного отделения, станового пристава, жандармского унтер-офицера, мещанская управа, волостное управление и казенная винная лавка подверглись полному разгрому. Для успокоения были вызваны войска. 19 января рабочие местечка Городка, Белостокского уезда, прекратили работу и устроили демонстрацию, с ношением красных флагов. 18 января вспыхнула забастовка во всех промышленных и ремесленных заведениях Бреста Наконец, была предпринята попытка организовать забастовку и в городе Волковыске, которую, впрочем, не удалось провести организованным образом[6]).

12 января забастовали рабочие Минских фабрик, заводов и мастерских, а 16 января забастовали и служащие конно-железных дорог. Собрания рабочих разгонялись чинами полиции[7]). 16 января забастовали Борисовские рабочие на спичечной фабрике „Виктория", на фабрике „Березина" и у всех портных. Около 10 часов дня была попытка устроить собрание около фабрики „Виктория", в котором принимало участие около 200 человек. Та же попытка была повторена на другой день. Рабочие были разогнаны полицией, а на месте остались гектографированные прокламации, озаглавленные: „Ко всем Борисовским рабочим и работницам"[8]). В городе Речице 18 января, в 6½ часов вечера, рабочей молодежью была устроена демонстрация, которая выразилась в криках: „Долой самодержавие" и в стрельбе вверх из револьверов. Забастовали все портные, сапожники и столяры[9]).

В Витебске 13 января было решено „Бундом" организовать забастовку. Забастовали 120 человек мелких ремесленников и приказчиков, пытавшихся склонить к забастовке и прочих не забастовавших[10]). 21 января забастовали рабочие льно-прядильной фабрики Русско-Бельгийского общества в числе 180 человек и пред'явили директору фабрики требование о сокращении рабочего времени на час и о переводе на сдельную плату[11]). В середине января была устроена демонстрация протеста в городе Полоцке. Демонстрация была разогнана городовыми. На другой день рабочие об'явили политическую забастовку[12]). Такие забастовки протеста были в Невеле, Креславке и других местностях[13]).

13 января между 5 и 6 часами утра в городе Могилеве у мастерских Либаво-Роменской железной дороги собралась толпа рабочих железнодорожных и других мастерских, которые не пускали рабочих в мастерские, говоря, что в Петербурге и других городах рабочие об'явили всеобщую забастовку[14]). В связи с 9 января были демонстрации в Гомеле и Горках. В последнем полиция стреляла и убила 2-х человек и одного ранила. В городе началась забастовка. Все мастерские, за исключением железнодорожных, забастовали[15]).

Начиная с февраля месяца, состоялся ряд экономических забастовок с пред'явлением владельцам фабрик тех или других требований. Так, в городе Вильно 18 февраля все рабочие кожевенного завода Гольдштейна, в количестве 120 чел., пред'явили владельцу требование о сокращении рабочего дня и о замене поштучной платы понедельной. Рабочие прекратили работу, но требования владельцем не были удовлетворены.[16]) 21 февраля была попытка организовать Виленским комитетом „Бунда" забастовку почти во всех мастерских, за исключением железнодорожных мастерских. Никаких требований бастовавшие рабочие не пред'явили. В связи з забастовкой среди рабочих были распространены воззвания Виленской группы северо-западной об-

ластной организации социалистов-эс-эров, а также северо западного комитета РСДРП и Виленской группы РСДРП[17]). 31 марта около Вильно, в селении Новые Верки, забастовали рабочие, заявившие требования об улучшении их быта. Они сводились к введению 8-ми часового рабочего дня, к увеличению заработной платы на 5 рублей в месяц каждому, к замене поденного найма месячным, к устройству школы и упразднению штрафов, к введению воскресного отдыха для крестьян и субботнего для евреев, а также к требованию полного жалованья рабочим за все время забастовки и жалованья рабочим во время болезни в течение 3-х месяцев и вежливого обращения. Редакция требований рабочих была составлена Виленской группой социалистов-революционеров. Забастовка продолжалась только 2 дня, так как владелец фабрики пошел на уступки[18]). В апреле месяце происходил ряд частичных забастовок, причем, начиная с пекарей и приказчиков, разновременно бастовали, добиваясь улучшения своего экономического положения, по очереди и по специальности, большая часть ремесленных мастеровых. Забастовка вообще протекала мирно, за исключением двух случаев насильственного прекращения работ в двух небольших пекарнях и вооруженного нападения на пекаря Якова Гродзенского, не закрывшего пекарни и расчитавшего своих забастовавших рабочих[19]). Наиболее была значительна забастовка рабочих в Виленской паровозной мастерской в числе 160 человек, выставивших требование об увеличении заработной платы. В ответ на забастовку начальник дороги сделал распоряжение о расчете бастующих и о закрытии мастерских. Тогда-же бастовали и рабочие конвертной фабрики Лившиц в количестве 60[20]).

В Гродненской губернии наиболее значительное рабочее движение происходило в Белостоке в течение февраля-мая. Жандармский ротмистр доносил, что среди рабочих Белостока появилась вновь тенденция к забастовке. Причиной такого настроения жандармский ротмистр относил к неспокойному положению дел в Варшаве. Ротмистр надеялся путем ареста ряда агитаторов предотвратить забастовку. Среди рабочих получила широкое распространение прокламация на польском языке, изданная организацией социал-демократов королевства Польши и Литвы[21]). Принятые полицейские меры оказались недействительными. 18 февраля забастовали рабочие всех фабрик и большинства ремесленных заведений. Забастовка носила экономический характер. В окрестностях происходили сходки. Трамвай и извозчики прекратили движение. Не было занятий в женских гимназиях Всего бастовало 10 тыс. человек. Настроение было у всех повышенное. Правительственные учреждения и полицейские посты охранялись войсками. 18 числа рабочие пытались организовать сходку в предместьи города Марчук. Сначала это собрание носило „характер выработки экономических условий". Когда же увеличилась толпа до 8 тысяч человек, то появились ораторы, выбросившие красный флаг, призывавшие к вооруженной демонстрации в городе, так как революция уже наступила. 18 февраля состоялось совещание фабрикантов, которые решили удовлетворить большую часть требований, пред'явленных рабочими. Тем не менее, до 22 февраля об этом не было об'явлено рабочим. 21 февраля в лесу Калиновка была назначена сходка в целях обсуждения экономического и политического положения. На место сходки прибыл исправник Ельчин с эскадроном драгун и потребовал, чтобы толпа разошлась. Эскадрон драгун выгнал бывших на сходке из леса на шоссе. Забастовавшие плотной массой направились в город. В это время случайно был убит исправник, а на остальных

набросились драгуны. В результате этого столкновения 107 было ранено и 8 человек убито. Работы возобновились [22]). Одновременно с Белостоком происходило сильное брожение среди ремесленников в Бресте. Предполагалось прекращение работ и организация на 18 апреля вооруженной демонстрации. Впрочем, предположения жандармской полиции не оправдались. Забастовка не состоялась 21 апреля забастовали рабочие переплетной фабрики Харина, около 180 человек в городе Гродно. Они пред'явили требование о добавке к зарабатываемой ими плате от 10 до 40 проц. Владелец фабрики не согласился и об'явил о закрытии фабрики. Рабочим-же предложил явиться за паспортом, за расчетом с 4 по 7-е мая от 10 до 2-х. Рабочие не являлись на работу, но также отказывались получать расчет и паспорта [23]). 26 апреля забастовали рабочие паровой мельницы Шершевского с требованием прибавки к заработной плате по 10 коп. в сутки. Владелец фабрики не согласился на эти требования, и рабочие продолжали бастовать. Тогда-же прекратили работу рабочие, числом около 500, папиросного отделения табачной фабрики Шершевского. Рабочие пред'явили требование о прибавке к получаемой плате по одной копейке на сотню папирос. Хозяин на эти требования не согласился и в папиросном отделении к работам не приступали [24]).

Наиболее значительным в эти месяцы рабочим движением в Минской губернии было движение железнодорожных рабочих. 1 февраля мастеровые и рабочие минских мастерских Московско-Брестской железной дороги прекратили работу и спокойно разошлись по домам, выразив неудовольствие на неудовлетворительную постановку медицинской помощи, на отсутствие железнодорожной бани, на невыдачу им и их семьям бесплатного проезда по железной дороге, на неотпуск им из железнодорожного склада дров за деньги. Кроме того, они требовали увольнения из мастерских помощника бухгалтера Рубинштейна, табельщика Соколова, врача Ставронского, а также и увеличения заработной платы[25]). 8 февраля забастовали рабочие Минских мастерских Либаво-Роменской жел. дороги. Они пред'явили те же требования, что и рабочие Московско-Брестской железной дороги[26]). В конце января прекратились работы в Минских главных мастерских. Рабочие потребовали приезда комиссии, которая 30 января утром и прибыла, в составе: начальника дороги и двух начальников службы тяги Мастеровые, собравшись в зале третьего класса, подали следующее заявление: «Не имея возможности продолжать работу в мастерских при нынешних ценах и порядках, но не желая, вместе с тем, лишиться насущного куска хлеба и, желая продолжать работу, с некоторым улучшением нашей участи, имеем честь просить благоволить установить следующие изменения: 1. Рабочее время сократить до 8 часов в день. 2. Увеличить жалованье для получающих: менее одного рубля на—30 коп., 1 руб. 50 коп.—40 коп., свыше 1 р. 50 к.—10 к. 3. При поступлении на службу назначить: чернорабочим не менее 70 коп., ученикам—30 коп. 4. При исчислении выгоды сдельной работы, вместо 60 проц., допускать до 100 и выше. 5. Расценка работы должна быть установлена мастером совместно с комиссией от мастеровых и вывешена на видном месте в каждом цехе. 6. Разрешить мастеровым учредить постоянную комиссию из своей среды для защиты своих интересов, возникающих по службе в мастерских. 7. В случае болезни, платить полное под'емное жалованье до выздоровления. 8. Прослужившие 10 лет должны быть зачислены в штат. 9. Выдавать на каждого новорожденного по 10 рублей и на похороны по 8 рублей, разрешив гробы делать по примеру прежних лет. 10. Во всех цехах дол-

жно быть достаточное отопление, а для открытых работ устроить навесы. 11. Улучшить медицинское состояние. 12. Неявку на работу до 3-х дней не считать прогулом. Начальник дороги согласился при назначении учеников определять заработную плату в 30 копеек, а также и делать по старому гробы. Об остальных пунктах он обещал ходатайствовать в Петербурге и предложил рабочим стать на работу. По просьбе депутатов гудком были созваны все рабочие, которым были переданы результаты переговоров с начальником дороги. Собрание рабочих постановило, что раньше удовлетворения их требований они не приступят к работе[27]). В губернии, в городе Мозыре, 20 февраля возникла забастовка на спичечной фабрике[28]). В Пинске в конце февраля забастовали приказчики, лакеи в гостиницах и булочники, а 28 февраля рабочие спичечной фабрики Гальперина. Первые требовали увеличения платы и сокращения рабочего дня до 9 часов, а вторые—увеличения заработной платы[29]). 1 марта, в местечке Березине забастовали подмастерья портных, сапожников, чулочников, а, затем, забастовка распространилась на канатный завод Старобинца, на котором были прекращены работы[30]). 18 марта была произведена манифестация рабочими в Борисове. Манифестация рассеялась при приближении чинов полиции. Участники демонстрации разбрасывали прокламации, составленные „Бундом“ и обращение ко всем Борисовским рабочим[31]). 21 марта забастовали рабочие махорочной фабрики Лифшица в городе Борисове и пред‘явили требование об увеличении заработной платы. Вследствие состоявшегося соглашения с владельцем фабрики, рабочие стали на работу[32]). 11 марта забастовали рабочие Мозырской спичечной фабрики, в числе около 300 человек. Рабочие возвращались с фабрики с криками „ура, долой самодержавие“. 13 марта была предпринята попытка организовать вооруженную демонстрацию, которая была разогнана полицией[33]). Наконец, 18 апреля не работали в городе Мозыре рабочие разных цехов, а вечером, около 9 часов, толпа, собравшись до 60 человек, при криках: „ура“, произвела несколько залпов из револьвера[34]). В марте же месяце забастовали рабочие и подмастерья в городе Пинске, пред‘явив экономические требования своим хозяевам[35]). 24 марта забастовали рабочие в Пинске фанерной фабрики Лурье[36]). 7 апреля была попытка организовать демонстрацию в Пинске[37]). 18 апреля в местечке Ляховичах, Слуцкого уезда, была попытка устроить забастовку, которая должна была выразиться в закрытии всех магазинов и прекращении работы рабочими-каменщиками[38]). В конце апреля забастовали рабочие спичечной фабрики „Виктория“ в Борисове, пред‘явив владельцу фабрики требования экономического характера. Владелец пошел на уступки, и работа на фабрике возобновилась[39]). 28 апреля забастовали рабочие Мозырской спичечной фабрики „Молния“. Забастовка продолжалась 3 дня. Между рабочими и администрацией фабрики состоялось соглашение[40]).

Аналогичный характер носило и движение рабочих в Витебской губернии. Наиболее значительным движением было движение железнодорожных рабочих. 4 февраля рабочие мастерских при депо станции Ново-Сокольники, Московско-Виндавской железной дороги, прекратили работы, причем „мешали и не допускали производить на путях станции надлежащих операций по составлению и отправлению поездов“. Рабочими к начальнику дороги было пред‘явлено требование об увеличении заработной платы, о праве на получение провизионных билетов и участии их в пенсионной кассе. Требования рабочих были удовлетворены. 5 февраля работы возобновились[41]). 4 февраля забастовали

все телеграфисты и кондукторские бригады станции Ново-Сокольники. Пред'явленные требования заключались в увеличении жалованья, в уменьшении срока обмундирования с согласия служащих, без взыскания платы за выслуживший срок, пользовании месячным отпуском ежегодно с сохранением содержания, в улучшении квартирного довольствия, в прекращении сверхурочных занятий, как платных, так и бесплатных, получении каждым служащим наградных денег, не менее месячного оклада, праве свободного собрания для обсуждения своих нужд, вежливом и учтивом обращении старших служащих, учреждении библиотеки на средства дороги, наложении взысканий и увольнении через посредство товарищеского бюро. Благодаря забастовке, была прекращена телеграфная служба по всей линии железной дороги[12]). 17 февраля забастовало депо железнодорожных мастерских Риго-Орловской дороги, рабочие кожевенного завода Гриликес, фабрики спичек Закса.— Никаких экономических требований не было пред'явлено. Забастовка проходила спокойно. Во время произведенной рабочими демонстрации был дан залп в толпу, в результате коего оказалось ранеными трое рабочих, один из них тяжело. 19 февраля рабочие и служащие промышленных заведений устроили демонстрацию, которая выражалась в шествии с флагами разных цветов, в том числе и красными и криками: „Долой самодержавие, да здравствует свобода". Рота солдат была выслана для прекращения демонстрации. В толпу были даны выстрелы, в результате которых оказались убитые и раненые. 20 февраля забастовка прекратилась, и город по внешности успокоился[13]). 10 марта в Витебске забастовали приказчики и приказчицы почти всех магазинов, пред'явив требования: 1) сокращения рабочего дня 2) в субботу совсем не работать, 3) в воскресенье и пятницу работать до 2-х часов[14]). Начальник жандармского управления отметил наличие большого оживления в рабочих кругах города Витебска в связи с приездом из Петербурга товарища Зины, она-же Анна Семеновна, которая читала лекции в интеллигентских кружках и, вообще, оказывала большое влияние на местную социал-демократическую партию[15]). В это время Витебская группа социал-демократической партии выпустила три прокламации. В одной из них составители прокламации указывали, что политическая стачка невозможна и что политическая борьба не даст никаких результатов, если забастовка не охватит весь пролетариат без различия национальностей. Всякие национальные распри препятствуют единению пролетариата. Забастовка, подобная мартовской забастовке, только способна затруднить нашу дальнейшую работу в смысле развития классового самосознания пролетариата. Витебская группа звала всех товарищей к планомерной созидательной работе перед наступлением судного дня для русского самодержавия, и торжеством российского пролетариата[16]). Другая прокламация была выпущена по поводу Мукденского поражения [17]). Наконец третья прокламация была обращена специально ко всем рабочим и работницам табачной фабрики Колбановского. Прокламация предлагала рабочим заявить свои требования и прекратить работы, пока эти требования не будут удовлетворены.—Рабочие должны были требовать: 8-ми часового рабочего дня, регулирования законов труда, всеобщего образования за счет государства, введения подоходного налога, немедленного прекращения войны и созыва Учредительного Собрания, избранного на основе всеобщего, равного, прямого и тайного избирательного права[18]). 29 апреля началась забастовка в Двинских железнодорожных мастерских. Рабочие и мастеровые потребовали общей прибавки к заработной плате и ускорения подтверждения цеховых расценок. Пере-

говоры с администрацией ни к чему не привели, и забастовка продолжалась. Администрация решила расчитать всех рабочих. Расчет начался с 6 мая, а 12 мая происходил прием новых рабочих. Из числа старых не было принято 71 человек, как замеченных в подстрекательстве. В связи с забастовкой железнодорожных мастерских 13 мая забастовали трамваи, 4 типографии, в том числе и губернская[49]).

Рабочее движение в Могилевской губернии, начиная с февраля, также выражалось в забастовках экономического характера, которые иногда соединялись с попыткой организовать демонстрацию чисто-политического характера. Рабочее движение происходило во всех тех местах, где имелись промышленные и торговые предприятия Наиболее значительна была Мартовская забастовка, организованная Гомельским Бундом. От имени приказчиков различных магазинов, прекративших работы, были пред'явлены владельцам следующие требования: 1) Работа летом с 8-ми часов утра до 8 с пол. ч. вечера, а зимой с 9 час. утра до $8^{1}/_{2}$ час. вечера. 2) Обеденный перерыв на полтора часа. 3) Ежегодно двухнедельный отпуск. 4) Вежливое обращение 5) Жалованье платить 2 раза в месяц. 6) Праздничные дни—двойной оклад жалованья. 7) Освобождение служащих от занятий в субботу вечером. 8) Процентные деньги фабрикантов принадлежат приказчикам. 9) Заменить хозяйский стол и квартиру деньгами. 10) Заболевших служащих не увольнять и платить им во время болезни. 11) Об отказе служащему от должности предупредить его за три месяца. Забастовавшие приказчики решили продолжать забастовку до тех пор, пока не будут удовлетворены их требования[50]). 9 апреля забастовали рабочие Копысских кафельных заводов. Рабочие требовали: 1) 8-ми часового рабочего дня. 2) Повышения сдельной и поденной платы. 3) Лишения права хозяев принимать и расчитывать рабочих без согласия всех рабочих[51]).

Забастовки, охватившие Белоруссию в феврале—апреле, преследовали, по преимуществу, экономические цели. В отдельных случаях фабриканты были вынуждены пойти на незначительные уступки. Рабочие, поставленные в тяжелые экономические условия, не имели возможности вести длительную борьбу и шли на уступки. Наиболее стойкими оказались железнодорожные рабочие в Двинске, значительная часть которых, впрочем, была вынуждена пойти работать на прежних условиях, когда был произведен новый набор.

Празднование 1 мая происходило во многих местах Белоруссии. Руководство этим праздником взяли на себя РСДРП и Бунд. В тех местах, где работали обе эти организации, обычно они организовывали блок. Разумеется, в рамках полицейского режима открытое празднование первого мая было невозможным. Обычно рабочие собирались группами за городом.

Первого Мая РСДРП и Бунд выпустили свои первомайские прокламации. В городе Вильно, ввиду наличия войск, Бунд отказался от организации уличной демонстрации. Были попытки организовать манифестации на двух главных улицах города. Казачьи раз'езды нагайками разогнали толпу[52]). Не состоялась уличная демонстрация и в Белостоке. 1 мая[53]), под влиянием агитации Искровцев и социалистов-революционеров, состоялась забастовка рабочих Московско-Брестского депо и служащих в городе Минске. Рабочие, проигравшие февральскую забастовку, снова потребовали прибавки к жалованью, уменьшения рабочего времени на один час, удовлетворения железнодорожными бесплатными билетами на проезд, как по своей, так и по чужим дорогам; 2-х месячного отпуска с сохранением содержания, постройки

бань, вспомоществования в случае смерти и рождения в семье рабочего[54]). Забастовка рабочих Либаво-Роменской железной дороги не состоялась, так как требования рабочих были раньше удовлетворены. Попытка организовать сходку в лесу кончилась также неудачей. Наконец, в среде рабочей массы было известное расслоение и недовольство, в результате коего 14 мая все стали на работу. В известном смысле, по мнению жандармского полковника, на успешное окончание забастовки повлияло отправление на военную службу всех подлежащих призыву[55]). В Полоцке первомайская демонстрация состоялась в 4-х верстах от города, в Солоникском лесу[56]). Были такие-же попытки организовать собрание за городом в Витебске и Могилеве.

Забастовочная волна снова подымается в мае месяце. Уже 2-го мая в Пинске забастовали до 600 человек рабочих фанерной и шпилечной фабрики под влиянием увольнения администрацией фабрики 2-х работников. Никаких требований рабочие не пред'явили[57]). 2 мая забастовали рабочие бандерольного отделения спичечной фабрики Березина в Ново-Борисове. 3-го мая работы возобновились, вследствие состоявшегося соглашения с владельцем. 2 мая забастовали рабочие лесопильного завода Гутмана и изразцового—Эпштейна, также расположенные в Борисове. Рабочие потребовали улучшения своего материального положения[58]). Май месяц был богат забастовками в городе Минске. Бастовали рабочие литейного завода „Технолог", железнодорожных мастерских и депо Московско-Брестской железной дороги, переплетной мастерской „Россия", портняжной мастерской Гайнера, на чугунно-литейном заводе Якобсона и Лившица, на войлочном заводе Рубина, переплетной мастерской Липкинда, типографии Дворжеца, пивоваренном заводе Таубкина, на паточном заводе „Сокол", на мозаичной фабрике Элиасберга, типографии Соломонова. Затем бастовали рабочие на лесопильном заводе Сутиной, в местечке Смолевичах, на лесопильных заводах в Ново-Борисове, принадлежащих великим князьям: Николаю Николаевичу и Петру Николаевичу. В городе Бобруйске бастовали: лесопильный завод Гецова, лесопильный завод Эпштейна и отделение для выделки спичечной соломки. На всех фабриках были пред'явлены требования, сводившиеся к увеличению заработной платы, сокращению рабочего дня, к оставлению на службе во время забастовок. Отдельными фабриками часть требований рабочих была удовлетворена[59]). 14 мая забастовали рабочие фанерной фабрики Прима на хуторе Телепунах, Мозырского уезда. Рабочие пред'явили требование экономического характера[60]). 16 мая в Старых Дорогах, Бобруйского уезда, забастовало 400 человек рабочих 2 крупных заводов: фанерного и лесопильного. Рабочими было пред'явлено требование экономического характера[61]) 20 мая рабочие приступили к работе, так как им были сделаны некоторые уступки. Владельцы согласились уменьшить рабочий день на полчаса—до 10, дано было обещание увеличить в будущем плату от 5 до 10 копеек в день на человека и улучшить жилые помещения для рабочих с осени[62]). Настроение рабочих все время было напряженное, и в течение лета возникали по отдельным фабрикам экономические забастовки. Наибольшая волна забастовок в Минской губернии падает на июнь и первую половину июля, когда повсюду закрывались фабрики, магазины и отдельные торговые предприятия[63]). Эти забастовки отчасти носили характер политический, они были вызваны необходимостью ответить за жертвы в Одессе. В городе Минске всеобщая забастовка, кончившаяся расстрелом толпы, была организована 28 июня[64]). Из июльских движений было особенно значительная всеобшая забастовке в Пинске фабрик, заводов и торговых заведений. Это бы-

ла забастовка протеста по случаю убийства во время демонстрации рабочего еврея казаком[65]). Забастовки с экономическими требованиями продолжались в течение августа и сентября. Отметим забастовку рабочих стеклянного завода в Ново-Борисове, начавшуюся 1 августа[66]). К 4 августа состоялось соглашение между рабочими и фабрикантами, и забастовка прекратилась. Тем не менее, все говорило за то, что поднимается новая волна рабочего движения, преследующая политические цели. В уездах, городах и местечках происходили демонстрации, шли разговоры о всеобщей забастовке[67]) Так, 2 и 3 октября забастовали служащие и рабочие конно-железной дороги. Забастовка носила экономический характер, но жандармский полковник совершенно правильно усмотрел на последней, как бы предвестник всеобщей забастовки[68]). Такого же характера забастовки происходили и в Виленской губернии. Наиболее значительной забастовкой, носившей характер протеста, была забастовка 24 мая, организованная по поводу почтения памяти евреев, погибших во время анти-еврейских беспорядков в Житомире. Виленский комитет Бунда призывал почтить памяти погибших в Житомире гражданским трауром и манифестированием своих чувств по поводу погрома. Бунд призывал все население города в этот скорбный день облачиться в траурную одежду и поддержать наши революционные возгласы: „Долой самодержавие, долой национальное угнетение, да здравствует демократическая республика“[69]). Из забастовок, носивших экономический характер, была наиболее значительной забастовка 11 июля рабочих кожевенных заводов в числе 650. Рабочие пред'явили заводчикам требования о сокращении рабочего дня, об увеличении заработной платы[70]). Тогда же возникла забастовка в красильном заведении Кирзнера и на лесопильных заводах: Парнеса, в Виленском уезде, в селе Дольном, на кожевенных заводах и заведении шерстяной ваты Гольдца[71]). С 25 по 30 июля произошли частичные забастовки в Сморгони на кожевенных заводах. Забастовки обычно прекращались после получения незначительных уступок, но рабочие кожевенных заводов, хорошо организованные, вследствие неуступчивости заводчиков, которые прибегали к помощи труда арестантов, не хотели итти на уступки[71]). И в сентябре месяце возникали в отдельных ремесленных предприятиях забастовки экономического характера, как в Сморгони и в Вильно и т. д. Наиболее значительной забастовкой в сентябре месяце была забастовка рабочих на кожевенном заводе: в Ошмянах[72]), которая являлась отражением забастовки кожевенных рабочих в Сморгони[73]). Пред'явленные экономические требования не были удовлетворены, и рабочие не соглашались приступать к работам. Только 23 сентября рабочие в Ошмянах стали на работу, когда была увеличена заработная плата на 25 проц., было сокращено производство урочных работ на 20 проц., рабочий день на 2 часа, сохранен за рабочим на случай болезни полный размер заработной платы в течение первых двух недель болезни и половины в течение двух следующих недель. Кроме того, хозяева согласились оказывать больным рабочим медицинскую помощь за счет заводчика в течение месяца, вежливо обращаться с рабочими, рабочих не удалять и не принимать на работы без согласия заводских рабочих[74]). Эти постоянные требования рабочих, с одной стороны, свидетельствовали как о тяжелом положении рабочих, так и о напряженном их состоянии, вызванных общей политикой правительства. Такие-же экономические забастовки происходили в Гродненской губернии. 2 мая в городе Бресте прекратили работу все типографии и были пред'явлены соответствующие требования, в числе которых первое место занимает 8-ми часовой рабочий день и увеличение жалованья на 25 проц.

Хозяева пошли на уступки, причем обе стороны согласились на рабочий день продолжительностью в 9 часов[75]). 21 июня была устроена забастовка протеста в Белостоке, когда бастовали все фабрики и заводы, и в городе Гродно, где бастовали рабочие губернских типографий, типографии Лапина и фабрики Шершевского, Харина и Занеманской[76]). Забастовка была вызвана выражением сочувствия погибшим во время „последних беспорядков" в Лодзи. В июле, августе и сентябре в разных местах возникали те или другие забастовки. Наиболее значительной была забастовка, возникшая 12 июля в местечке Ружанах, Слонимского уезда. Рабочие пред'явили обычные хозяйственные требования[77]. 4 августа забастовали рабочие Гродненского казенного винного склада № 1. Рабочие требовали сокращения рабочего дня до 8 часов, увеличения заработной платы на 20 проц., возвращения на службу уволенных девушек, а одну работницу, не примкнувшую к стачке, уволить[78]). Настроение рабочих Могилевской губернии было таким же напряженным, как и в других Белорусских губерниях. Настроение рабочей массы было весьма повышенное и выражалось в тех случайных демонстрациях, которые устраивали в городах и местечках небольшие группы организованной молодежи[79]).

Начало октября отмечалось губернской властью и жандармским управлением, как время, когда рабочая масса была настроена весьма повышенно. Это нервное состояние рабочих в предчувствии великих грядущих событий совершенно было правильно уловлено и отмечено со стороны полицейского надзора. Уже 15 октября в Вильно прекратилось движение конки, забастовала центральная электрическая станция, забастовал машиностроительный завод Виленшиса, даже шла речь о забастовке городовых[80]). 15 октября в Вильне происходили уличные демонстрации, возникло брожение учащихся гимназии и реального училища[81]). 16 октября произошла уличная демонстрация, сопровождавшаяся столкновением с войсками, причем было убито и ранено, согласно донесения начальника охранного отделения, 15 человек[82]) На похоронах убитых евреев 17 октября принимала участие многотысячная процессия. Войска и полиция, с разрешения начальства, отсутствовали. Венки были украшены надписями „Борьба с царским деспотизмом, смерть тиранам" [83]). Напряженное настроение в городе все время не уменьшалось. По донесению жандармского полковника, забастовка в Вильно охватила все виды труда. Город находился во власти революционеров[84]). 21 октября, по словам жандармского ротмистра, согласно постановления Об'единенного Комитета Бунда и социал-демократов, забастовка прекратилась, впрочем ненадолго[84]). Она снова возобновилась 21 октября, в 3 часа дня. Забастовщики сорвали флаги, украшавшие здание. На Завальной улице произошло столкновение с войсками. Было убито 4 человека, ранено 15. Такое же тревожное настроение продолжалось и 22 октября, а 23 октября, похороны „убитого" сопровождала громадная толпа в 30000. Было много венков с революционными надписями. Еврейское городское население находилось в весьма тревожном состоянии, так как в городе ожидался погром[85]). Забастовка охватила и другие рабочие центры Виленской губернии. 16 октября забастовали в Лиде все рабочие, закрылись магазины и лавки. 18 октября в м. Сморгони была устроена демонстрация. 19—20 октября в Ошмянах была сходка, по окончании которой все присутствующие направились по улицам с революционными песнями, с флагами и музыкой. Все работы на заводах и мастерских были прекращены. Магазины и лавки были закрыты[86]).

В связи со всеобщей забастовкой, механический завод бр. Раковицких в Вильно прекратил работу и пред'явил ряд требований. Рабочие требовали обратно принять уволенного ученика Левина, который без ведома рабочих дал звонок для окончания работ на один час раньше в промежуточные дни еврейского праздника кущей. Заменить сдельную работу - недельной, платить за праздники, платить за время стачки, свободный доступ к рабочим на фабрику, лучшее обращение, не расчитывать никого из забастовщиков, повысить жалованье, всякий спор, возникший между рабочим и хозяином, должен разбираться представителями, выбранными от рабочих вместе с хозяевами [87]).

В связи с октябрьским движением, были устроены демонстрации 21 и 22 октября в местечках Липского уезда — Василишках, Щучине. 22 и 23 октября работы в Ошмянах и Сморгони остановились [88]).

Положение в Минске, по отчету Жандармского Управления, становится уже с начала октября весьма напряженным. 2 и 3 октября не явились на службу служащие и рабочие конно-железной дороги [89]). 5 октября была устроена сходка в школе ремесленников, в целях выработки плана демонстрации для выражения сочувствия рабочим города Москвы [90]). 6 октября бундисты пытались организовать в разных частях города демонстрации [91]). 5 октября состоялось в синагоге рабочее собрание организации Бунда. При выходе из синагоги произошло столкновение с казаками, в результате чего оказалось несколько раненых. 8 и 9 октября предполагались также демонстрации [92]). Тревожное настроение охватило и провинцию 9 октября в Игумене была устроена антиправительственная демонстрация [93]). 9 октября в местечке Узде, Игуменского уезда, состоялось демонстративное шествие по улицам с пением Марсельезы и других революционных песен. 17 октября в местечке Смиловичи были прекращены занятия в почтово-телеграфном отделении, в волостном правлении и в учебных заведениях, закрыты все промышленные и торговые заведения. Часов в 11 дня толпа направилась к имению Смиловичи к помещику Ваньковичу и, несмотря на просьбы винокура Хмельницкого окончить выгонку затора, бросилась к машинным снарядам, выпустила пары и, приостановив действие завода, разогнала рабочих. Начиная с 17 октября, производились политические демонстрации в Игумене и местечке Березине Игуменского уезда [94]) 13 октября началась всеобщая забастовка в Слуцке, в которой принимали участие рабочие всех мастерских и двух паровых мельниц, а также и торгово промышленные заведения. Была организована большая демонстрация. 14 октября торговля открылась, и часть рабочих возобновила работы. 15 и 16 октября забастовщики пытались устроить демонстрацию. 18 октября, при получении известия о манифесте 17 октября, по городу происходило сильное движение. Раздавалось пение Марсельезы и рабочих песен. Пролетариат призывался к открытой борьбе против капитала и буржуазии. Такие демонстрации с факельными шествиями продолжались до поздней ночи. В таком же настроении находились рабочие Слуцка, как евреи, так и христиане, и в течение последующих дней. Тогда же рабочими был устроен ряд противоправительственных демонстраций [95]). В городе Несвиже всеобщая забастовка началась 19 октября, а в местечке Копыле—17 октября [96]). 12 октября забастовали рабочие станции Барановичи Полесских железных дорог. Такие же забастовки были организованы в посаде Городея. В местечке Городища 21 и 22 октября были произведены политические демонстрации [97]).

Революционное настроение рабочих стало проявляться в Мозыре, начиная с 16 октября. На организованной сходке произносились „анти-

правительственные речи". Особенно напряженным было 17 октября, когда демонстранты намеревались отправиться к тюрьме и выпустить арестованных [98]). Конечно, наибольшего развития революционное движение имело место в Минске. Губернатор уже 12 октября имел совещание с представителями военных частей, которым были даны соответствующие инструкции. Между 13 и 17 октября происходили постоянные сходки на Виленском вокзале. 18 октября была назначена сходка на Виленском вокзале. Утром было известно о манифесте 17 октября. Собравшиеся в зале немедленно вышли на площадь и организовали большую сходку, на организацию которой было дано разрешение губернатором Курловым. Во время митинга были приведены войска. Председатель собрания, заметив наличие войск, немедленно распустил собрание. Когда собрание расходилось, войска стали стрелять, в результате чего оказалось около 50 убитых. Помощник присяжного поверенного Ентыс, принимавший активное участие в революционном движении, был убит городовым. Как выяснилось впоследствии, администрация предполагала перебить всех вожаков движения [99]). В ответ на Минский расстрел была об'явлена всеобщая забастовка, причем бастовавшие согласились прекратить последнюю только при отстранения губернатора Курлова, начальника Жандармского Управления, начальника Минского Полицейского отделения, Минского полицеймейстера и полицейских приставов, виновных в учинении кровавого избиении народа 17 октября, а также назначения сенатора для следствия, предания суду виновных. Городская дума, Председатель Суда Купчинский, начальник Либаво-Роменской дороги, председатель совета присяжных поверенных Метлин отправили соответствующим властям телеграммы с предложением командировать для следствия сенатора и на это время устранить ненавистного населению губернатора [100]). Само собою разумеется, что сам Курлов послал соответствующее донесение в Департамент полиции, в котором старался об'яснить свои действия поведением сходки [101]). Минские события вызвали забастовку в Новогрудке 24 октября [102]). Была попытка организовать забастовку в местечке Барановичи. 25 октября состоялись погромы в Речице, затем в местечке Лоеве 22 октября [103]). Конечно, еврейский погром в Речице и в Лоеве жандармская власть изобразила как месть населения за закрытие всех лавок, мастерских и заводов и за устройство демонстраций, пение революционных песен, чтение речей, оскорблявших „Его Величество" и возгласы „Долой самодержавие", а также слухи о разорвании портрета государя. Всеобщая забастовка в Витебске началась 17 октября. Все магазины были закрыты [104]).

Аналогичный характер имело движение рабочих и в Могилевской губернии. 15 октября в городе Гомеле была брошена бомба в пристава, которая не разорвалась [105]). Манифестации в Могилеве, организованные по поводу манифеста 17 октября, пресекались военными властями и полицией. Председатель собрания, на котором обсуждались незаконные действия властей, от имени всех участников собрания, послал председателю совета министров С. Ю. Витте телеграмму, в которой выражался протест против действия губернатора Клингенберга, „благодаря которому могилевская полиция своими насильственными действиями по отношению к мирным митингам и манифестациям совершенно игнорирует дарованные манифестом свободу слова и собраний, а также неприкосновенность личности, лишая этим население возможности воспользоваться дарованными правами и вызывая опасность именно той смуты, устранить которую ставит своею задачей манифест" [106]).

Манифест 17 октября был, разумеется, встречен рабочими организациями и рабочими весьма враждебно. В течение ноября и декабря рабочее движение было по преимуществу активно, причем забастовки экономического характера смешивались с забастовками политического характера.

Среди рабочих получил широкое распространение манифест Совета Рабочих Депутатов. Декабрьские события в Москве вызвали организацию всеобщей забастовки в гор. Вильно[107]). По словам жандармского отделения, не все рабочие были солидарны; часть заводов работала, и к 15 декабря общая забастовка прекратилась, и движение поездов возобновилось. Настроение минских рабочих было очень повышенным еще в ноябре месяце, когда уехавший Курлов снова вернулся и вступил в отправление своих обязанностей. Начальник Либаво-Роменской дороги Мошков сообщал о намерении железнодорожных рабочих организовать забастовку в виде протеста по поводу возвращения губернатора[108]). Декабрьские события в Москве ознаменовались в Минске и в уездах Пинске, Бобруйске сходками и забастовками[109]).

Рабочее движение в Белоруссии, изображенное губернской администрацией и представителями жандармской власти, конечно, не может дать полной отчетливой картины всего рабочего движения. Как ни стремилась полиция и жандармерия иметь самые точные сведения о настроении рабочих и о рабочих организациях, многое не удалось ей уловить и многое ускользнуло от ее внимания. Несомненно одно, что рабочий пролетариат на Белоруссии был хорошо организован РСДРП, „Бундом“ и представлял собой численно небольшую, но мощную организацию. Рабочий пролетариат тщательно следил за всеми событиями, происходившими в центре, где происходила упорная борьба рабочих с самодержавием и стремился так или иначе реагировать на все происходившие в центре события. Ведя повседневную борьбу за улучшение своего тяжелого экономического положения, рабочий класс в ответственные политические моменты, проникаясь революционным настроением, выступал на борьбу с правительством, расплачиваясь за эту борьбу своей жизнью, как это было в Минске и в других городах Белоруссии.

ПРИМЕЧАНИЯ

1) **Пічэта У. І.** Клясавыя супэрэчнасьці на Беларусі, Зборнік Беларусь, Менск 1924 г., стр. 95- 99.
2) **1905 год у Беларусі,** Зборнік архіўных дакумэнтаў, Менск, 1925 г. стр. 97—98. №№ 2 і 3.
3) Там же, стр. 103—104, № 8.
4) Там же, стр. 104, № 9.
5) Там же, стр. 183—184, №№ 1—3.
6) Там же. стр. 185—186, № 3.
7) Там же, стр. 1—2, №№ 1—2.
8) Там же, стр. 2—3, № 3
9) Там же, стр. 2—3, № 4.
10) Там же, стр. 163—164 № 1.
11) Там же, стр. 165, № 5.
12) 1905 год в Белоруссии, Минск, 1925, стр. 101.
13) **Пічэта,** Клясавыя супэр. (Беларусь) стр. 38.
14) **1905 год у Беларусі,** стр. 207, № 1.
15) Там же, стр. 207 - 208, №№ 1—5.
16) Там же, стр. 106, № 16.
17) Там же, стр. 107, №№ 17—18.
18) Там же, стр, 114—115, № 22.
19) Там же, стр. 116, № 26.
20) Там же, стр. 116—117, № 26.
21) Там же, стр. 188—189, № 5.
22) Там же, стр. 189 -191, №№ 7—11.
23) Там же, стр. 192, №№ 12—13.
24) Там же, стр. 192—193, № 13.
25) Там же, стр. 5, № 7.
26) Там же, стр. 5, № 8.
27) Там же, стр. 4, № 6.
28) Там же, стр. 6, № 12.
29) Там же, стр. 6, № 13.
30) Там же, стр. 6—7, № 14.
31) Там же, стр. 8, № 17.
32) Там же, стр. 9, № 22.
33) Там же, стр. 9,,№№ 20—21.
34) Там же, стр. 14 № 33.
35) Там же, стр. 8, № 19.
36) Там же, стр. 9, № 23.
37) Там же, стр. 10, № 26.
38) Там же, стр. 14, № 32.
39) Там же, стр. 15, № 35.
40) Там же, стр. 16, № 36.
41) Там же, стр. 166, № 6.
42) Там же, стр. 166, № 6.
43) Там же, стр. 167, №№ 8—9.
44) Там же, стр. 169, № 10.
45) Там же, стр. 169, № 11.
46) Там же, стр. 170, № 12.
47) Там же, стр. 171, № 13.
48) Там же, стр. 172, № 14.
49) Там же, стр. 173, №№ 16—20.
50) Там же, стр. 210, № 12.
51) Там же, стр. 211, № 13.
52) Там же, стр. 117, № 27.
53) Там же, стр. 193, № 14.
54) Там же, стр. 17, № 38.
55) Там же, стр. 17, № 38.

56) 1905 г. в Белоруссии, стр. 102.
57) 1905 г. у Беларусі, стр. 17, № 39.
58) Там же, стр. 17, № 40.
59) Там же, стр. 18—19, № 41.
60) Там же, стр. 20, № 47.
61) Там же, стр. 20, № 48.
62) Там же, стр. 21, № 49.
63) Там же, стр. 23—25, №№ 54, 56, 58, 59, 61, 66.
64) Там же, стр. 28, № 67.
65) Там же, стр. 36, № 87.
66) Там же, стр. 38, № 91.
67) Там же, стр. 39, №№ 95, 968, 103, 104, 105, 106.
68) Там же, стр. 44, № 108.
69) Там же, стр. 118, № 30.
70) Там же, стр. 126, №№ 45-46.
71) Там же, стр. 129, № 47.
72) Там же, стр. 132, № 56—59.
73) Там же, стр. 133, №№ 62-63.
74) Там же, стр. 134, № 170.
75) Там же, стр. 195, № 16.
76) Там же, стр. 197, № 20.
77) Там же, стр. 200, № 27.
78) Там же, стр. 201, № 34.
79) Там же, стр. 213, и сл. №№ 19, 20, 21, 23 и сл.
80) Там же, стр. 140, № 78.
81) Там же, стр. 141, № 79.
82) Там же, стр. 141, № 81.
83) Там же, стр. 141, № 82.
84) Там же, стр. 142, № 85.
85) Там же, стр. 143, №№ 90 и 92.
86) Там же, стр. 151, № 95.
87) Там же, стр. 152, № 97.
88) Там же, стр. 153, № 99.
89) Там же, стр. 44, № 108.
90) Там же, стр. 44, № 109.
91) Там же, стр. 45, № 110.
92) Там же, стр. 45, № 112.
93) Там же, стр. 46, № 113.
94) Там же, стр. 46, № 114.
95) Там же, стр. 49, № 115,
96) Там же, стр. 49, № 115.
97) Там же, стр. 50—51, № 116.
98) Там же, стр. 51, № 118.
99) Там же, стр. 54, № 119. 1905 год в Белоруссии, стр. 36—38.
100) Там же, стр. 56—58, №№ 120, 122, 123, 124, 126.
101) Там же, стр. 58, № 125.
102) Там же, стр. 51, № 116.
103) Там же, стр. 52, № 108.
104) Там же, стр. 169, № 32.
105) Там же, стр. 228, № 42
106) Там же, стр. 229, № 44.
107) Там же, стр. 159, № 1 6.
108) Там же, стр. 62, № 134.
109) Там же, стр. 87-93, № 160, стр. 66-67, № 146, 149, 150.

Справаздача

аб дзейнасьці Навуковага Таварыства пры БДУ за 1925-26 вучэбны год.

У справаздачным годзе Навуковае Таварыства функцыянавала ў складзе наступных сэкцый: 1) Юрыдычнай, 2) Социяльна-Гістарычнай, 3) Літаратурнай, 4) Пэдагогічнай, 5) Фізыка-Матэматычнай, і 6) Прыродазнаўча-Гістарычнай.

З вышэйпаказаных сэкцый, як і ў мінулым годзе, шырэй чымся іншыя сэкцыі разгарнула сваю дзейнасьць Юрыдычная Сэкцыя, якая энэргічна прадаўжала тэорэтычную распрацоўку юрыдычных праблем, якія знаходзяцца ў сьціслай сувязі з пытаньнямі савецкага будаўніцтва і набывала ўсё большае значэньне ў практыцы законадаўчай дзейнасьці БССР. Яна сапраўды аб'яднала навокал сябе ўсіх больш-менш актыўных тэорэтыкаў і практыкаў, якія працуюць у галіне права ня толькі ў Менску, але і ў правінцыі.

Гэтак сама шырока разьвінула ў справаздачным годзе сваю дзейнасьць Фізыка-Матэматычная сэкцыя, якая аб'яднала навокал сябе ўсе матэматычныя сілы гораду і зацікавіла сваімі дакладамі студэнтаў, матэматыкаў і фізыкаў.

Склад Праўленьня Таварыства, абраны 22-XI—24 г. не зьмяняўся.

Другія сэкцыі разьвінулі нармальную для іх дзейнасьць і выклікалі інтарэс сярод інтэлігенцыі гораду і масы студэнцтва, апроч Прыродазнаўча-Гістарычнай сэкцыі, якая, ня гледзячы на папярэджаньні і напамінаньні з боку Праўленьня Таварыства, аніякай дзейнасьці не разгарнула.

За справаздачны пэрыод у пасяджэньнях сэкцый Навуковага Таварыства былі прачытаны наступныя даклады:

I. Юрыдычная сэкцыя.

1. Асыстэнт **Гавзэ**: „Аб праэкту агульнай часьці Крымінальнага Кодэксу БССР“.
2. Юрысконсульт НК Унутр. Спраў **Рахманін**: „Да пытаньня аб кодыфікацыях гандлёвага права“.
3. Праф. **Шыраяў**: „Эволюцыя Савецкага карнага права“.
4. Д-р **Гольдблат**: „Пастаноўка пытаньня аб душэўна-хворых у савецкім карным законадаўстве, у сувязі з пажаданымі рэформамі“.
5. Юрысконсульт „Экосо“ **Чэрняўскі**: „Дагавор Камісіі і савецкага заканадаўства“.
6. Член Найвышэйшага суду БССР **Зыбка**: „Да пытаньня аб судзебнай абароне чужаземцаў, якія пражываюць за межамі СССР па іскам да адказчыкаў, якія жывуць у СССР“.
7. Сакратар Юр. Бюро М. Гандлёв. Біржы **Метлін**: „Сутнасьць гандлёвай умовы па Савецкаму праву“.
8. Праф. **Грэдзінгер**: „Праэкт і закон“.
9. Асыст. **Гавзэ**: „Разгляд праэкту Код. РСФСР аб шлюбу і сям'і“.
10. Праф **Ленц**: „Злачынца, як аб'ект вывучэньня і сацыяльна-трудавога прыстасаваньня“.
11. Праф. **Чрэдзін**: „Юрыдычнае палажэньне прадпрыемства і прадпрыемцы.
12. Праф. **Вальфсон**: „Права ў асьвятленьні Г. В. Плеханава“.
13. Праф. **Герцык**: „Аграрныя рэформы на Захадзе ў апошняй чвэрці XIX веку ў пасьляваенны пэрыод“.
14. Член Калегіі Абаронцаў **Чысьцякоў**: „Прававое палажэньне гарадзкіх зямель“.

Даклады праф. **Шыраява**, **Грэдзінгера**, д-ра **Гольдблата, Метліна** зьявіліся ў друку.

II. Социяльна-Гістарычная сэкцыя.

1. Праф. **С. Я. Вальфсон**: „Узаемаадносіны Г. В. Плеханава і У. І. Леніна“.
2. Праф. **Ляскоўскі**: „Германія Тацыта ў асьвятленьні сучаснае археолёгічнае навукі“.
3. Праф. **У. І. Пічэта**: „Праблема фэўдалізму ў Кіяўскай Русі“. (Пасяджэньне сумесна з Прадметна-Гістарычнай Камісіяй).
4. Асыст. **Б. Э. Быхаўскі**: „Мэтапсыхалёгія Фрэйда ў асьвятленьні дыялектычнага матар'ялізму“.
5. Праф. **М. М. Нікольскі**: „Хэтцкі кодэкс і яго ўплыў на закон Пяцікніжжа“.

6. Праф. **С. Я. Вальфсон**: „Дыялектыка прыроды“ (з прычыны нанова надрукаванай кнігі Ф. Энгельса „Дыялектыка прыроды“).
7. **С. З. Кацэнбоген**: „Мэханістычны сьветапогляд у філёзофіі“.
Даклады **С. Я. Вальфсона і С. З. Кацэнбогена** былі надрукаваны.

III. Літаратурная сэкцыя.

1. **А. Н. Вазьнясенскі**: „Шуканьні аб'екту (да пытаньня аб адносінах мэтоды социолёгічнага да фармальнага“).
2. **В. П. Тэпін**: „Прыстасаваньне графікі ў школьным навучаньні літаратурных твораў“.
3. **А. І. Барычэўскі**: „Тэорыя сонэта“.
4. **Л. М Цьвяткоў**: „Да пытаньня аб укладаньні гістарычнага слоўніка беларускае мовы“.
5. **В. П. Тэпін**: „Школьнае навучаньне літаратуры за апошнія гады (1907-1925)“.
6. **Н. А. Вазьнясенскі**: „Традыцыя фармальных вывучэньняў у навуцы аб літаратуры“.
7. **І. В. Воўк-Левановіч**: „Два асноўных пытаньні ў беларускім правапісу — аканьне і пісаньне слоў чужаземнага пахаджэньня ў асьвятленьні навуковай фанэтыкі“.
Усе пасяджэньні Літаратурнай сэкцыі адбываліся разам з Прадметнай Камісіяй.

IV. Пэдагогічная сэкцыя.

1. **Рывес**: „Мэтад праэкту“.
2. **Р. А. Розэнноэр-Вальфсон**: „Аб нэгатывізму ў дзяцей“.
3. **А. А. Гайвароўскі**: „Мэтады прафэсыолёгіі“.
4. Шэраг дакладаў па рэфлексолёгіі праф. **М. Кроля** і праф. **А. Ленца**.

V. Фізыка-Матэматычная сэкцыя.

1. Праф. **Я. Сіроцін**: „Значэньне дзейнасьці Г. Лорэнца, як фізыка“.
2. Праф. **Я Сіроцін**: „Асноўныя рысы ў разьвіцьці фізыкі ў апошнія часы“.
3. Праф. **А. Міхайлоўскі**: „Посьпехі зорнай астрономіі“.
4. Дац. **Я. Пятосін**: „Роля Р. Клейна ў пытаньні аб рэформе выкладаньня матэматыкі“.
5. Дац. **Я. Пятосін**: „Біографія і працы М. Лабачэўскага“.
6. Дац. **Я. Пятосін**: „Да пытаньня аб пастаноўцы выкладаньня матэматыкі ў школе“.
7. Дац. **В. Дыдырка**: „Жыцьцё і працы Г. Клейна“.
8. Дац. **В. Дыдырка**: Роля проэктыўнай геомэтрыі ў угрунтаваньні не-эўклідавых“.
9. Дац. **В. Дыдырка**: „Аб пабудове некаторых цыркулярных крывых“.
10. Дац. **М. Шалаураў**: „Фізыка ў сямілетняй школе“.
11. Дац. **М. Шалаураў**: „Практыка Дальтон-пляну ў Камвузе“.
12. Дац. **М. Макарэўскі**: „Аб посьпехах мэтэоролёгіі ў школе“.
13. Асыст. **А Сьняткоў**: „Роля Г. Лорэнца ў тэорыі адноснасьці“.
14. Асыст. **А. Сьняткоў**: „Посьпехі радыотэхнікі“.
15. Асыст. **А. Усьпенскі**: „Роля Г. Лорэнца ў электронавай тэорыі“.
16. Астыст. **А Усьпенскі**: „Будова атама“.
17. Асыст. **А. Усьпенскі**: „Уплыў магнэсавага поля на крыніцы сьвятла“.
18. Асыст. **Сірачынскі**: „Самадзельныя прылады“.
19. Асыст **А. Круталевіч**: „Матэматычныя экскурсіі“.
20. Асыст. **А. Круталевіч**: „Агляд мэтодычнай літаратуры“.
21. Асыст. **А. Круталевіч**: „Да пытаньні аб элімінацыі зьменных“.
22. Асыст. **В Ляўковіч**: „Працы Р. Клейна ў галіне не-эўклідавай геомэтрыі“.
23. Асыст. **В. Ляўковіч**: „Аб працы М. Лабачэўскага: „Новыя пачаткі геомэтрыі“.
24. Асыст. **Г. Сагаловіч**: „Матэматыка ў комплексе“.
25. **Май**: „Фізыка ў тэхнікумах“.
26. **М. Пелеп**: „Дальтон-плян па фізыцы на Рабфаку“.
27. **А. Міцкевіч**: „Дальтон-плян па матэматыцы ў Камвузу“.
28. **У. Руткоўскі**: „Дальтон-плян па фізыцы ў сямігодцы“.
29. **У. Руткоўскі**: „Ілюстрацыя адносных чыслаў“.

У новым 1926-27 вучэбным годзе, у сьнежні 1926 г., арганізавана новая сэкцыя Навуковага Таварыства—Мэдыцынская. Зроблена зноў спроба ўтварэньня Эканамічнай сэкцыі для аб'яднаньня тэорэтыкаў-эканамістаў з эканамістымі-практыкамі, якія працуюць у дзяржаўных установах. На жаль гэтая справа ня дала добрых вынікаў. Апроч асобных пасяджэньняў сэкцый адбыліся два агульныя сходы:

1) Прысьвечаны сьмерці Каммэрэра з дакладамі: праф. **М. Гайдукова, А. Шчапоцьцева і П. А. Маўрадзіадзі** і 2) Прысьвечаньне 50-годзьдзю сьмерці **М. Бакуніна**, з дакладамі: праф. **В. Н. Перцева** і асыст. **І. В. Герчыкава**.

Содержание предыдущих номеров „Трудов Б. Г. У."

ЦЕНА 1 р.

тодов историко-литературной науки.—**В. Н. Ивановский.** Пушкин в истории русской общественности.— **В. Воўк-Левановіч.** Гістарычнае вывучэньне беларускай мовы ў славянскай філёлёгіі.—**И. М. Соловьев.** Школоведение, как предмет науки.—**Н. М. Никольский.** Талмудическая традиция об Иисусе.—**В. Н. Перцев.** Историческая идеология Бисмарка.—**И. Д. Сосис.** К истории антиеврейского движения в царской России.—**С. З. Каценбоген.** Правовое положение евреев в Белоруссии накануне революции 1917 г.—**И. В. Герчиков.** К идее государства у Лассаля.—**В. Д. Дружчыц.** Палажэньне Літоўска-Беларускай дзяржавы пасьля Люблінскай вуніі.—**Д. А. Жаринов.** Крестьянская диференциация перед падением крепостного права.—**М. О. Грёдингер.** Проблема возложения обязанности загладить вред и отношение ее к обязательству возмещения причиненного вреда.—**И. Я. Герцык.** Теория ренты в связи с трудовой теорией стоимости.—**В. И. Пичета.** Состав населения в господарских дворах Зап. Белоруссии в пореформенную эпоху.—**М. Б. Вейнгер.** Исследуйте еврейские диалекты' (на евр. яз.).

№ 8—9—10. От редакции.—**А. В. Федюшин.** 1. Материалы к изучению орнитофауны Мурмана. 2. К биологии Tadorna rutila Pall.—**Н. А. Збитковский.** Материалы к флоре Белоруссии.—**Е. М. Зубкович.** К планктону водоемов Минского округа.—**Л. П. Розанов.** 1. О действии тиреоидина на функции коры головного мозга. 2. О влиянии тиреоидина, церебрина и кордина на анаэробное дыхание дрожжей. 3. Новые данные по вопросу о влиянии тиреоидина на алкогольное брожение.—**А. П. Бестужев.** К вопросу о возбуждающем действии угольной кислоты.—**С. М. Рубашев.** Нервная система мочеполового аппарата у мужчин.—**М. П. Соколовский.** К вопросу об элиминации бактерий из брюшной полости.—**Е. А. Федорова.** К вопросу о формах бешенства у человека.—**В. А. Леонов.** Опыт образования и угашения простого условного рефлекса у рахитика. — **А. Е. Мангейм и Б. Н. Цыпкин.** Материалы к изучению хрящевой пластики. — **Н. А. Прилежаев.** Окисление лимонена гидроперекисью бензоила.—**В. Н. Ивановский.** Из лекций по методологии наук Гл. 1.—**Е. Е. Сиротин.** О температурном градиенте в атмосфере и барометрической формуле.— **С. И. Лебедкин.** К технике графических реконструкций.—**Хроника Бел. Гос. У-та.**

№ 11.—От редакции.—**С. З. Каценбоген.** Диалектический материализм и механическое мировоззрение.—**И. Я. Герцык.** О некоторых проблемах теории политической экономии.—**В. Н. Ширяев.** Основные начала уголовного законодательства СССР. — **М. О. Грёдингер.** Брак и закон.—**М. Я. Грёдингер.** Думкі аб неабходнасьці выданьня грамадзянскага працэсуальнага кодэксу для Беларусі. — **И. Я. Герцык.** Аграрные реформы в Западной Европе в последнюю четверть XIX столетия и после войны. — **В. І. Пічэта.** Зямельнае права ў статутах 1529 і 1566 гадоў.—**В. И. Пичета.** Крестьянское и рабочее движение на Белоруссии в эпоху 1905 года.—**С. Я. Вольфсон.** Факультэт права і гаспадаркі Беларускага Дзяржаўнага Унівэрсытэту.

№ 12. В. Дружчыц. Места Менск у канцы XV і пачатку XVI ст.—**М. Шчакаціхін.** Ілюстрацыі Даніэля Хадавецкага да „Буры" Шэкспіра.—**А. Н. Ясинский.** Поземельная опись Градищенского монастыря.—**Н. М. Никольский.** Следы магической литературы в книге Псалмов.—**И. Д. Сосис.** К истории анти-еврейского движения в царской России.—**В. И. Пичета.** Крестьянское движение в Белоруссии в 1905 г.

№ 13—Ю. М. Иргер. Влияние перевязки семявыносящих протоков на простату и на яичко.—**И. Т. Титов.** О разрывах селезенки при малярии.—**В. Ф. Черваков.** Pancreas accessorium—**М. А. Дворжец.** Повреждения глаз, быт и профессия—**Д. С. Володкович.** К вопросу о тромбопенической пурпуре и других формах геморрагического диатэза у детей.—**С. И. Гельберг.** О новых методах изготовления противоскарлатинозной сыворотки.—**Д. А. Марков.** Электроинотерапия как самостоятельный метод.—**Хроніка ўнівэрсыцэцкага жыцьця.**

00000002466030